

ДѢТСКАЯ ФИЛОСОФІЯ,

ИЛИ

НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЕ РАЗГОВОРЫ

МЕЖДУ

ОДНОЮ ГОСПОЖЕЮ И ЕЯ ДѢТЬМИ,

СОЧИНЕННЫЕ

ДЛЯ ПОСПѢШЕСТВОВАНІЯ ИСТИННОЙ ПОЛЬЗѢ МОЛОДЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Часть II.

Печатана въ Типографіи Императорскаго Московскаго Университета 1779 года.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ, я читалъ книгу Дѣтской Философіи или Нравоучительные разговоры между одною Госпожею и ея дѣтьми, сочиненные для поспѣшествованія истинной пользѣ молодыхъ людей часть II. и не нашелъ въ ней ничего противнаго настановленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣчія Профессоръ и Цензоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

ИЗВѢСТІЕ

ДЛЯ

ЧИТАТЕЛЕЙ.

Читавшіе первую часть сей книги, да соблаговолятъ припомнить, что кончилась она бывшимъ у Клеона и Феоны разговоромъ съ госпожею Мелиндою. Мы оставили ихъ однихъ дома дожидающихся пріѣзда госпожи Ц** ихъ матери, которая возвращаясь изъ города заѣхала съ госпожею Филидою посѣтить одного своего сосѣда, и что, пріѣздомъ оныхъ домой, бывшій ихъ въ саду разговоръ, принужденъ былъ

перерваться, и они пошли всѣ въ хоромы.

*Теперь надобно знать, что, пришедъ въ оныя, нашли они не только ихъ, но сверьхъ чаянія своего, и другихъ неожидаемыхъ гостей, а именно госпожу Доримену свою тетку, и съ нею дѣвицу Бетиду съ ее учительницею, о коихъ говорено было при началѣ первой части. Легко можно заключить, что пріѣздъ ихъ много обрадовалъ нашего Клеона и сестру его: а особливо сія послѣдняя была симъ случаемъ чрезвычайно тронута, и мучилась ужѐ нетерпѣливостію найти скорѣе случай къ разговорамъ, дабы оказать предъ ними свое знаніе, и тѣмъ нѣкоторымъ образомъ отмстить обиду и насмѣшку, учиненную нѣкогда ей госпожею Бетидою. Но какъ они съ госпожею Ц** съѣхались нечаяннымъ образомъ у господина Эраста, и оттуда въ оной коретѣ до дому госпожи Ц** ѣха-*

ѣхали; то имѣла сія госпожа премя, какъ учительницу, такъ и самую госпожу Бетиду предварительно нѣкоторымъ образомъ о обученіи дѣтей своихъ и о ихъ прилѣжности упѣдомить, и благодарить притомъ первую за поданіе къ тому повода. Сіе произшело, что учительница и г. Бетида совсѣмъ ужè другое мнѣніе о ея дѣтяхъ получили; и для того по пріѣздѣ своемъ и по взаимномъ присутствованіи стали ужè съ ними гораздо ласковѣе и пріятнѣе прежняго обходиться. Госпожа Бетида рекомендовала себя Феонѣ въ особливое дружество, и не только отъ того была ужè далеко отдалена, чтобъ по прежнему надъ нею смѣяться; но напротивъ того ласкалась къ ней всѣми образами. Сіе было причиною, что и Феона прежнюю свою на нее досаду совсѣмъ оставила, и сама стала почитать ее ужè пріятельницею.

Сни скоро вступили между собою въ дружескіе разговоры, и конечно бы дошли до важныхъ матерій, естьлибъ третій ихъ товарищъ, а имянно госпожа Мелинда: сія модная, или съ позволеніемъ читателя лучше сказать вертопрашная дѣвушка имъ въ томъ препятствія не сдѣлала. Веселой или паче сказать вѣтреной ее нравъ не могъ имѣть покоя. Ее жизнь состояла въ томъ, чтобъ только смѣяться, хохотать, пѣть, вертѣться, прыгать и говорить о платьѣ и о модахъ: а какъ была она притомъ у матери своей въ великой волѣ, и привыкла дѣлать, что хочетъ, то и не могла она тутъ сидѣть долго на одномъ мѣстѣ: но тотчасъ собесѣдницамъ своимъ сдѣлала предложеніе, чтобъ иттить въ другой покой, и оставить старухъ разговаривающихъ между собою; ибо принужденіе, которое она по крайней мѣрѣ для благопристойности при нихъ терпѣть принуждена была, сдѣлалось наконецъ ужѐ ей несносно,

Не

Не успѣли они вытти, какъ поднятъ былъ ею ужѐ великой шумъ. Она не зная госпожи Бетизы, и сочтя ее такоюжъ деревенскою жительницею какъ и Фѐону, начала тотчасъ съ великою живостію съ нею говорить, расказывать новыя моды и хвастать своимъ знаніемъ. Госпожа Бетиза, которая сама недавно пріѣхала изъ города и неменьше ее все знала, тотчасъ ее сложеніе примѣтила, и будучи отъ природы нѣсколько къ насмѣшкамъ склонною, вздумала играть съ нею тогда комедію. Она притворилась будто ничего не знаетъ. Лехко можно заключить, что сіе Мелинзу еще пуще поострило. Она сочла себя предъ ними вышшенною, и дала полную волю всѣмъ пристрастіямъ своимъ. Что она въ одну минуту имъ не наговорила, и чего не насказала симъ, по мнѣнію ея, деревенскимъ дурамъ? Всѣ моды, всѣ новыя платья, и всѣ покрои, цвѣты, ленты, бахромки,

 чеп-

чепчики, обыкновенія, обряды, и однимъ словомъ все было ей знаемо и извѣстно, и все почти она имѣла у себя. Симъ она еще далеко не удовольствовалась. Надобно было еще на товарищахъ своихъ все опорочить; ибо почитала, что незнаніе ихъ дастъ ей надъ ними право и господствіе. Она начала̀ сперва съ Феоны какъ съ своей давнышней знакомки, и какихъ пороковъ она въ ней не нашла? И платокъ у ней не такъ былъ повязанъ, и кофточка не такъ сшита, и вырѣска не такая, и матеріи такой ужѐ не носятъ и такъ далѣе: но это всѣ пороки были одного рода, потóмъ дошла она до другихъ. Она начала̀ осмѣхать ее поступки, и говорила ей, что и сидитъ она не по модѣ, и ходитъ по старинному, и каблуки у ней низки, и кланяется она не такъ, и говоритъ не картавя и протчее: однимъ словомъ все было не по модѣ и все худо. Не успѣла она бѣдную нашу Феону совсѣмъ оду-

одурачить и въ ничто поставить, какъ обратилась къ самой Бетиздѣ, и хотя не зная ее коротко, такъ вольно и безстыдно съ нею поступать и не отважилась; однако не преминула сдѣлать нѣкоторыя критическія примѣчанія о ее чепчикѣ, кройкѣ и протчемъ, и хотѣла было далѣе продолжать. Какъ Бетиза будучи ужѐ не въ состояніи болѣе удержаться отъ смѣха, въ слухъ захохотавъ, ей сказала: не прогнѣвайтесь матушка, я сама только третьяго дня изъ Москвы пріѣхала; а того и половины не видала, что вы намъ расказывать изволили, хотя по многихъ и самыхъ лучшихъ домахъ выѣзжала.

Естьли бъ въ госпожѣ Мелиндѣ была хотя малая часть смиренномудрія; то моглобъ сіе совсѣмъ ее пристыдить. Но не такого духа была наша Героиня. Ее лице не на то было рождено, чтобъ могло природнымъ румянцомъ

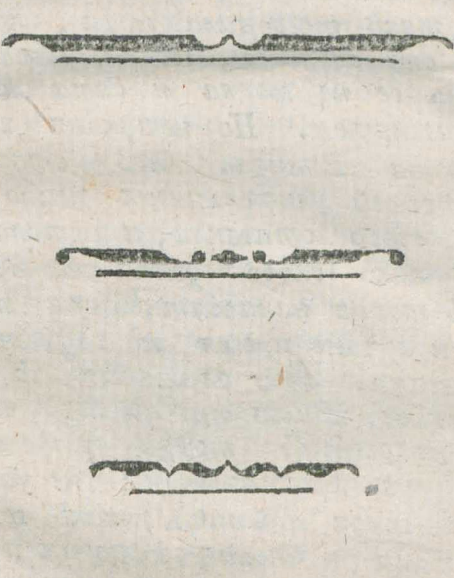
цомъ краснѣться. Она сочла сiе за ничто, и поставивъ въ смѣхъ, сама еще старалась обратить сiе въ шутку. Но какъ бы то ни было, однако съ того времени перестала она болѣе говорить о платьѣ и уборахъ; но всему явленiю сдѣлала перемѣну. Она выняла изъ кармана нѣсколько лоскутковъ бумаги, и сказывала, что то самыя новыя пѣсни, и вкупѣ начинала ихъ тананакать и расхваливать своимъ подругамъ. Потóмъ захотѣлось ей танцовать и попрыгать, чтобъ Феонѣ показать какiе контра танцы танцовали на послѣднихъ маскерадахъ. Она побѣжала въ залу, куда за нею и тѣ по неотступной ее прозбѣ слѣдовать принуждены были. Тамъ началось у ней прыганье и скаканье. Она принуждала и товарищей своихъ то же дѣлать и промучила ихъ симъ и другими своими рѣзвостьми во весь вечеръ такъ, что госпожѣ Бетидѣ и Феонѣ наконецъ уже крайне наскучила, и

они

они неиѣдомо какъ были ради, что по щастію поспѣвшій ужинъ сдѣлалъ всему тому окончаніе.

На другой день проспала госпожа Мелинда до десятого часа; ибо такъ требовала мода, которую она обожала, по чему разбужать ее не могла и сама мать отважиться. Но нетакова была госпожа Бетида. Она стараніемъ своей учительницы давно ужѐ отъ того отвыкла, и встала съ нею какъ скоро день сталъ. И какъ тогда наиприятнѣйшая погода и лучшее время въ году было: то взявъ одну служанку въ проводники, пошли они въ садъ, чтобъ на пріятномъ тогда утреннемъ воздухѣ прогуляться: не успѣли они туда войтить, какъ пошла за ними и Ѳеона, которая почти вмѣстѣ съ ними вставши съ поспѣшностію одѣвшись, спѣшила сдѣлать гостямъ своимъ компанію, а въ самомъ дѣлѣ надѣялась во время сей прогулки, имѣть

удобной случай къ важнымъ разговорамъ, которой разговоръ между ими теперь и послѣдуетъ.

РАЗГО-

РАЗГОВОРЪ XII.

МЕЖДУ ФЕОНОЮ и УЧИТЕЛЬНИЦЕЮ ГОСПОЖИ БЕТИДЫ, ВЪ КОТОРОМЪ РАВНО И СІЯ ДѢВИЦА, А ПОСЛѢ И КЛЕОНЪ ИМѢЛИ СВОЕ УЧАСТІЕ.

УЧИТЕЛЬНИЦА [цѣлуясь съ Феоною.]

Здравствуй моя радость? Все ли благополучно вы почивали? . . . И не для насъ ли вы такъ рано встали сего дни? Ежели для насъ, то я стану, ей ей, сожалѣть, что мы васъ обезпокоили.

ФЕОНА.

Никакъ сударыня? Какое это безпокойство? Я и безъ того привыкла ужè всегда рано вставать. Матушка наша изволила намъ сказать, что это гораздо лучше и здоровѣе для насъ будетъ, когда мы, вставать будемъ ранѣе: а мы, за должность почитая всѣмъ приказанiямъ ея слѣдовать, согласились съ братцомъ сдѣлать въ семъ случаѣ себѣ принужденiе: но скоро такъ ужè къ тому привыкли, что теперь никакого отягощенiя отъ того не было, такъ и безъ того для такихъ дорогихъ гостей ничего бы не почла себѣ за отягощенiе.

УЧИТЕЛЬНИЦА.

О какую перемѣну вижу я въ васъ съ номняшнаго времени. Повѣрите ли госпожа Феона, что вы совсѣмъ ужè иною сдѣлались. Я вчерашнiй вечеръ нарочно примѣчала всѣ ваши поступки и слова̀,

ва̀, и не могла довольно нарадоваться, видя васъ во всемъ почти перемѣнившуюся, и увѣряю теперь, что и Бетида моя̀ не станетъ ужѐ болѣе надъ вами смѣяться.

Г. БЕТИДА.

Безсомнѣнно сударыня не стану; но вмѣсто того имѣю ужѐ нынѣ истинное къ госпожѣ Феонѣ почтеніе, и признаваясь, что и тогдашній случай мнѣ теперь совѣстенъ, дружески прошу мнѣ то отпустить.

ФЕОНА.

Совсѣмъ труда не сто́итъ о томъ просить сударыня. Я была тогда всего того достойна, и теперь не только никакого се́рдца на васъ за то не имѣю; но чувствую еще нѣкую благодарность; ибо насмѣшка ваша мнѣ въ великую пользу обратилась.

УЧИТЕЛЬНИЦА.

Да! моя радость! Матушка ваша расказывала намъ, что вы

съ

съ самаго того времени охоту учиться получили, и я не могла нарадоваться, слыша отъ ней о вашей прилѣжности, охотѣ и раченіи. Могу сказать, что всѣ благонравныя и прилѣжныя дѣти для меня милы и пріятны, и я не могу налюбоваться видя прилѣжное и такое дитя, которое къ наукамъ имѣетъ охоту. Учитесь, учитесь, любезныя дѣти! Не льзя ничему лучше и полезнѣе для васъ быть таковой наукѣ, какой васъ ваша матушка обучаетъ. Признаюсь, что это женщина примѣрная, и госпожа Доримена и половину еще тѣхъ достоинствъ ее мнѣ не описала, какія я теперь вѣ ней примѣчаю. По истиннѣ можно сказать, что она ученая госпожа, и вы подъ предводительствомъ такой родительницы можете тысячу пользъ получить и щастливыми сдѣлатися. Вчера расказывала она мнѣ планъ намѣренія своего, какимъ порядкомъ васъ

она

она учить намѣрена, и въ чемъ состоитъ сія наука. Вы слышали все Бетида; однако я не имѣла времени сказать вамъ о истинномъ моемъ удивленіи, и что я о томъ думаю. Теперь откровенно признаюсь, что родъ обученія сего со всѣмъ особливой и не инако какъ крайне полезенъ и способенъ быть можетъ. Хвалю госпожу Ц * * что она сіе средство избрала, и желаю сердцемъ, чтобъ она и до вожделѣннаго конца намѣренія своего достигла, которое она съ толикимъ успѣхомъ начала̀.

БЕТИДА.

И такъ подлинно обучаетесь вы съ братцомъ всякой вечеръ?

ФЕОНА.

Конечно сударыня обучаемся, и какъ скоро вечеръ начнетъ приближаться, то матушка наша изволитъ съ нами выттить въ садъ, и начинаетъ намъ расказывать всякія вещи. О! какихъ хоро-

хорошихъ вещей она намъ ужѐ не насказала, и сколь веселы намъ сіи минуты! Всякой вечеръ изволитъ сказывать намъ все новое, все нужное и все такое, что насъ въ удивленіе приводитъ. Повѣрите ли сударыня, мы не можемъ устать ее слушаючи, и не однажды еще не наскучили намъ ея разговоры, такъ они пріятны и хороши!

БЕТИДА.

Что же вы теперь о вашихъ скаскахъ думаете?

ФЕОНА.

О сударыня! Пожалуйте мнѣ объ нихъ ужѐ и не упоминайте. Я давно ихъ бросила и стыжусь теперь, что была до нихъ охотница. Много есть вещей и безъ нихъ, которыя намъ вѣдать, и на узнаніе которыхъ время употребить надобно.

УЧИТЕЛЬНИЦА.

Конечно такъ, моя радость! И вы сдѣлаете очень хорошо, естьли и впредъ такуюжъ охо-

ту

ту и прилѣжность имѣть будете, какую имѣли до сего, какъ ваша матушка мнѣ расказывала.

ФЕОНА.

Для чегожъ сударыня и не имѣть, когда видимъ изъ того очевидную пользу, и когда наука сія насъ послѣ щасливыми можетъ сдѣлать,

БЕТИДА.

О! какъ я сожалѣю, что мы отъ васъ сего дни ѣхать принуждены будемъ, а то бы усильно попросила госпожу Ц**, чтобъ она при насъ одинъ вечерній разговоръ съ вами имѣла, и надѣюсь она склонилась бы на мою прозьбу? Повѣрите ли мадамъ [: *обратясь къ Учительницѣ* :] мнѣ невѣдомо какъ хочется слышать порядокъ и родъ сихъ разговоровъ, о которыхъ теперь такъ много наслышалась; но жаль, что необходимыя нужды госпожи Доримены скораго отъѣзда требуютъ.

УЧИ-

УЧИТЕЛЬНИЦА.

Я сама не менѣе вашего того желалабъ; но что дѣлать когда препятствія отвратить не можно? По крайней мѣрѣ употребимъ теперешній случай въ пользу. Госпожа Феона надѣюсь согласится на наше требованіе, и раскажетъ намъ вкратцѣ содержаніе всего того, что она по сіе время выучила, и тѣмъ докажетъ намъ справедливо ли все то, что намъ матушка ее о ее памяти и удобопонятіи сказывала.

ФЕОНА.

Съ радостію моею готова исполнить ваше повелѣніе сударыня. И какъ мы еще негораздо много времени имѣли учиться: то признаюсь, что и выучились немногому, и ежели то выключить, что матушка намъ о сей наукѣ и ее великой полезности расказывать изволила: то протчее касается до единаго Бога. Теперь ужè радость моя [*оборотясь къ*

Г.

Г. Бетидъ] я нетакова незнающа въ рассужденіи этого пункта какъ прежде была, но имѣю о Богѣ хорошее понятіе. Матушка намъ все изволила расказать, что намъ объ немъ вѣдать надобно, и ежели изволите, то теперь же раскажу вамъ все то, что я о его существѣ свойствахъ и совершенствахъ знаю.

УЧИТЕЛЬНИЦА.

Вы намъ обѣимъ сдѣлалибъ чрезъ то великое удовольствіе.

ФЕОНА.

Съ радостію готова сіе учинить... И такъ прежде всего скажу, что сего великаго и безконечнаго нашего производителя, не только намъ, но никакому созданію совершенно знать и постигнуть не можно; для того что никакое конечное существо безконечного постигнуть не можетъ: и для того, должны мы довольствоваться однимъ только, знаніемъ, какое мы по конечности своей объ немъ имѣть можемъ и отнюдъ не дерзать хотѣть вящшаго

щаго. Все же то, что мы объ немъ при вспоможенiи единаго на него разума знать можемъ, состоитъ въ слѣдующемъ: во первыхъ что онъ нача́ло и причина бытiю всѣхъ вещей и всему свѣту, которой мы видимъ. Отъ него все произошло, онъ все сотворилъ, и сотворилъ изъ ничего единымъ своимъ всемогущимъ хотѣнiемъ или словомъ: ибо само собою вещи сдѣлаться никоимъ ибразомъ не могли, и должны были кѣмъ никудь сдѣланы быть. Во вторыхъ, что сей великой производитель, существомъ своимъ всесовершеннѣйшiй, и имѣетъ въ себѣ всѣ совершенства и все доброе, что только быть можетъ, и лучше и совершеннѣе его никакой вещи нѣтъ, и быть не можетъ. Въ третьихъ, что существо его состоитъ въ томъ, что онъ такая вещь, которую мы не только видѣть, но ни вообразить себѣ теперь не можемъ: для того что его ни съ чѣмъ въ свѣтѣ сравнить не можемъ: а мы только то

себѣ

себѣ и воображать можемъ, что на свѣтѣ есть и что мы съ видимыми вещьми сравнить можемъ. Однимъ словомъ, онъ духъ, а всякой духъ мы теперешними глазами видѣть не можемъ. Существо же всякого духа состоитъ въ томъ, что онъ можетъ мыслить и хотѣть, которыя свойства называются *разумъ и воля*. Въ четвертыхъ, что изъ протчихъ свойствъ и совершенствъ его, первое есть то, что онъ вѣченъ: то есть бытіе его не имѣло начáла и не будетъ имѣть конца. Второе то, что онъ самобытенъ, то есть, какъ всѣ прочїя вещи имѣли свое начáло отъ него; такъ напротивъ того онъ ни отъ кого не произошолъ; но бытію своему самъ причиною и ни отъ кого не зависитъ. Третіе, что онъ всегда непремѣненъ, но каковъ совершенъ былъ, таковъ совершенъ всегда, есть и всегда будетъ, и что совершенства его ни прибавиться ни убавиться не могутъ. Четвертое то, что онъ чрезвычайно ве-

ликъ и однимъ словомъ безконечно великъ, и всѣ величины противъ его ничто суть и что нѣтъ такого мѣста, гдѣбъ его не было, однимъ словомъ онъ наполняетъ все, находится во всякомъ мѣстѣ, почему и называется сіе его совершенство *вездѣ присудствіемъ*. Пятое то: что разумъ его безконечно великъ и весьма отмѣненъ отъ нашего. Мы не можемъ и о двухъ вещахъ вдругъ и въ одно время мыслить; а онъ обо всемъ мирѣ и обо всѣхъ находящихся въ немъ вещахъ вдругъ мыслитъ, и знаетъ, и потому сіе его совершенство и называется его всевѣдѣніемъ. Шестое то, что и воля или хотѣніе его отмѣнно отъ нашего тѣмъ, что оно всемогущее, и что для произведенія всего ему только похотѣть надобно, и для него ничего невозможнаго нѣтъ, и потому называется сіе совершенство его *всемогущіемъ*. Седмое то, что онъ безконечно блаженъ, и къ блаженству его ничего

ничего присовокуплено быть не можетъ. Осьмое, что онъ безконечно премудръ; то есть, что всѣ дѣла̀ свои онъ наилучшимъ и всепремудрѣйшимъ образомъ дѣлаетъ; а по пустому ничего дѣлать не можетъ. Девятое то, что онъ безконечно святъ; то есть, что онъ доброе въ наивысочайшемъ градусѣ любитъ; а худое ненавидитъ. Десятое то, что онъ безконечно правосуденъ; то есть, что всякое доброе дѣло необходимо награждаетъ; а злое наказываетъ. Одиннатцатое то, что онъ безконечно праведенъ или правдивъ; то есть, что онъ неправды никакой не можетъ дѣлать; но напротивъ того обѣщанія свои исполняетъ вѣрно. Двенатцатое то, что онъ имѣетъ и любовь всесовершеннѣйшую, которая между прочимъ состоитъ въ томъ, что онъ созданіямъ своимъ всякаго добра желаетъ, и что ему пріятно, когда мы бла-

трополучны. Тринатцатое то; что онъ намъ охотно всякое доброе дѣлаетъ, котороe свойство и называется *благость* Божеская. Четвертоенадесять то, что онъ доброе намъ и безъ нашихъ заслугъ дѣлаетъ, которое свойство его называется *милостію*. Пятоенадесять то, что онъ не презираетъ прозьбы и самыхъ беззаконныхъ людей, почему и называется сіе свойство его *милосердіемъ*. А шестоенадесять наконецъ, что онъ по безконечной благости любви и милосердію своему не тотъ часъ насъ за преступленія наказуетъ, но щадитъ и терпитъ иногда долгое время; и потому свойство сіе называется *долготерпѣніемъ* Божескимъ. Вотъ сударыня! теперь все, что я о Богѣ знаю; я расказала вамъ вкратцѣ, и одни только поверьхности, и готова бы тому и доказательства и изъясненіе предъявить, естьлибъ время не столь короткое было.

УЧИ-

УЧИТЕЛЬНИЦА.

Сего и не надобно моя радость! Мы и тѣмъ довольны, и я невѣдомо какъ радуюсь, что вы съ такимъ хорошимъ успѣхомъ учитесь, и все такъ твердо и порядочно помните, что вамъ ваша матушка раскаѕывала. Продолжайте мои свѣты учиться далѣе, самое небо вамъ да поможетъ?

БЕТИДА.

Признаюсь сударыня, что и я съ крайнимъ удовольствіемъ слушала слова госпожи Феоны, и не могу, чтобъ не приписать ей достойную похвалу. Какое это прекрасное начало! . . . Но дозвольте мнѣ сударыня спросить, развѣ матушка ваша ничего еще вамъ о Христіанскомъ законѣ не сказывала, что вы ни однимъ словомъ о томъ не упомянули.

ФЕОНА.

Нѣтъ сударыня, мы еще о томъ ничего не слыхали; но матушка изволитъ говорить, что о томъ разговаривать еще рано, и что

прежде того намъ многія вещи слышать надобно. Теперь намѣрена она намъ сказывать, не знаю что о свѣтѣ, и мы не терпѣливо ожидаемъ того времени.

УЧИТЕЛЬНИЦА.

Госпожа Ц * * очень и благоразумно въ семъ случаѣ поступаетъ. Она видно хочетъ напередъ ихъ изъясненіемъ всѣхъ другихъ вещей къ тому пріуготовить, дабы тѣмъ удобнѣе могла она изобразить имъ всю великую важность откровенія и таинствъ Христіанскаго закона.

ФЕОНА.

Такъ, сударыня! Матушка сама изволила намъ сіе не однажды ужѐ сказывать. Но дозвольте сударыня мнѣ васъ спросить, чтожъ бы такое о свѣтѣ намъ знать надобно было, и для чего бы знаніе объ немъ предслѣдовать долженствовало? Я много буду одолжена, естьли вы мнѣ краткими словами о томъ скажете.

УЧИ-

УЧИТЕЛЬНИЦА.

Съ великою охотою моя радость! Знаніе о свѣтѣ принесетъ вамъ великую пользу . . . . . . Но постойте. Вотъ пришолъ вашъ братецъ: (*къ Клеону*:) здравствуйте мой свѣтъ! Такъ ли и вы умны какъ ваша сестрица?

ФЕОНА.

О! конечно сударыня! я ручаюсь вамъ за брата, что и онъ все тоже знаетъ что и я, и слушаетъ и примѣчаетъ еще прилѣжнѣе моего.

УЧИТЕЛЬНИЦА.

О! какая это пара дѣтей драгоцѣнныхъ! И какъ щастлива госпожа Ц * * имѣя такихъ сокровищей! Поцѣлуй мѣня мой свѣтъ! Я не могу смотря на васъ довольно нарадоваться.

КЛЕОНЪ [поблагодаривъ учительницу, сказалъ потомъ сестрѣ своей.]

Матушка изволила послать меня провѣдать, гдѣ вы находитесь,

и проситъ, чтобъ пожаловали въ бесѣдку, куда онѣ всѣ согласились иттить кофей кушать, и скоро въ садъ будутъ.

УЧИТЕЛЬНИЦА.

Очень хорошо мой свѣтъ! для чегожъ и намъ туда нейтить и имъ компаніи не сдѣлать?

БЕТИДА.

А госпожа Мелинда ужли ли ужѐ встала?

КЛЕОНЪ.

Нѣтъ, сударыня! она еще почиваетъ, и мнѣ сказывали, что сама госпожа Филида три раза ее будить ходила, однако она ее не слушаетъ, и не встаетъ, и для того положили ужѐ ее не дожидаться.

БЕТИДА.

Ха! ха! ха! посю пору спать. Какая это удивительная модница! О мадамъ! ежелибы послушали вы вчера ее разговоровъ, вы бы изъ терпѣнія вышли; и повѣрите ли мнѣ, вчера госпожа Феона жалка стала; совсѣмъ ее бѣдную одурачи-

рачила, и нивочто поставила; хотя сама ея башмака не стоит, и нам так она наскучила, что мы ради были, что нас ночь с нею разлучила.

УЧИТЕЛЬНИЦА.

Госпожа Мелинда, девица модная и светская; почему и наблюдает она все то, что повелевает мода: однако вам мои светы, а особливо тебе госпожа Феона, как девице живущей в деревне, не советую я последовать ее примеру. И хотя последование моде совсем и не отвергаю, однако надобно знать посредство, и не выходить за надлежащие пределы, ибо и всякая добрая вещь будет худою, естьли превзойдет свои границы.

ФЕОНА.

Вы бы сударыня много меня одолжить изволили, естьлиб сказали мне, как в сем случае поступать наилучше.

УЧИТЕЛЬНИЦА.

Все состоит в наблюдении того только правила, моя ра-

дость! чтобъ не всякому вѣтру слѣдовать, и не быть такъ ревностнымъ къ подражанію и послѣдованію новымъ модамъ, какъ нынѣ весьма многія бываютъ. Повѣрите ли, что ничего смѣшнѣе нѣтъ человѣка, обожающаго моду да такой крайности, что всякая новая перемѣна ему безпокойствіе и мученіе наводитъ, и онъ до тѣхъ поръ спокоенъ не бываетъ, покуда себѣ того не сдѣлаетъ, не взирая, хорошо ли оно или худо. Не можно ли по крайней мѣрѣ взять на нѣсколько времени терпѣнія, и обождать, покуда та мода нѣсколько ужѐ общею сдѣлается, или по крайней мѣрѣ многія ужѐ ей и самыя постоянныя послѣдовать будутъ, а не тотчасъ, завязавъ себѣ глазà, слѣдовать первымъ выдачкамъ, или того еще хуже стараться самой быть помянутою выдачкою, и будучи разумнымъ человѣкомъ спѣшить самовольно записаться въ сообщество вертопрашекъ, кои въ мѣсто мнимой похвалы по большой

части

части брань и хулу получаютЪ. ПовЂрте мои любезныя дЂти, что чрезЪ такое ревностное подражаніе модамЪ никогда разумнЂе не сдЂлаетесь, и ни кЂмЪ разумнЂе почтены не будете. ЧеловЂку молодому не такими наружными бездЂлушками и ничтожностьми себя украшать надобно, и ничего глупЂе нЂтЪ, какЪ вЪ одномЪ томЪ все совершенство полагать, чтобЪ на первой на тебЂ новыя моды видЂли. ГлазамЪ всякаго разумнаго человЂка противна новая мода, когда онЪ ее вЪ первые видитЪ. ОнЪ не преминетЪ повторить вновь обыкновенныя свои сему злу и непостоянству народному проклятія, и выбранить затЂйщика и подражателя. На чтожЪ тебЂ подавать кЪ тому поводЪ, чтобЪ тебя умные люди бранили, другіе приписываютЪ то: скажу вамЪ только слово одного славнаго нравоучителя, которой при такихЪ случаяхЪ отзывался, что лучше хочетЪ слышать похвалу отЪ одного ра-

зумнаго человѣка, нежели хулу отъ ста глупцовъ, которые сами не вѣдаютъ, что хорошо и что худо, и что хвалятъ и хулятъ. Однимъ словомъ не надобно отъ всѣхъ отставать и не надобно дѣлаться и выдачкою, ктомужъ и между многочисленными завсегда модами дѣлать благоразумной выборъ и слѣдовать болѣе тѣмъ, которыя находятъ отъ всѣхъ аппробацію, и которыя меньше прочихъ хулимы бываютъ.

ФЕОНА.

Благодарствую сударыня за ваше наставленіе; я постараюсь никогда оное не позабыть, но исполнять сіе пра́вило. Теперь прошу васъ сударыня напомнить давишнее обѣщаніе и расказать намъ съ братцомъ то, что вы давича было ужѐ за́чали.

КЛЕОНЪ.

А о чемъ такомъ сестрица хотѣла расказывать вамъ госпожа Учительница?

ФЕОНА.

ФЕОНА.

О томъ братецъ, для чего намъ знаніе о свѣте имѣть надобно, о которомъ матушка намъ расказывать начинать намѣрена.

КЛЕОНЪ.

О сударыня! такъ и я васъ о томъ покорно прошу, и неменьше сестрицына чувствовать буду одолженіе ваше.

УЧИТЕЛЬНИЦА.

Для такихъ дорогихъ дѣтей не почла бы я себѣ ничего за трудъ. И такъ вѣдайте мои свѣты, что знаніе свѣта вамъ для многихъ причинъ и весьма надобно, и составляетъ очень великую важность. Во первыхъ какое бы понятіе вы теперь о Богѣ и о его свойствахъ и совершенствахъ не имѣли, и какъ бы пространно матушка вамъ ни описывала и ни изъясняла, но никогда не можете вы имѣть совершеннаго и удостовѣрительнаго понятія о его премудрости, благости и любви и прочихъ совершенствахъ, естьли не будете знать физики.

КЛЕОНЪ.

Не прогнѣвайтесь сударыня, что я у васъ спрошу. Что это такое физика? Это слово я въ первыя еще слышу?

ФЕОНА.

И! братецъ, какъ тебѣ не стыдно перебивать рѣчь; вы ужѐ такъ къ тому привыкли, что позабыли, что это не матушка, а госпожа Учительница, съ которою мы теперь разговариваемъ.

УЧИТЕЛЬНИЦА.

О! нѣтъ ничего моя радость, это не только простительно, но еще и похвально. Всякую вещь лучше понимать съ основаніемъ, и для чего же не спросить, когда чего не знаешь; сіе ни мало и никогда не постыдно. Лучше спросить и узнать, нежели не зная заключать, что знаешь.

ФЕОНА.

Намъ сударыня дозволила матушка такимъ образомъ себя всегда спрашивать, и братецъ наблюдалъ въ семъ случаѣ старую свою привычку.

УЧИ-

УЧИТЕЛЬНИЦА.

А вы мнѣ дозвольте похвальное его требованіе и удовольствовать. [*къ Клеону*] Вотъ батюшка, я вамъ скажу что такое физика. Ето мой свѣтъ самая та наука, которая научаетъ насъ познавать тотъ свѣтъ, въ которомъ мы живемъ, и которую матушка вамъ начинать теперь хочетъ.

КЛЕОНЪ.

Не погнѣвайтесь сударыня! Матушка не изволила намъ сказывать, что она особливой наукѣ учить начинать насъ станетъ, и хотѣла продолжать все прежнюю.

УЧИТЕЛЬНИЦА.

[задумавшись нѣсколько и потомъ усмѣхнулась.]

Такъ мой свѣтъ! вы правду говорите, потому что сія наука тѣсно сопряжена съ натуральною богословіею, которой по видимому васъ матушка по сіе время учила, и можетъ нѣкоторымъ образомъ

почесться продолженіемъ оной, хотя вы совсѣмъ ужѐ о другихъ вещахъ слушать принуждены будете.

КЛЕОНЪ.

О сударыня! конечно вы въ чемъ нибудь въ мнѣніи своемъ ошибаетесь. Матушка наша не называла никогда ту науку натуральною богословіею, которой насъ учила: но она сказывала только намъ, что это такая наука, которая насъ щастливыми сдѣлать можетъ.

БЕТИДА.

О какъ это смѣшно мадамъ! И какъ хорошо и пріятно умѣетъ господинъ Клеонъ спрашивать.

УЧИТЕЛЬНИЦА.

Ты мой свѣтъ не проникаешь въ заключающуюся тутъ тайну, которую теперь я нѣсколько открываю... Госпожа Ц** имѣетъ конечно какое нибудь особливое намѣреніе, и нарочно для чего нибудь не называла имъ ту науку, которой ихъ обучала. Сколько я при-

примѣчаю, то она либо выбираетъ изъ всѣхъ наукъ лучшія и нужнѣйшія вещи, и предлагаетъ имъ особливою системою, либо сообщая имъ все называетъ общимъ именемъ наукою благополучія, чѣмъ она и въ самомъ дѣлѣ почесться можетъ . . . . . [*къ Клеону*:] Такъ мой свѣтъ; можетъ быть я въ мнѣніи своемъ погрѣшаю; но какая бы то наука ни была, однако теперь будете вы другой учиться, и матушка вамъ совсѣмъ о другихъ вещахъ расказывать будетъ.

КЛЕОНЪ.

О сударыня! чтожъ будетъ, естьли сія другая наука, не таковà весела будетъ какъ прежняя, которою мы такъ довольны были?

УЧИТЕЛЬНИЦА.

О нѣтъ мой свѣтъ! сего ты не опасайся. Матушка ваша расказывать вамъ станетъ, какъ сдѣланъ сей свѣтъ? Изъ какихъ вещей онъ состоитъ? Какія въ немъ происходятъ дѣйствія, перемѣ-

ремѣны и прочее. А всѣ сіи вещи любопытство ваше еще болѣе возбудить нежели уменьшить могутъ; и потому не сомнѣваюсь въ томъ, чтобъ она вамъ наскучила, но больше уповаю, что она для васъ веселѣе и пріятнѣе еще будетъ. [*Къ Бетидѣ:*] ибо разсудите, когда не могли имъ наскучить высокія вещи касающіяся до познанія совершенствъ и свойствъ Божескихъ: то можетъ ли скучить извѣстная вамъ Физическая наука?

БЕТИДА.

Конечно нѣтъ, и она имъ еще веселѣе будетъ. [*къ Фгонѣ и Клеону:*] Нѣтъ! нѣтъ мои свѣты! я вамъ порукою въ томъ что вы сію науку полюбите; я сама ей училась и она меня веселила чрезвычайнымъ образомъ. Вы услышите тутъ какъ дѣлается дождь, громъ, градъ, снѣгъ, облака̀ и прочее: однимъ словомъ, тысящу вещей узна́ете вы такихъ, которыхъ прежде не знавали. И вы не повѣрите сударыня, [*оборотившись къ Фгонѣ:*]

что

что вы, научившись сей наукѣ, станете ужѐ на все смотрѣть другими глазами.

КЛЕОНЪ.

Дозвольте мнѣ сударыня вашу рѣчь на часокъ перервать, и сказать одно только слово: Описанїе ваше сей новой будущей науки меня хотя прельщаетъ, и я ее не зная ужѐ полюбилъ, но послѣднее ваще слово опять меня встревожило. Вы изволили сказать, что мы будемъ смотрѣть на все другими глазами. Но какими это другими глазами сударыня? У насъ вить одни глаза̀.

УЧИТЕЛЬНИЦА.

О Клеонушка! Ты разумною своею глупостїю и меня разсмѣшилъ. Не прогнѣвайтесь, что я такъ васъ назвала; я ей! ей! всѣми твоими поступками довольна, и беру на себя отвѣтствовать за Бетиду. Она вамъ конечно самую правду, но только аллегорическимъ образомъ сказала. А въ самомъ дѣлѣ значитъ сїе то, что вы на всѣ

вещи

вещи съ нѣкоторымъ ужѐ разсужденіемъ взирать станете, и всѣ онѣ ужѐ въ иномъ и лучшемъ видѣ вамъ представляться будутъ: однимъ словомъ, самыя тѣ, которыя остаются теперь безъ всякаго примѣчанія, и мимо которыхъ вы нынѣ тысячу разъ ходите, ничего объ нихъ не мысля, въ состояніи будутъ васъ останавливать и заставливать о себѣ думать; а чрезъ то не только пользу, но великое увеселеніе вамъ производить.

ФЕОНА.

По этому сударыня она подлинно нужная наука?

УЧИТЕЛЬНИЦА.

Конечно моя радость, . . И я вамъ давича еще сказывала, что она крайне нужна; а особливо для того, что вы тогда премудрость любовь и власть Всемогущаго Создателя нашего почти очевидно видѣть будете, и чрезъ то несказаннымъ образомъ умножите и свое къ нему почтеніе и любовь, слѣдо-

слѣдовательно свое щастіе и благополучіе.

ФЕОНА.

Это еще и того важнѣе сударыня и я невѣдомо какъ нетерпѣливо ей скорѣе учиться желаю.

УЧИТЕЛЬНИЦА.

А я не премину нарочно попросить вашу матушку, чтобъ она для лучшей вашей пользы сопрягала Физику съ нравоученіемъ, и тѣмъ бы произвела сугубую пользу. Но что я говорю! сія мудрая госпожа сама не преминетъ употребить все то, что къ лучшей вашей пользѣ служить будетъ.

КЛЕОНЪ.

А мнѣ, сударыня, все давишныя другія глаза нейдутъ съ ума. Кажется, какимъ образомъ вещамъ мнѣ ужѐ въ иномъ видѣ представляться: какъ напримѣръ, вотъ дерево! не ужѐ ли оно иной видъ получитъ?

БЕТИДА.

Ха! ха! ха! Какъ это право вы смѣшны господинъ Клеонъ.

УЧИ-

УЧИТЕЛЬНИЦА.

А я напротивъ того дивлюсь его примѣчанію; ибо посмотрите пожалуйте, онъ не теряетъ ни одного сло́ва. Но добро господинъ Клеонъ, жаль только мнѣ, что время теперь коротко, а то бы изъяснила вамъ сіе обстоятельство яснѣе. А теперь только повторю, что это самая правда, и вы конечно въ томъ не сомнѣвайтесь. Вы сами сіе послѣ увидите и призна́етесь, что я не солгала; а теперь пора ужѐ намъ итти въ бесѣдку. Я вижу, что пронесли туда ужѐ кофейной приборъ, по чему думать надобно, что и матушка съ гостьми скоро будетъ: однако въ окончаніе скажу вамъ одно сравненіе, которое васъ къ вящшей охотѣ къ сей наукѣ побудитъ. Скажите мнѣ господинъ Клеонъ? Ежелибъ случилось вамъ сквозь великолѣпной городъ проѣхать въ самую темную ночь, имѣлиль бы вы объ немъ какое понятіе или нѣтъ, и пользовало ли бы то, что вы въ немъ были?

КЛЕ.

КЛЕОНЪ.

О сударыня! со мною это нѣкогда и было, я проѣхалъ однажды съ матушкою сквозь Тверь, но ежели спросятъ меня каковъ сей городъ, то ей! ей! ничего не знаю; ибо проѣхали мы сквозь его въ самую глухую и темную полночь, и сколько разъ тужилъ и досадовалъ я, что его не видалъ.

УЧИТЕЛЬНИЦА.

А таково мой свѣтъ! бываетъ и со всякимъ человѣкомъ, которой проживетъ весь свой вѣкъ на землѝ, не стараясь узнать ея зданія, великолѣпія и красотъ. И какъ вы хотя были въ Твери, но ее не видали, такъ не знаете теперь свѣта, хотя вы въ немъ живете, и не будете и впредъ знать, когда о томъ не постараетесь. Не спрашивайте меня о семъ болѣе, а только помните и учитесь, и тогда то скажете солгала ли я, или правду сказала. На вотъ! ужѐ идетъ изъ хоромъ ваша матушка.

БЕТИДА.

Знаете ли мадамъ, что я наконецъ вздумала? Я хочу отмстить Г. Клеону за давичную насмѣшку, и хочу постараться, чтобъ онъ и въ правду другими глазами посмотрѣлъ. Вы знаете, что у господина Б** есть микроскопъ, я положила неотмѣнно оной у него на нѣсколько времени выпросить, и сообщить на подержанiе господину Клеону.

УЧИТЕЛЬНИЦА.

О это очень бы хорошо было; но попросите ужѐ у него и воздушнаго насоса и другихъ иструментовъ; вы много ихъ одолжите, сдѣлавъ чрезъ то имъ немалую пользу.

КЛЕОНЪ.

Я сударыня хотя и не знаю, что такое микроскопъ, однако сiе отмщенiе отъ госпожи Бетиды будетъ мнѣ крайне прiятно, и какъ могу нѣкоторымъ образомъ заключить, что то конечно что нибудь

будь могущее служить мнѣ въ пользу, что приношу сударыня вамъ за то крайнюю благодарность.

РАЗГОВОРЪ XIII.

*МЕЖДУ ГОСПОЖЕЮ Ц** и ЕЯ* ДѢТЬМИ КЛЕОНОМЪ И ФЕОНОЮ.

ИЗВѢСТІЕ.

Гости бывшіе у госпожи Ц** недолго у ней были; послѣ обѣда тотчасъ они разъѣхались. Госпожа Филида продолжала путь свой; а госпожа Доримена съ Бетидою и ея Учительницею спѣшила для того, чтобъ поспѣть къ одному своему родственнику, къ которому она для важныхъ нуждъ ѣхала, и гдѣ нѣсколько времени пробыть была намѣрена. Она дала обѣщаніе, возвращаясь оттуда заѣхать опять къ госпожѣ Ц** и пробыть у ней дни два или

три,

три, которымъ обѣщанiемъ госпожа Ц** и особливо ее дѣти крайне были довольны, изъ которыхъ Феона свела съ госпожею Бетидою хорошее дружество, а и Клеонъ получилъ къ ней почтенiе. Проводивши гостей, и нѣсколько отдохнувши, не хотѣли дѣти наши упустить хорошей погоды, или паче сказать, мучившись нетерпѣливостiю, убѣдили мать свою къ тому, чтобъ она пошла съ ними въ садъ, и въ тотъ же еще день разговоры свои или науку продолжать начала́. Вошедъ они слѣдующимъ образомъ говорить на́чали.

Г. Ц**

Ради ли вы были, любезныя дѣти гостямъ нашимъ, и ты Феонушка госпожѣ Бетидѣ и Мелиндѣ?

ФЕОНА.

Оче́нь сударыня ради; а особливо я крайне довольна была госпожею Бетидою. Какая это разумная дѣвушка! Повѣрите ли, я хотя ее только въ третей разъ

вижу,

вижу, и прежде имѣла на нее нѣкоторую досаду; но нынѣ ее такъ полюбила, что желала бы съ нею всегда имѣть компанію.

КЛЕОНЪ.

И я сударыня могу сказать, что она прекрасная и пріятная дѣвица; мы много съ нею въ саду давича говорили, и она какъ къ сестрицѣ, такъ и ко мнѣ очень была ласкова. И знаете ли матушка! она мнѣ обѣщала какой то микроскопъ отъ господина Б** достать, и говорила, что онъ намъ будетъ очень надобенъ.

Г. Ц*.

Конечно мой свѣтъ! и это бы очень хорошо было: но не позабылъ ли ты поблагодарить ее за то, и попросить, чтобъ обѣщаніе свое исполнила?

КЛЕОНЪ.

О! нѣтъ сударыня; я тогда же ее благодарилъ, а при отъѣздѣ, провожая ее, старался ей о томъ напомнить, и нарочно поцѣловалъ у ней руку, чтобъ симъ

лучше обѣщаніе свое она исполнила.

ФЕОНА.

Я это давича видѣла. И знаете ли матушка? у него съ нею все споры были, и онъ ими ее все съ смѣхъ приводилъ давича, и при семъ случаѣ заставилъ онъ ее смѣяться, прося, чтобъ она не позабыла ему другія глаза достать.

Г. Ц**

Какія это глаза, мой свѣтъ? Ужѐ не влюбись ты у меня въ нее.

КЛЕОНЪ.

И! сударыня! что вы это изволите говорить? Она дѣвица разумная; а что касается до другихъ глазъ, то у насъ о томъ съ нею споръ былъ, и она помянутой микроскопъ другими глазами называла.

Г. Ц**

Да! мой другъ! этотъ прекрасной инструментъ можетъ по справедливости другими глазами назваться, и вы объ немъ отъ меня

меня услышите впередъ довольно. А теперь скажите мнѣ, какова вамъ Мелинда показалась, и ради ли вы ей были?

ФЕОНА.

О сударыня! Какая это мудреная и странная дѣвка! Ежели бы вы изволили знать, что она дѣлала, и что съ нами говорила, то неоднаждыбъ изъ терпѣнія вышли. Повѣрите ли сударыня, она обѣимъ намъ съ госпожею Бетидою, рѣзвостію вертопрашествомъ и вѣтренностію своею какъ горькая редька надоѣла. Все у ней только Москва да моды на умѣ, и о комъ ни говорила, такъ всѣхъ либо скотами либо олухами, а женщинъ алгиньями называла, и никого лучше себя не ставила.

КЛЕОНЪ.

Хотя сама, ей! ей! и одной ноги госпожи Бетиды не стоитъ. Со мною она хотя ничего не начинала: но повѣрите ли сударыня, ажно омерзѣла мнѣ своими поступками.

Г. Ц**

А! Мой другъ! Для чего такъ неучтиво о девицѣ говоришь. Вѣдаешь ли ты, естьли провѣдаетъ она, что ты объ ней такого мнѣнія, то никогда за тебя она не пойдетъ?

КЛЕОНЪ.

Сохрани меня отъ того Боже, чтобъ я когда нибудь и самъ на ней жениться подумалъ; развѣ людей ужè на свѣтѣ не будетъ.

Г. Ц**

О! мой другъ! такъ у тебя мыслишка о женидьбѣ ужè есть. Но позволь мнѣ себѣ сказать, что это еще рано; и для того перестанемъ-ка мы о томъ говорить, а лучше скажи ты мнѣ Феона, что съ тобою Учительница говорила, и чѣмъ ты ее такъ удовольствовала, что она публичнымъ образомъ тебѣ великую и такую похвалу приписала, что мнѣ самой стыдно ужè было?

ѲЕОНА.

Она сударыня спрашивала меня, чему мы учимся. И я принуждена была по требованію ихъ расказать имъ вкратцѣ все; что я о Богѣ знаю; развѣ сіе считаетъ она за удовольствіе.

КЛЕОНЪ.

Напротивъ того и она намъ сударыня много одолженія сдѣлала; она намъ разказывала важность и надобность той науки, которой вы теперь учить насъ хочете. И развѣ вы сударыня ей сказывать изволили, чему вы насъ учить намѣрены; ибо она называла ее и именемъ и какъ теперь помню физикою; и говорила будто она совсѣмъ не такая наука какъ прежняя наша, и совсѣмъ отмѣнная, почему было я испугался, и думалъ, что она нетакова весела будетъ?

Г. Ц**

Это правда мой свѣтъ! что физика совсѣмъ особливая наука: однако она не знаетъ точного на-

мѣренія моего, да и знать ей не можно, потому что я расказывала ей вкратцѣ. Я хотя Физикѣ учить васъ буду, однако не такой какой она думаетъ. Собственная наука называемая Физикою весьма пространна и глубокомысленна, и вы ей порядочнымъ образомъ обучаемы быть не можете. А я по примѣру прежнему буду выбирать изъ нея одни только нужнѣйшія вещи, или такъ сказать лучшенькіе цвѣтки, и сказывать вамъ только то, что къ моему намѣренію надобно.

ФЕОНА.

Но не можно ли вамъ, сударыня, намъ объявить, въ чемъ состоитъ подлинное намѣреніе ваше?

Г. Ц**

Сіе хотя бы теперь для васъ и не надобно, однако и сказать можно. Вотъ слушайте, любезныя дѣти: Все то, что человѣку въ жизнь свою знать надобно, и что можетъ служить къ его благопо

гополучію, можно включить въ слѣдующія три познанія: а именно во первыхъ, чтобъ знать Бога, во вторыхъ знать міръ или свѣтъ, въ третьихъ наконецъ, чтобъ знать человѣка или самихъ себя. Но сіи три слова заключаютъ въ себѣ великое множество другихъ знаній; и какъ всѣ сіи нужныя знанія получаемы были человѣками не вдругъ и не въ одно время, но часъ отъ часу стараніями ихъ приводимы были въ лучшее совершенство, да и понынѣ приводятся; а между тѣмъ ихъ великое и такое множество собралось, что никоимъ образомъ въ одну книгу всего вмѣстить не возможно сдѣлалось: то заблаго разсудили между всѣми сими различными знаніями сдѣлать разборъ, и раздѣлить ихъ по разности матерій на разные классы, дабы тѣмъ съ лучшею способностію можно было о распространеніи знанія въ каждомъ родѣ вещей стараться. А отъ того и произошли весьма многія и

особливыя науки какъ на примѣръ Богословія, Философія, Физика, Математика и прочія, и каждая такая наука говоритъ о чемъ нибудь особливомъ: на примѣръ, Богословія о Богѣ; Физика о натуральныхъ вещахъ и такъ далѣе; но какъ всякая изъ сихъ наукъ писана систематическимъ образомъ, то есть, всѣ вещи въ ней какъ нѣкая цепь связаны; притомъ главнѣйшее стараніе употребляется входить въ разсужденія всѣхъ вещей въ самую тонкость и подробность, такъ и надобно имъ учиться необходимо по книгамъ, а не такимъ образомъ какъ мы въ разговорахъ. Ктомужъ вы мои любезныя дѣти къ тому еще неспособны.

КЛЕОНЪ.

Да для чегожъ мы, сударыня! къ тому неспособны?

Г. Ц**

Для того мой свѣтъ! что у васъ разумъ еще не зрѣлой, и вы все понимать еще не можете. Въ

нихъ

нихЪ такія тонкія и глубокія вещи есть, кои не инако, какЪ зрѣлымЪ и такимЪ разумомЪ понимаемы быть могутЪ, которой обо всемЪ ужѐ порядочно разсуждать можетЪ; а вы мои свѣты до того еще не достигли; но развѣ года чрезЪ 3 или 4 ты мой другЪ кЪ тому способенЪ будешь.

КЛЕОНЪ.

О сударыня! а я думалЪ, что ужѐ все понимать могу.

Г. Ц**

НѣтЪ мой свѣтЪ! да тебѣ такЪ высокомысленну быть никогда не надобно; а хотябы ты подлинно все понимать вЪ состояніи былЪ, однако тебѣ надобно всегда думать, что ты не все понимать можешь, и знаніями своими отнюдЪ не гордиться; человѣкЪ долженЪ вѣкЪ жить, вѣкЪ учиться.

КЛЕОНЪ.

Да скажите сударыня, когда мы не можемЪ еще понимать наукЪ, то для чегожЪ вы имЪ также

же насъ учите. Вить мы сударыня понимаемъ же; я право все помню, что вы не изволили сказывать, да кажется и понималъ все какъ надобно.

Г. Ц**

Это правда что ты понималъ; но это и понимать тебѣ можно. Но ты мой другъ еще не выслушалъ всей моей рѣчи; я раскавала вамъ только о происхожденіи наукъ, а о намѣреніи моемъ еще не обѣявила.

КЛЕОНЪ.

Такъ пожалуйтежъ намъ обѣявите и о намѣреніи своемъ.

Г. Ц**

И такъ я зная, что вы порядочнымъ образомъ помянутыя высокія науки учить еще не въ состояніи, ктомужъ можетъ быть время, случай, и обстоятельства не дозволятъ вамъ и впредь учиться, предпріяла учить васъ ихъ совсѣмъ особливымъ образомъ, а именно: выбираю изъ всѣхъ наукъ самыя нужнѣйшія вещи предлагать

гать вамЪ ихЪ вЪ разговорахЪ пріятнымЪ и такимЪ образомЪ, чтобЪ вы понимать могли, а вЪ самыя тонкости и подробности отнюдЪ не входить, потому что они вамЪ скучны быть могутЪ, ктомужЪ по нуждѢ можно и безЪ нихЪ обойтиться, а особливо тебѢ Феона.

ФЕОНА.

Да какЪ же это, матушка?

Г. Ц**

Потому моя радость! что ты женщина, а всякой женщинѢ вЪ самыя тонкости наукЪ углубляться почти совсѢмЪ излишнее. А довольно когда она нѢкоторое посредственное понятіе обЪ нихЪ имѢть будетЪ. ДѢло не вЪ томЪ состоитЪ, чтобЪ знать всѢ вещи вЪ самую тонкость, но вЪ томЪ, чтобЪ знаніемЪ онымЪ пользоваться; а пользаваться можно столько же хорошо имѢя и посредственное о вещахЪ понятіе, сколько имѢя и самое совершеннѢйшее; а такое понятіе чрезЪ разговоры

наши ты и получишь. И такъ останется тебѣ только, чтобъ ты полученное о вещахъ знаніе не употребляла всуе, но имъ пользовалась; а не такъ бы сдѣлала, какъ многіе люди, которые весь свой вѣкъ трудятся и стараются о распространеніи знанія своего; а о употребленіи въ пользу пріобрѣтенныхъ знаній своихъ совсѣмъ позабываютъ; слѣдовательно скорлупу одну въ орѣхѣ гложутъ, а ядра незамаютъ; чтожъ въ такомъ знаніи, хотябъ оно было и наисовершеннѣйшее, и не тщетно ли ихъ труды пропадаютъ?

ФЕОНА.

Конечно сударыня такъ и мнѣ кажется; такой случай подобенъ тому, что естьлибъ поставили передъ меня цѣлую карзину прекрасныхъ яблокъ и другихъ плодовъ, а я бы ихъ стала все только перебирать и ими любовалась а ни одного бы не сѣла.

Г. Ц**

Разсудижъ не глупаль бы ты тогда была?

ФЕОНА.

Конечно бы глупа, сударыня, и глупѣе бы меня быть не можно. Однако я до такой глупости довесть себя никогда не уповаю; а по крайней мѣрѣ буду всѣми образами стараться, чтобъ пользоваться моими знаніями.

Г. Ц**

Дай Боже, чтобъ ты и успѣхъ въ томъ имѣла. Я много бы и съ моей стороны тому радовалась; ибо въ такомъ случаѣ труды и старанія мои не пропалибъ по пустому.

КЛЕОНЪ.

Да развѣ сударыня есть такіе люди, которые знанія свои не употребляютъ въ пользу.

Г. Ц**

Не только есть, но и весьма много такихъ людей на свѣтѣ. Я сама видала многихъ ученыхъ людей, знающихъ важнѣйшія науки наисовершеннѣйшимъ образомъ, а жизнь свою совсѣмъ развратно провождающихъ, и чтобы ты напри-

мѣрѣ о тѣхъ людяхъ думалъ, которые бы богословію и нравоученіе не только сами совершенно знали, но и другихъ бы многихъ симъ наукамъ обучали?

КЛЕОНЪ.

Да я матушка еще не знаю, чтобы это за науки были. Вы вить сударыня намъ о томъ еще не сказывали.

Г. Ц**

Да, я это позабыла, что вы еще о томъ не слыхали, однако это не мѣшаетъ; я тебя спрошу другими словами. И такъ, чтобы ты о тѣхъ людяхъ думахъ, которые бы на примѣръ, о Богѣ, о его свойствахъ и совершенствахъ и о всѣхъ должностяхъ человѣческихъ наисовершеннѣйшее понятіе имѣли, и не толькобъ сами знали, что имъ въ жизнь свою дѣлать надобно, и чего не дѣлать, но и другихъ бы многихъ учили? Чтобы ты объ нихъ заключалъ въ давешнемъ случаѣ?

КЛЕ-

КЛЕОНЪ.

То сударыня, что они сiе знанiе употребляютъ въ пользу. И мнѣ кажется чѣмъ они обстоятельнѣе все знаютъ, тѣмъ исправнѣе все исполняютъ, что имъ дѣлать надобно, и на примѣръ, чѣмъ совершеннѣе знаютъ, какъ человѣку жить надобно, тѣмъ лучше и живутъ.

Г. Ц**

А я тебя мой свѣтъ совсѣмъ о противномъ увѣрю, и скажу что многiе изъ сихъ при всемъ своемъ обширномъ знанiи, еще хуже живутъ нежели нашъ скотникъ, которой, какъ вы вѣдаете сами, ничего изъ вышепомянутаго незнаетъ, но совсѣмъ тѣмъ прямо доброй человѣкъ; и вы сами знаете, что его не только никогда еще ни за что не бивали, но никто и не бранилъ почти. Вотъ видишь мой свѣтъ! на свѣтѣ нынѣ люди каковы. Впередъ вы болѣе о томъ отъ меня услышите; а теперь только скажу, что боюсь, чтобъ и съ

съ господиномъ Клеономъ тогоже не сдѣлалось.

КЛЕОНЪ.

Съ кѣмъ это сударыня? . . . . со мною?

Г. Ц**

Да моя радость съ тобою.

КЛЕОНЪ.

И! матушка, матушка! Что вы это сударыня говорить изволите? и почему такъ худо изволите обо мнѣ заключать? Боже меня отъ того сохрани! Неужли я такимъ глупцомъ похочу быть, и скотнику нашему преимущество надъ собою дамъ. Нѣтъ сударыня! пожалуйте этова не думайте, я до такого дурачества никогда не дойду.

Г. Ц**

Это бы очень и хорошо было, и я бы много тому родовалась. Однако совсѣмъ тѣмъ не много же ты на теперешнюю свою храбрость полагайся; времена переходчивы. А ты, мой свѣтъ, ничего еще на свѣтѣ не видалъ, и изъ

лѣтъ,

лѣтъ младенческихъ почти еще не вышелъ. Какъ пріумножатся твои лѣта, такъ и мысли другія въ голову пойдутъ. Вы молодые молодцы всегда склонны позабывать все то, что вы въ молодости своей выучили, и вмѣсто того чтобъ съ пріумноженіемъ лѣтъ получивъ зрѣлѣйшей разумъ, о продолженіи ученій своихъ и о томъ стараться, чтобъ часъ отъ часу въ знаніяхъ своихъ совершеннѣйшимъ дѣлаться и ими пользоваться. Вы совсѣмъ и то бросивъ позабываете, что и прежде знали; а чрезъ то, снявъ узду съ пристрастій своихъ и давъ совершенную волю сердцу своему, забродите наконецъ въ такія пропасти, изъ которыхъ никакая человѣческая рука васъ освободить не въ состояніи, и гдѣ наконецъ погибаете невозвратно.

КЛЕОНЪ. подумавъ нѣсколько.

Нѣтъ! пускай кто хочетъ себѣ дѣлаетъ и позабываетъ, а я суда-

сударыня конечно до такой крайности дойтить не уповаю; но имѣю на одну вещь несумнѣнную надежду, которая меня вѣрно до того не допуститъ.

г. Ц**

Нельзя ли мой свѣтъ и намъ сообщить, какая бы такая эта вещь была, на которую ты надѣешься?

КЛЕОНЪ.

На что это вамъ сударыня? Вы сами знать изволите и сами мнѣ это сказывали. Однако ежели вамъ весь порядокъ моихъ мыслей сказать, то вить это сударыня хорошее будетъ дѣло, ежели я все узнанное не только не позабуду, но еще стараться стану болѣе узнавать, и сіи знанія употреблять себѣ въ пользу.

г. Ц**

Конечно мой свѣтъ хорошее, и съ тѣмъ особливымъ преимуществомъ, что оно будетъ служить къ твоему благополучію.

КЛЕ-

КЛЕОНЪ.

Ну хорошо сударыня, когда это хорошее дѣло, такъ безсомнѣнно оно и Богу не противно: ибо вы изволили намъ сказывать, что онъ доброе безконечно любитъ, какъ напротивъ того злое или худое безконечно ненавидитъ. . . . Ну когда же Богу это дѣло пріятно, то онъ безсомнѣнно мнѣ и дастъ, когда я его о томъ просить стану: ибо вы изволили намъ сказывать, что онъ по благости своей созданіямъ своимъ охотно всякое доброе дѣлаетъ; а по милости своей дѣлаетъ сіе доброе и безъ заслугъ нашихъ. Ну знаю же я теперь, что онъ Вездѣсущъ и Всевѣдущъ, слѣдовательно прозьбу мою вѣрно услышитъ; а наконецъ вѣдая, что онъ Всемогущъ и все сдѣлать можетъ, то для чегожъ мнѣ твердо и не уповать, что онъ сіе сдѣлаетъ, и для чегожъ въ томъ сумнѣваться.

ФЕОНА.

Постой братецъ ты еще одно позабылъ. Матушка изволила сказать, что это дѣло будетъ служить къ твоему благополучію: Ну вспомнижъ теперь, что Богъ къ созданіямъ своимъ наисовершеннѣйшую любовь имѣетъ, которая въ томъ состоитъ, что онъ созданіямъ своимъ всякаго добра желаетъ, и ему пріятно, когда мы благополучны, слѣдовательно тѣмъ охотнѣе исполнитъ нашу прозьбу.

Г. Ц**

О! подите ко мнѣ и поцѣлуйте меня любезныя дѣти. О какъ я вами довольна, и какъ умны вы становитесь! Заключайте всегда при всякихъ случаяхъ такимъ образомъ, нельзя сего быть лучше, и ты не погрѣшилъ Клеонъ, взявъ надежду на Бога. Это средство одно можетъ тебя отъ всего худова предохранить, а въ добромъ вспоможеніе сдѣлать, не сумнѣвайся только о его вспоможеніи, и вѣруй безсомнѣнно, что

Онъ

Онѣ сіе сдѣлаетѣ. Богѣ не преминетѣ и наградить тебя за то; ибо когда вы сіе все помните, то не забыли надѣюсь и того, что онѣ и правосуденѣ и всякое доброе дѣло награждаетѣ.... Могу сказать, что вы мнѣ великое удовольствіе сдѣлали, и я вѣ воздание за то сегодни же зачну вамѣ сказывать о свѣтѣ. Можетѣ быть успѣю я хотя вступленіе кѣ тому сдѣлать, и вамѣ предварительное понятіе дать.

КЛЕОНѢ.

цѣлуя сѣ сестрою у матери руку.

Вы много насѣ тѣмѣ обрадуете сударыня.. Мы для самаго того все сіе время сѣ нетерпѣливостію и ожидали васѣ.

Г. Ц**

Очень хорошо любезныя дѣти, но напередѣ перейдемѣ на сіи дерновыя канапе: здѣсь солнце вѣ глаза намѣ начало свѣтить.

При-

Пришедши туда и сѣвши всѣ трое, Клеонъ по одну, а Феона по другую руку у матери, начала она, нѣсколько подумавъ и собравшись съ мыслями, слѣдующимъ образомъ говорить.

Ну! мои любезныя дѣти, по сїе время, говорили мы объ одномъ Богѣ, и я расказывала вамъ о его существѣ, свойствахъ и совершенствахъ; теперь обратимся мы и къ другимъ предметамъ, и посмотримъ на дѣла́ рукъ его; станемъ говорить о его созданїяхъ, или о всѣхъ тѣхъ вещахъ, которыя кромѣ Бога на свѣтѣ бытїе свое имѣютъ, и оное отъ него получили; посмотримъ на устроенїе сего мира общее; станемъ разсматривать устроенїе разныхъ частей, изъ которыхъ онъ состоитъ, а изъ того всего примѣчать премудрость великаго производителя нашего. Мы увидимъ съ какою непостижимою премудростїю все на свѣтѣ и создано и учреждено; увидимъ, какое попеченїе онъ

обо

обо всемъ имѣетъ, а изъ того станемъ извлекать весьма важныя для насъ пользы.

ФЕОНА.

Учительница госпожи Бетиды, расказывая намъ о важности начинаемой вами намъ науки, сказывала между прочимъ, что какое бы мы совершенное понятїе о Божеской премудрости и любви и прочихъ его совершенствахъ не имѣли, но никогда не можемъ твердо удостовѣрены быть въ томъ, естьли не будемъ знать Физики или науки о мїрѣ. Правда ли это или нѣтъ сударыня?

Г. Ц**

Конечно правда, моя радость. Изъ прежнихъ разговоровъ узнали вы оныя свойства и совершенства только по моимъ сказкамъ, и по мышленнымъ заключенїямъ: а теперь какъ станемъ разсматривать созданїя, такъ увидите вы очевидныя тому доказательства. Всякая вещь будетъ вамъ служить свидѣтельствомъ премудрости или

иного какого свойства Божескаго, слѣдовательно и удостовѣрять вамъ въ справедливости всего того, что вы отъ меня по сіе время о Богѣ слышали; а отъ того произойдетъ слѣдствіе, что вы тѣмъ большее побужденіе имѣть будете любить и почитать такого великаго создателя; а сіе натурально много ужѐ поспѣшествовать будетъ вашему благополучію.

ФЕОНА.

О сударыня! когда для этого знать надобно о мірѣ, такъ я съ особливымъ вниманіемъ слушать и примѣчать буду.

Г. Ц**

Есть любезныя дѣти и кромѣ того другая надобность знать о мірѣ: человѣку великой то стыдъ, ежели онъ, живучи на свѣтѣ и весь свой вѣкъ проживъ, не будетъ знать того, гдѣ онъ живетъ или жилъ. Не самое ли тоже будетъ, какъ на примѣръ, естьлибъ ты жила во весь свой вѣкъ въ одномъ домѣ, и не хотѣла бы никогда изъ

покоевъ выттить и посмотрѣть, каковъ этотъ домъ снаружи, и какъ онъ весь построенъ; а довольствовалась бы тѣмъ, что ты тотъ покой внутри видѣла, въ которомъ ты живешь.

ФЕОНА.

Конечно такъ сударыня! я бы очень глупо сдѣлала.

КЛЕОНЪ.

А не менѣе и я не хотѣлъ бы быть такимъ человѣкомъ... Но дозвольте мнѣ сударыня спросить, какимъ же образомъ можемъ мы узнать свѣтъ? Вить онъ надѣюсь очень великъ, и гдѣ намъ вездѣ быть и все видѣть?

Г. Ц**

Да того и не надобно мой свѣтъ! ибо чего не можно намъ видѣть, то видѣли другіе и намъ сказывали, слѣдовательно довольно и того, что мы отъ нихъ то знаемъ, чего сами видѣть не въ состояніи; однако совсѣмъ тѣмъ, мнѣ надобно вамъ и то напередъ сказать, что и въ этомъ случаѣ

все знанiе человѣческое несовершенно. Знайте, что Богу угодно было человѣка не такъ создать, чтобъ онъ самъ собою тотчасъ весь свѣтъ узнать могъ; а онъ положилъ въ него только къ тому способность, и хотѣлъ, чтобъ человѣкъ старался самъ исподоволь и мало помалу все и отъ часу болѣе примѣчать и узнавать. Въ сходствiе чего миръ симъ образомъ людьми не вдругъ и узнаваемъ былъ. Самые древнiе предки наши знали оченъ мало о мирѣ, и имѣли объ немъ мудреное понятiе. Потомки ихъ старались узнавать его болѣе; и сiе познанiе до самыхъ нынѣшныхъ временъ часъ отъ часу прiумножается болѣе. И хотя навѣрное сказать можно, что мы теперь, втысячу разъ болѣе ужѐ свѣтъ знаемъ, нежели предки наши знали: однако совсѣмъ тѣмъ и тысячной доли всего еще незнаемъ, хотя ежедневно о томъ многiе наиприлѣжнѣйше стараются.

ФЕОНА.

Да для чего же бы, матушка; по сіе время всего узнать было не возможно; вить свѣтъ давно ужѐ стоитъ и можно бы ужѐ много узнать?

Г. Ц**

Очень много и знаютъ ужѐ моя радость; а всего узнать для того не возможно, что въ свѣтѣ есть много разныхъ вещей, которыя такъ мудрено сдѣланы, что многихъ изъ нихъ никакой умъ человѣческой постигнуть не можетъ; а и прочія узнавать великаго искусства и труда стóитъ. Для узнанія всего должны мы по большой части одни свои чувства, то есть, либо зрѣніе, либо слышаніе, либо вкусъ, обоняніе и осязаніе употреблять: а есть тысячи такихъ вещей, которыхъ мы сими чувствами узнать не можемъ; напримѣръ, иныя вещи очень отъ насъ далеко, и мы ихъ обстоятельно разсмотрѣть никакъ не можемъ; иныя чрез-

вычайно мѣлки и малы; иныя совсѣмъ невидимы; и для того принуждено было сыскивать какія нибудь вспомогательныя средства, и выдумывать инструменты, которые бы глазамъ нашимъ помочь могли; а объ иныхъ вещахъ совсѣмъ по другимъ догадываться и доходить. Но ко всему тому надобно труды, прилѣжность и любопытство, а сверьхъ того знаніе многихъ наукъ. Но какъ къ симъ трудамъ не много охотниковъ сыскивается, то натурально и успѣхъ во всемъ не гораздо могъ быть великой, а особливо въ прежніе вѣки. Науки были долгое время въ худомъ состояніи; охотниковъ до нихъ мало; слѣдовательно разсматривать и узнавать было нѣкому. А какъ въ нынѣшнія времена науки вездѣ процвѣли, и много охотниковъ и трудолюбивыхъ и любопытныхъ людей нашлось, то натурально и узнавать стали болѣе, и во сто лѣтъ и узнано больше,

неже-

нежели въ 5000. лѣтъ: однако со всѣмъ тѣмъ есть множество еще такихъ таинствъ натуры, которыя не открыты, да думать надобно, что никто ихъ и по окончанiи мира не узнаетъ.

КЛЕОНЪ.

Я хотѣлъ, сударыня, у васъ давно ужѐ спросить, что это такое натура называется? Пожалуйте мнѣ матушка это растолкуйте?

Г. Ц***

Мнѣ и надобно вамъ это слово, любезныя дѣти, конечно растолковать. Слово натура употребляется во многихъ и различныхъ случаяхъ, и знаменуются иногда имъ разныя вещи; но въ самомъ дѣлѣ значитъ оно не иное что, какъ сопряженiе всѣхъ вещей въ свѣтѣ, или какъ бы вамъ яснѣе сказать, весь тотъ порядокъ, которой Богомъ въ свѣтѣ между вещами устроенъ: по чему когда говорится, что это натурально, то разумѣется, что то ужѐ по устроен-

ному въ свѣтѣ между вещами порядку само собою такъ слѣдуетъ. Впрочемъ надобно вамъ знать, что натура по Руски называется *естество*, также иногда и природа; а въ иныхъ случаяхъ въ разговорахъ знаменуется и Богъ натурою; на примѣръ, когда говорится: это и это такъ натура ужѐ произвела, что не иное что значитъ, какъ та вещь Богомъ ужѐ такъ сдѣлана; и для того не надобно никогда натуру почитать Богомъ. Натура сама собою ничего произвесть не можетъ, потому что она сама ничто какъ порядокъ устроенной Богомъ; а порядокъ можетъ ли что нибудь самъ собою сдѣлать?

ФЕОНА.

Конечно сударыня не можетъ; а его самого надобно кому нибудь напередъ учредить, и это бы всего смѣшнѣе было, ежелибы натуру почѐсть Богомъ.

КЛЕ-

КЛЕОНЪ.

Еще я матушка спрошу у васъ одно слово . . . Все ли вы сударыня знаете, что по сіе время узнано о свѣтѣ, и все ли намъ пересказать изволите?

Г Ц**

Я вамъ раскажу любезныя дѣти все, сколько я знаю, или сколько вамъ по крайней мѣрѣ теперь знать надобно.

КЛЕОНЪ.

Да развѣ не все теперь намъ знать надобно?

Г. Ц**

Конечно не все мой свѣтъ, а довольно, когда вы знать будете одни нужнѣйшія поверьхности, а въ самую тонкость какъ я ужѐ прежде сказывала входить никоимъ образомъ не можно, потому что къ тому надобно напередъ учиться многимъ наукамъ и всей философіи порядочнымъ образомъ, а къ тому вашъ молодой умъ еще неспособенъ. Когда будете старѣе,

тогда можете сами и безъ меня въ самую подробность входить.

КЛЕОНЪ.

Да какже сударыня, ежели намъ что непонятно будетъ?

Г. Ц**

О такомъ вы меня спрашивайте; я буду стараться вамъ по возможности растолковывать; однако вамъ не столько непонятнаго сколько невѣроятнаго случаться станетъ; и я напередъ ужѐ знаю, что вы мнѣ во многомъ вѣрить не станете.

КЛЕОНЪ.

Никакъ сударыня, я вамъ во всемъ повѣрю.

ФЕОНА.

А я матушка конечно таковà глупа не буду, чтобъ словà ваши неправдою почéсть.

Г. Ц**.

Какъ вы меня ни увѣряйте, однако я тому не вѣрю; а знаю, что этому не обходимо воспослѣдовать должно; и для того напередъ вамъ сказываю, чтобъ вы

лучше

лучше мнѣ открывались въ томъ, что вамъ невѣроятно покажется, нежели стыдясь сказать, на половину будете вѣрить и въ сумнѣніи оставаться.

КЛЕОНЪ.

Не знаю! по чему бы это такъ было. А мнѣ кажется, я готовъ вамъ во всемъ вѣрить.

Г. Ц**

Нельзя моя радость! Ты и въ первомъ словѣ мнѣ не повѣришь.

КЛЕОНЪ.

О матушка! напрасно изволите это говорить. Извольте сударыня это слово сказать, какое бы оно было, и какъ я ему не повѣрю?

Г. Ц**

Очень изрядно: только ты скажи его по самой сущей правдѣ и не лги... Ну повѣришь ли ты этому?... Я вамъ сказываю, что земля на которой мы живемъ кругла какъ яблоко; что люди кругомъ на ней живутъ; и что

есть и подъ нами люди, которые къ намъ ногами, а внизъ головою ходятъ. Повѣрите ли вы этому.

КЛЕОНЪ. остановившись и думая

Да .... Да .... сударыня!... незнаю... незнаю, что сказать, а ежели хотите правды, то признаюсь, что мнѣ это не вѣроятно. Какъ людямъ подъ нами быть? Развѣ тамъ другое небо и другая земля?... Но какъ имъ головою внизъ ходить?

Г. Ц**

Вотъ глупенкой! чья правда?... Не моя ли? А такихъ случаевъ очень много случаться будетъ.

ФЕОНА.

Да не ужли матушка это въ истинну такъ, какъ вы изволите говорить?

Г. Ц**

Конечно моя радость! и въ томъ никакова сумнѣнія нѣтъ: только не такъ какъ братъ твой говорилъ. Другова неба и другой земли нѣтъ, а небо тоже что у насъ,

насъ, и земля таже, на которой мы жывемъ.

ФЕОНА.

Ежелибы кто другой а не вы намъ это сказывать изволили, такъ бы никогда я этому не повѣрила; а вамъ сударыня должна теперь ужѐ повѣрить. Но пожалуйте сударыня скажите, когда земля таже, такъ по этому къ тѣмъ людямъ и дойтить можно?

Г. Ц**

Конечно можно моя радость. Да всякой годъ къ нимъ и отъ нихъ къ намъ множество и кораблей и людей сюда ѣздитъ; и ежелибъ захотѣли мы, то бы и намъ туда съѣздить было можно

КЛЕОНЪ.

Куда бы мнѣ этого хотѣлось. Посмотрѣлъ бы я какія тамъ люди и какая земля?

ФЕОНА.

И! какъ тебѣ братецъ нестыдно! успѣешь еще сударь съѣздить, не перебивайте рѣчи, надобно о дѣлѣ говоритъ, а не пустое [*къ матери*]

тери] НѢтЪ! воля ваша матушка, мнѢ это все непонятно. Да какимЪ же образомЪ сударыня очутится тамЪ небо наше, когда тѢ люди подЪ нами?

Г. Ц**

Это для того тебѢ непонятно моя радость, что ты еще не-знаешь какЪ устроено небо, да и землю не такЪ себѢ преставляешь, какЪ я тебѢ сказывала. Представляй ее себѢ круглую какЪ шарЪ, или какЪ совершенному яблоку быть надобно. А не такЪ на примѢрЪ, какЪ тарѢлку круглую.

ФЕОНА.

КакЪ яблоко или шарЪ, сударыня? Такой шарЪ что вЪ кегли играютЪ?

Г Ц**

На примѢрЪ хотя такой, и притомЪ что во всей поверхности этова шара живутЪ люди, и ходятЪ ногами по землѢ, а головою прочь отЪ ней. Да вотЪ постой моя радость; я представлю вамЪ

это

это примѣромъ, и вы лучше увидите. Мнѣ вспомнилось, что у меня есть въ карманѣ цитронъ, такъ я вамъ на немъ покажу. Но пойдемъ-те напередъ въ бесѣдку, здѣсь что то вѣтрено.

Вынимаетъ свѣжій цитронъ и булавки, и обтыкиваетъ кругомъ его оными, не дотыкая булавки совсѣмъ въ лимонъ, но оставляя понемногу.

КЛЕОНЪ. смотря прилѣжно.
Да на что же это матушка въ лимонъ втыкаете вы булавки?

Г Ц** обтыкавъ кругомъ весь цитронъ булавками.

А вотъ на что мой свѣтъ. Этотъ цитронъ пускай будетъ наша земля, которая дѣйствительно на эту фигуру походитъ. А этѣ булавки были бы люди живущіе на земли; а булавочныя головки были бы головы людскія. И такъ смотрите теперь, какимъ образомъ земля сдѣлана, и какъ

люди на ней живутъ. Видите одни булавочки теперь на верьху, другія подъ исподомъ. Положимъ же теперь, чтобъ этѣ верьхнія булавочки были мы, такъ не придутся ли этѣ нижнія подъ нами, и не внизъ ли они головами, а къ намъ ногами?

ФЕОНА. удивившись

Вотъ ажно какъ?... Да! теперь я матушка это ужѐ вижу.... Но какже сударыня вотъ этѣ булавки [*указывая на боковыя*] ужѐ совсѣмъ на боку и головками въ стороны, какже они не попа́даютъ, или вотъ этѣ исподнія, какимъ же образомъ они на земли держатся, вить они не привязаны?

Г. Ц**

То то и удивительно моя радость, что они не попа́даютъ. Но это ужѐ такъ сдѣлано Богомъ; и сіе въ самомъ дѣлѣ можно почѐсть таинствомъ натуры, которое по сіе время еще достовѣрно не узнано. Мнѣнія ученыхъ о томъ дво-

двоякія; иные говорятъ, что Богъ вложилъ въ землю такую силу, которая всѣ вещи къ себѣ притягиваетъ; ибо извѣстно, что какъ здѣсь, ежели бросить камень вверьхъ, такъ онъ упадетъ на землю, такъ и тамъ ежели бросить камень внизъ, то онъ упадетъ опять на землюжъ; а другіе напротивъ того думаютъ, что это не отъ того, а держитъ и жметъ всѣ вещи къ землѣ, особливаго рода воздухъ или нѣкая особая матерія называемая эѳиръ, и сіе мнѣніе еще болѣе походитъ на правду, а въ са́момъ дѣлѣ какъ это дѣлается никто достовѣрно незнаетъ.

ФЕОНА.

А я бы сударыня сказала, что первое вѣроятнѣе. Воздуху, мнѣ кажется, какъ бы держать?

Г. Ц**

Это непотому моя радость: ты не знаешь, что такое еще воздухъ.

КЛЕОНЪ которой во все это время все на лимонъ смотрѣлъ.

Дивлюсь я сударыня всему этому.... Да какъ же матушка земля кажется намъ плоска а не кругла?

Г. Ц**

Такъ мой свѣтъ; но это отъ того, что мы круглоты ее примѣтить не можемъ. Ежелибъ земля была не велика, то бы и покатость и окружность ея была видима и примѣтна; а то она очень велика, слѣдовательно и на стѣ верстахъ круглота очень невелика, и не можетъ быть видима, а кажется плоскою.

ФЕОНА.

Не прогнѣвайтесь матушка, что я еще одно слово скажу. Нельзя ли намъ сударыня знать, почему узнали, что земля наша кругла, а не плоска?

Г. Ц**

Для чего моя радость; я вамъ это раскажу: Въ прежнія време-

времена думали всѣ и почитали, такъ какъ и нынѣ простой народъ незнающіе думать, что земля плоска а не кругла; и сіе до тѣхъ почти самыхъ поръ продолжалось, покуда не найдена Америка, и покуда не стали прилѣжно всего разсматривать. Правда хотя и древніе философы изъ затмѣніевъ солнечныхъ и лунныхъ заключали, что землѣ надобно быть круглой, однако совсѣмъ тѣмъ представляли они ее себѣ болѣе тарелкою, нежели яблокомъ или шаромъ, и незнаніе всѣхъ на свѣтѣ земель было наиглавнѣйшею тому причиною. Но какъ скоро четвертая и новая часть свѣта лѣтъ за двѣсти предъ симъ найдена, то увидѣли совсѣмъ тому противное.

КЛЕОНЪ.

Не помѣшаю ли я матушка вамъ, когда спрошу, что это за новая часть свѣта, и какъ она найдена? Объ этомъ я никогда не слыхивалъ?

Г. Ц**

Нѣтъ, моя радость, не помѣшаешь, и мнѣ можно тебѣ о томъ на короткихъ словахъ расказать. Тебѣ надобно знать, что на свѣтѣ не одно наше государство, а есть очень много другихъ. На примѣръ, вотъ въ эту сторону [*указывая на полночь:*] нѣсколько влѣво живутъ подлѣ насъ Шведы и Норвежцы, въ эту [*указывая на западъ:*] живутъ подлѣ насъ Поляки, а за ними Нѣмцы, тамъ Французы, Гишпанцы и Португальцы, а по сторонамъ нѣсколько другихъ народовъ. А въ эту сторону [*указывая на полдень:*] живутъ отъ насъ Турки и Татары. И въ одну только эту сторону [*указывая на востокъ:*] простирается наше государство и Сибирь до самаго моря, хотя и тутъ въ правую сторону живутъ Китайцы и многіе другіе народы; однимъ словомъ, на свѣтѣ очень много народовъ и государствъ, и всѣ они довольно обширны, но того не доволь-

вольно. Вамъ надобно знать, что всѣ сіи государства окружены большимъ и широкимъ моремъ, и всѣ зе́мли раздѣлены на три части, изъ которыхъ одна и та, въ которой мы живемъ, называется Европа и простирается отсюда на западъ; другая называется Азія, и лежитъ на востокъ, а третья Африка, которая лежитъ вотъ сюда на полдень. Всѣ сіи зе́мли и государства были уже̂ извѣстны, потому что изъ государства въ государство переходить и ѣздить было можно. А чтобъ такое затѣмъ широкимъ моремъ было, которое окружаетъ всѣ сі́и зе́мли, и называется Океяномъ, того никто не зналъ, и потому почитали его безконечнымъ, и никто не отваживался искать его конца; а о земляхъ и думали, что ихъ только на свѣтѣ и есть, сколько знали, и болѣе нѣтъ, и земля вся плоска̀. Но какъ въ нынѣшніе вѣки кораблеплаваніе приведено въ лучшее состояніе, и по́-морю можно стало съ мень-

меньшимъ страхомъ нежели прежде ѣздить, также и любопытство народовъ увеличилось: то нашлись охотники отважиться ѣхать въ это большое море и искать его конца. Но чтожъ воспослѣдовало любезныя дѣти? Это было въ Гишпаніи, откуда этотъ корабль отправился; онъ поѣхалъ все въ западную сторону, и ѣхалъ очень долго. Нѣсколько мѣсяцовъ сряду и почти годъ они на этомъ пути были, но ничего кромѣ воды и моря не видали. Наконецъ приходило уже имъ ѣсть и пить нѣчего, и они хотѣли было воротиться уже назадъ, какъ вдругъ и нечаянно въ такой ужасной дали увидѣли землю, о которой до того времени никто не слыхивалъ. Они сошли туда и узнали потомъ, что эта земля такъ велика, что почти равна всѣмъ тремъ частямъ свѣта, которыя до того были знаемы. Сію то новонайденную землю назвали они Америкою, и объ ней то я вамъ сказывала.

ФЕ-

ФЕОНА.

Да почему же бы матушка изъ этова заключить, что земля наша круглую фигуру какъ этотъ лимонъ имѣетъ? Можетъ быть сударыня за тою землею еще другія такія же зе́мли есть?

Г. Ц**

А вотъ почему моя радость: какъ скоро нашли сію новую и четвертую часть свѣта: то увеличилось любопытство народа; они тотчасъ старались ее объѣхать, и увидѣли, что и она окружена почти круго́мъ моремъ. Въ намѣреніи ненайдутъ ли они еще какихъ земель; поѣхали они еще далѣе на западъ; но чтожъ бы вы думали, куда бы они пріѣхали? Къ намъ сюда назадъ и къ тѣмъ землямъ, которыя были извѣстны; а того еще удивительнѣе, поѣхали вотъ въ эту сторону на западъ, и все ѣхали въ одну сторону на западъ; а пріѣхали ужѐ вотъ съ этой стороны съ востока; слѣдовательно сзади, и оттуда мож-

но

но было имъ ужѐ сухимъ путемъ до того мѣста приттить, откуда они поѣхали. И потому то догадались ужѐ, что земля кругла, и всю ее кругомъ объѣхать можно.

ФЕОНА.

Это конечно удивительно, сударыня, и хорошее доказательство, что земля круглая. По этому и всякому обойтить ее можно?

Г. Ц**

Конечно моя радость! и ежели бы на примѣръ пойтить съ этова мѣста теперь въ которую нибудь сторону, и иттить и ѣхать все прямо, то придешь опять на это мѣсто сзади, и это ужѐ довольно доказываетъ, что земля кругла.

КЛЕОНЪ.

Вотъ ажно какъ это, сударыня; а мнѣ право никогда бы не пришло сего въ голову. Теперь я ужѐ повѣрю, что земля кругла, хотя мнѣ и кажется она плоскою.

Г. Ц**

Что она кажется плоскою, тому причиною глаза̀ наши. Я вамъ любезныя дѣти, въ подтвержденіе того, что земля кругла, а не плоска, и другое доказательство скажу. . Глаза̀ наши видѣть только тогда могутъ, когда имъ ничто не мѣшаетъ, а ежели имъ что мѣшаетъ, такъ они видѣть не могутъ. На примѣръ, можешь ли ты сквозь эту стѣну что нибудь въ саду видѣть? Вить нѣтъ, моя радость? Стѣна тебѣ мѣшаетъ, и ты сквозь ее не видишь, а такъ то и съ землею нашею.

КЛЕОНЪ.

Какъ это, матушка! тутъ мѣшаетъ намъ стѣна, а тамъ что намъ мѣшаетъ? Мѣсто случается равное и гладкое и ничего нѣтъ, какъ бы не видать естьлибъ она кругла была? Мнѣ вспомнилось теперь, сударыня! какъ мы прошлаго года въ степную нашу деревню ѣздили, и ѣхали къ Танбову

бову. Какая это большая степь тутъ, и какое ровное мѣсто? Какже не видно было, что земля кругла, а казалось все ровно гладко и плоско.

Г. Ц**

Очень хорошо, и ты мнѣ кстати эту степь напомянулъ; я тебѣ самымъ симъ примѣромъ докажу, что земля кругла а не плоска. Но напередъ возмемъ въ примѣръ себѣ какое нибудь здѣсь поближе мѣсто. Вотъ смотрите сюда въ окно любезныя дѣти. Видите ли вы нашъ погостъ?

КЛЕОНЪ.

Видимъ сударыня.

Г. Ц**

Но видите ли вы нашъ лѣсъ которой позади погоста? Вить нѣтъ? Но для чего же вы его видѣть не можете, вить между нами и лѣсомъ никакой стѣны нѣтъ?

КЛЕОНЪ.

И! матушка, хотя никакой стѣны нѣтъ, да лѣсъ стоитъ суда-

дарыня туда нѣсколько ниже, и его видѣть намъ этотъ пригорокъ и высокое мѣсто, гдѣ погостъ стоитъ, мѣшаетъ. А ежели бы этого пригорка не было, и было бы ровное мѣсто, то бы какъ его не видѣть? Я бы и Богъ знаетъ какъ далече увидѣлъ?

Г Ц**

Очень хорошо мой свѣтъ! Такъ тебѣ этотъ пригорокъ, слѣдовательно земля, видѣть лѣсъ мѣшаетъ; а ежели бы было ровное мѣсто, такъ бы ты увидѣлъ? но возвратимся же мы къ давишней степи; объ ней ты самъ говорилъ, что она очень ровна и гладка; но ежели она гладка и ровна, то для чего же ты не могъ очень долго го́рода Танбова увидѣть, вить онъ вышше нашего лѣ́са? Въ немъ высокія церкви есть, такъ бы для чего его тотчасъ не увидѣть, какъ мы въ степь въѣхали? на примѣръ отъ села̀ Лысыхъ Горъ, вить тутъ ни горы̀ ни стѣны̀ нѣтъ? Да помнишь ли ты всходилъ еще

на земляной валъ, которой въ степи, и оттуда смотрѣлъ? Для чегожъ былъ Тамбовъ невидимъ, и ты не прежде его увидѣлъ, какъ когда мы уже недалече отъ него были?

КЛЕОНЪ.

Этово я незнаю сударыня! пожалуйте мнѣ скажите.

Г Ц**

Ни для чего мой свѣтъ, какъ для того, что земля кругла. Танбовъ стоитъ уже нѣсколько ниже, и между имъ и селомъ Лысыми Горами, земля хотя и кажется ровна, однако въ самомъ дѣлѣ опукла, и составляетъ не большой пригорокъ, какъ здѣсь между лѣсомъ и нами; и за тѣмъ пригоркомъ было его не видно; а какъ мы это высокое имѣющее мѣсто переѣхали то, и Танбовъ намъ видѣнъ сталъ. А по сему сравненію должны вы о всей землй заключать; а именно, что намъ дальнія мѣста для того не видны, что они лежатъ чѣмъ далѣе, тѣмъ ниже, и намъ видѣть ихъ округлость земляная мѣшаетъ.

Но на сухомъ пути все еще не такъ примѣтить можно какъ на морѣ. Земля бываетъ и неровна; а воды глаже быть не можетъ. Такъ для чего бы чрезъ море другаго бе́рега или го́рода какого видѣть было не можно? Но какъ скоро верстъ сорокъ отъѣдешь отъ бе́рега, то и бе́рега не видно; а одно только небо, да вода видна кругомъ.

ФЕОНА.

А! матушка, теперь сударыня я это вспоминала, какъ мы третьяго года изъ Петербурга моремъ въ Ребель ѣздили и я этому еще дивилась, что ничего и никакого бе́рега было не видно, какъ скоро мы на море выбрались. Да развѣ сударыня и море кругло и опукло? Какъ же водѣ-то матушка быть пригоркомъ? Она ровна вить сударыня, и тотчасъ бы въ ту сторону потекла, которая бы на примѣръ лежала ни́же.

Г Ц**

Конечно кругла моя́ радость! И какъ давича земля Танбовъ,

такъ тогда намъ вода Ревель видѣть мѣшала. А что она не течетъ и ни въ которую сторону и не уходитъ, это ужѐ такъ сдѣлано Богомъ, и принадлежитъ къ тому же таинству, о которомъ я давича упоминала. Когда на примѣрѣ, тѣ моря, которыя теперь здѣсь подъ нами [*взявъ лимонъ указываетъ*] не могутъ проситься всѣ внизъ: такъ ужѐ тому дивиться нѣчему, что въ стороны они никуда не текутъ. А сверьхъ того выпуклость ихъ по величинѣ земли почти глазамъ нашимъ не примѣтна. Да не помнишь ли ты еще какъ мы подъѣжжали тогда ужѐ къ Ревелю, намъ его было еще не видно; а матросъ съ мачты его ужѐ увидѣлъ?

ФЕОНА.

Очень помню сударыня? Да и то теперь мнѣ вспомнилось, что какъ и вы его увидѣли, такъ я долго его не усмотрѣла, и насилу насилу увидѣла одну только колокольню, и то только ее кончикъ. Почемужъ бы это такъ было?

Г.

Г Ц**

Для самой той же круглоты мо́ря. ВЪ то время оставался ужѐ тотЪ пригорокЪ или холмЪ водяной невысокЪ; и матросЪ сЪ мачты, будучи ужѐ выше насЪ, могЪ чрезЪ оной холмЪ Ревель видѣть. А и мы какЪ подъѣхали и поднялись нѣсколько выше чрезЪ самой тотже холмЪ, сперва одинЪ только кончикЪ колокольни, а пото́мЪ чѣмЪ ближе стали подъѣжжать, и чѣмЪ тотЪ холмЪ намЪ меньше видѣть мѣшать сталЪ, тѣмЪ больше колокольня, а пото́мЪ ужѐ и другія кирки, а наконецЪ и весь городЪ увидѣли. Равно такЪ какЪ и вЪ случаѣ нашего примѣра. Ежелибы вЪ нашемЪ лѣсу поставленЪ былЪ длинной шестЪ, или была бы такая же колокольня, то бы мы отсюда только одну голову видѣть могли; а ежелибы на пригорокЪ взошли, такЪ бы и все увидѣли.

КЛЕОНЪ.

Теперь я сударыня въ томъ не сомнѣваюсь, что земля кругла. Но пожалуйте матушка скажите намъ, куда же солнце то закатывается?

Г. Ц**

Для чего моя радость! теперь можете ужѐ вы и это лучше понять. Оно любезныя дѣти, никуда не закатывается, а опускается только ни́же, равно какъ туда подъ гору, и намъ его только за этою горою не видно; а оно все свѣтитъ, и когда не намъ, то тѣмъ людямъ, которые тамъ подъ горою и ни́же насъ живутъ. Вотъ видите любезныя дѣти, теперь намъ хотя оно ужѐ и не видно, а ежелибы верстъ двѣсти или триста далѣе на западъ пойти, такъ бы оно было тамъ еще видно. Ежелибы отойти въ самую сію еще минуту верстъ тысячи четыре, такъ бы оно еще тамъ высоко было, и до вечера далече: однимъ словомъ, чѣмъ далѣе туда итти,

ти, тѣмъ оно вышше; и у дальнихъ еще самой полдень, а у иныхъ оно только что еще всходитъ.

ФЕОНА.

Вотъ сударыня ажно это какъ!

КЛЕОНЪ.

А въ эту сторону [*указывая на востокъ*:] по этому чѣмъ далѣе, тѣмъ темнѣе?

Г. Ц**

Конечно моя радость! У насъ еще свѣтло и еще зоря, а верстъ за сто въ эту сторону ужè и зори не видно; а далѣе тудаужè давно смерклось; а еще далѣе, ужè и самая полночь; а въ мѣсто того завтре поутру у насъ еще темно будетъ; а у нихъ ужè солнце давно взошло: однимъ словомъ, всегда ужè это такъ, что когда у насъ день, такъ въ Америкѣ ночь; а когда у насъ ночь, такъ тамъ день.

ФЕОНА.

Развѣ Америка-та сударыня подъ нами прямо лежитъ?

Г. Ц**

Да моя радость! и ежелибы можно было прокопать здѣсь яму сквозь всю землю, такъ бы можно было ею въ Америку дойти.

КЛЕОНЪ.

Такъ по этому, матушка, солнце наше теперь въ Америкѣ свѣтитъ?

Г. Ц**

Конечно моя радость въ Америкѣ, и тамъ теперь оно только что всходитъ; а какъ у насъ будетъ полночь, тогда у нихъ тамъ будетъ полдень.

ФЕОНА.

Да развѣ у нихъ матушка, дни теперь маленькіе? Ночи вить у насъ теперь не велики?

Г. Ц**

Конечно моя радость! а зимою когда у насъ ночи большія, такъ тамъ дни длинные; однако совсѣмъ тѣмъ надобно вамъ знать, что это не во всѣхъ мѣстахъ. Долгота дней и ночей зависитъ отъ другихъ обстоятельствъ, о

ко-

которыхъ вы еще незнаете. Есть такія мѣста въ свѣтѣ, гдѣ понѣскольку мѣсяцовъ все ночь безпрерывная, а въ другихъ все день безпрестанной. А напротивъ того есть и такія мѣста, гдѣ во весь годъ дни и ночи равныя: однимъ словомъ, это зависитъ отъ положенія мѣстъ и отъ другихъ обстоятельствъ; я бы вамъ и то расказала, однако оставлю то до другаго случая, къ томужъ теперь и поздно. Намъ время итти ужинать.

ѲЕОНА.

Благодарствуемъ матушка сударыня, что вы трудиться изволили. Я сударыня право того не чаяла, чтобъ наука о мірѣ такъ весела была, какъ теперь я вижу.

КЛЕОНЪ.

И мнѣ сударыня она очень полюбилась.

РАЗГОВОРЪ XIV.

*МЕЖДУ ГОСПОЖЕЮ Ц** и ЕЯ* дѣтьми.

КЛЕОНЪ. пришедъ съ Феонoю въ садъ.

Что ты сестрица о вчерашнемъ нашемъ съ матушкою разговорѣ думаешь? А я сударыня, довольно всему тому надивиться не могу, и никогда бы тому не повѣрилъ, что подъ нами люди есть, естьлибъ матушка обо всемъ намъ такъ не растолковала. Теперь ужё все это статься можетъ, да тужу сестрица, что много кое чего спросить ее мнѣ тогда не вспомнилось.

ФЕОНА.

А о чемъ такомъ братецъ?

КЛЕОНЪ.

Первое о томъ: когда нашли въ первыя Америку, то были ли тамъ какіе люди, и также по нашему города̀ и деревни, или нѣтъ?

Вто-

Второе, ежели были, то какія они, такіе ли какЪ мы?

ФЕОНА.

И! братецЪ, тебѢ только одна Америка попалась. А мнѢ сударь много кое чего другаго вспомнилось. Я позабыла спросить о томЪ, какое у нихЪ внизу тамЪ небо, и какимЪ же образомЪ наше туда зашло? А того еще больше, я не понимаю того, какимЪ образомЪ, и на чемЪ же земля держится, когда она кругла какЪ шарикЪ? По этому надобно ужѐ ей на воздухѢ быть; а ежели на воздухѢ, то какЪ же она вся не упадетЪ?

КЛЕОНЪ.

Этова ужѐ я самЪ не понимаю, и надобно намЪ конечно спросить о томЪ матушку.

ФЕОНА.

Нехудо братецЪ спросить и о томЪ, о чемЪ ты давича говорилЪ. МнѢ самóй знать бы хотѢлось, какія тамЪ люди..... Да вотЪ матушка ужѐ идетЪ!

Г. Ц**

Давно ли вы здѣсь дѣти, и о чемъ говорите?

ФЕОНА.

Недавно сударыня! и начали было съ братцомъ о вчерашнемъ говорить. Намъ много кое чего непонятнаго нашлось, и мы уговаривались васъ матушка просить, чтобъ вы намъ какъ о томъ такъ и о нѣкоторыхъ другихъ вещахъ расказать изволили.

Г. Ц**

Очень хорошо моя радость! скажите только, что мнѣ вамъ расказать?

КЛЕОНЪ.

Намъ хотѣлось сударыня знать, были ли въ Америкѣ въ то время какія нибудь люди, когда въ первой разъ туда здѣшніе пріѣхали; и ежели были, то такіе ли они какъ наши; также былиль тамъ по нашему города и государства, и какія?

Г.

Г. Ц**.

О дѣти! это много вамъ разсказывать надобно, да къ томужъ и не принадлежитъ это къ нашей наукѣ; а есть о томъ особливая наука, которая не только о Америкѣ, но и то учитъ, какія государства, земли, владѣнія, города, народы, моря, обыкновенія и прочее, во всемъ свѣтѣ находятся.

КЛЕОНЪ.

О! матушка, такъ и этой наукѣ надобно быть очень хорошей? Да какъ же она сударыня называется?

Г. Ц**

Она называется Географія или земле-описаніе, и наука очень нужная и надобная.

ФЕОНА.

Я бы сударыня очень желала и эту науку знать. Не поучите ли вы насъ и этой наукѣ? Я думаю и братецъ учиться ей согласится?

КЛЕОНЪ.

Конечно сестрица соглашусь. Мнѣ давно хотѣлось знать: какiе народы живутъ на свѣтѣ, и я бы очень тому радъ былъ, естьлибъ матушка эту науку знала, и насъ бы поучить изволила.

Г. Ц**

Я ее конечно знаю, любезныя дѣти! и тотъ трудъ охотно на себя приму, чтобъ васъ поучить этой наукѣ; только надобно знать, что географiи такъ учиться неможно, какъ вы теперь учитесь, то есть разговорами; ей надобно ужè учиться по книгамъ и по ландкартамъ; и такъ развѣ опредѣлить къ тому поутру или послѣ обѣда по одному часу на день.

ФЕОНА.

Намъ все равно какъ бы ни учиться довольно, когда бы мы только учены были.

Г. Ц**

Ежели вы такъ усердно желаете, то мы ужè съ завтрешняго

дни

дни начáло учиним. Определим къ тому третей часъ после обѣда. Такимъ образомъ не помѣшаетъ намъ ни мало географія продолжать теперешнюю нашу науку. Ну скажитежъ мнѣ, что вамъ еще непонятно?

ФЕОНА.

Я хотѣла у васъ сударыня спросить о томъ небѣ, которое у тѣхъ людей, которые подъ нами. Вы изволили вчерась говорить, что оно тоже самое что здѣсь; какимъ же образомъ оно туда зашло? Того то я не знаю; да и то сударыня мнѣ не понятно, на чемъ земля наша держится, когда она кругла?

Г. Ц**

Я тебѣ о сихъ обѣихъ пунктахъ раскажу моя радость. Ты небо себѣ не такъ представляешь, какъ оно въ самомъ дѣлѣ есть, и не имѣешь еще никакого объ немъ понятія. Намъ кажется оно подобно опрокинутому на землю большому котлу, которой краями доста-

стаетъ до земли. Но это только такъ глазамъ нашимъ представляется; а въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ оно не такъ устроено, и вы узна́ете о томъ послѣ съ великимъ удивленіемъ, а на теперешней случай представляйте себѣ, что другой такой же котелъ есть внизу подъ нами, которой краями вмѣстѣ сошелся съ нашимъ. А земля бы въ срединѣ этого котла была, такъ какъ на примѣръ желтокъ яичной былъ бы посреди всего яйца.

КЛЕОНЪ.

А такоежъ сударыня и тамъ небо, и та́кже мѣсяцъ на немъ есть и звѣзды?

Г. Ц**

Конечно мой свѣтъ! и самой тотже мѣсяцъ, которой у насъ. Онъ свѣтитъ и намъ и тѣмъ; а извѣзды также есть, только вы всего этого еще не знаете.

ФЕОНА.

Да на чемъ же сударыня земля та держится, когда она въ серединѣ?

Г. Ц**

Ни на чемЪ моя радость! А только на воздухѢ; но совсѢмЪ тѢмЪ она не падаетЪ никуда. БогЪ такЪ ужѐ это сдѢлалЪ. Но этому дивиться еще нѢчему. Я вамЪ скажу любезныя дѢти, что и кромѢ нашей землѝ, есть на свѢтѢ много и другихЪ такихЪ же шаровЪ, какова́ зе́мля наша, которые всѢ также на воздухѢ, однако не падаютЪ.

КЛЕОНЪ удивившись.

КакЪ это сударыня? Другія такія же зе́мли есть какЪ наша?

Г. Ц**

НѢтЪ мой свѢтЪ! Я тебѢ сказала только, что такіе же шары какЪ земля наша, а зе́мли ли они или нѢтЪ и какія подлинно они, того за ужасною ихЪ дальностію разсмотрѢть не возможно; примѢчено только, что нѢкоторыя изЪ нихЪ огненныя а другія темныя; почему догадываются, что имЪ изЪ землѝ состоять надобно.

ФЕ-

ФЕОНА.

Да велики ли сіи шары, сударыня, о которыхъ вы намъ сказываете?

Г. Ц**

Очень велики моя радость! Нѣкоторыя изъ нихъ, не много чѣмъ поменьше земли нашей; другія гораздо меньше, а нѣкоторыя напротивъ того гораздо больше земли нашей. Есть, любезныя дѣти! такіе изъ этихъ шаровъ, которые въ тысячу и въ миліонъ разъ больше земли нашей.

ФЕОНА удивляясь съ Клеономъ.

Какъ это! Въ миліонъ разъ больше земли нашей!.... Что это сударыня изволите вы говорить! Это ужаснымъ громадамъ быть надобно! Да развѣ земля наша очень невелика матушка?

Г. Ц**

Никакъ моя радость! И земля наша довольно велика; и вы сами увидите, велика ли она или нѣтъ, ежели вамъ сказать, сколько

верстъ

верстъ, на примѣръ, кругомъ ея, или сколь она толста.

КЛЕОНЪ.

Да развѣ это, сударыня узнать, можно?

Г. Ц**

Хотя не такъ достовѣрно, чтобъ въ одной верстѣ ошибка не была: однако ужè съ довольною вѣроятностію это исчислено. И такъ знайте любезныя дѣти! что земля наша такъ велика, и толста, что естьлибъ на этомъ мѣстѣ, гдѣ мы сидимъ, прокопать можно было всю землю насквозь, и эту яму копать сквозь самую ее средину, такъ какъ бы, на примѣръ, яблоко сквозь самое гнѣздо гдѣ зéрна даже до самаго другаго крáя землѝ, то эта бы яма была безмало двѣнатцать тысячь верстъ (*) длиною.

ФЕ

(*) А именно по новѣйшимъ счисленіямъ 11917 верстъ.

ФЕОНА.

Велика сударыня, и ежели она такъ толста, такъ ужè кругомъ ей гораздо больше быть надобно, и когда ее объѣжжать, то не скоро объѣдешь.

Г. Ц**

Конечно больше мой свѣтъ! Кругомъ всей землй, ежели обойти ее по поверьхности, придетъ съ лишкомъ тритцать семь тысячь верстъ, слѣдовательно ежели бы поѣхать прямо чрезъ нее, и на всякой день переѣжжать по сту верстъ, то бы ровно цѣлой годъ надобно было ѣхать, покуда всю ее объѣдешь.

КЛЕОНЪ.

О! матушка, такъ по этому очень не много, а я думалъ что и въ десять лѣтъ ее не объѣдешь, а годъ бездѣлица, я бы самъ согласился объѣхать, естьлибы кто меня товарищемъ взялъ.

ФЕОНА.

И! братецъ, какъ тебѣ нестыдно это говорить, развѣ ты не-

не слыхалъ, что матушка про это время только съ тѣмъ говорила, ежелибы всякой день по сту верстъ переѣжжать, и ѣхать не останавливаясь; а ты можешь ли всякой день по стольку переѣжжать, да естьли полно такая прямая и дорóга?

Г. Ц**

Конечно нѣтъ моя радость! но вездѣ мѣшать будутъ рѣки степи, гóры, болота, озéра и моря̀, и остановокъ и препятствѣ много будетъ, которыя и преодолѣть будетъ не возможно: слѣдовательно въ самомъ дѣлѣ въ годъ и шестой доли не объѣдешь.

ФЕОНА.

Но пускай сударыня будетъ земля не велика, пускай въ годъ ее объѣхать бы можно было; но совсѣмъ тѣмъ, естьли иные шары въ тысячу, или какъ вы говорили, въ миліонъ разъ больше земли нашей, то какимъ это ужаснымъ громадамъ быть надобно, и сколько бы лѣтъ надобно было, естьли

либы ихъ также объѣжжать какъ давича мы о землѣ говорили!

Г. Ц**

Конечно моя радость! И это услышите вы въ то время, когда мы о каждомъ шарѣ особно говорить станемъ.

КЛЕОНЪ.

Да гдѣжъ такія ужасные и огромные шары матушка? Какъ же мы ихъ не видимъ?

Г. Ц**

Они отъ земли очень далеко моя радость! И такъ далеко, что естьли на нихъ простыми глазами смотрѣть, то они очень малы намъ кажутся. Я ужѐ ввечеру вамъ покажу нѣкоторыя изъ нихъ, и вы мнѣ конечно не повѣрите, чтобъ это были такіе большіе шары; а скажете, что это не что иное какъ звѣзды.

ФЕОНА.

По крайней мѣрѣ знаете вы, сколько ихъ, матушка?

Г. * Ц *

Конечно знаю моя радость! И не только ихъ всѣхъ по именамъ, но и какъ они далече отсюда, и что дѣлаютъ.

КЛЕОНЪ.

Да развѣ ихъ какъ называютъ сударыня?... Такъ пожалуйтежъ матушка ужѐ все намъ объ нихъ раскажите, что знаете.

Г. Ц**

Очень хорошю любезныя дѣти! Я и безъ того хотѣла вамъ объ нихъ расказывать; но только надобно вамъ слушать прилѣжно, а болѣе того вѣрить: ибо вы много невѣроятнаго услышите, и для того не забывайте только, что вамъ сумнительно покажется, и спросите о томъ послѣ; а теперь дайте мнѣ вамъ весь порядокъ безъ помѣшательства расказать.

ФЕОНА.

Слушаемъ матушка.

Г. Ц**

Ничто, любезныя дѣти, не можетъ намъ столь много величе-

ства и всемогущія Божескаго доказать, какъ зданіе или устроеніе всего нашего міра. Ежелибы можно мнѣ было ваши глаза такъ вооружить, чтобы могли они все это пространство [*указываетъ на небо*:] видѣть, и все то ясно разсмотрѣть, что тамъ происходитъ и дѣлается, то впалибы вы въ такой трепетъ и ужасъ, изъ котораго бы мнѣ васъ и вывесть было трудно. Вы увидѣли бы чудеса чудесъ, и не знали бы что думать. Все сдѣлано, все расположено и все устроено тутъ такъ хитро и такъ велико, что умъ человѣческой самъ въ себя войти и отъ удивленія остановиться долженъ? И такъ надобно вамъ, любезныя дѣти! не такъ себѣ представлять, какъ обыкновенно всѣ объ немъ думаютъ..., Не думайте, чтобъ это синее покрывало, которое тамъ видите [*указываетъ на небо*:] подлинно подобно котлу было, или изъ чего сдѣлано.

КЛЕОНЪ.

А я сударыня хотѣлъ давно у васъ спросить, что это такое? изъ чего сдѣлано?

Г. Ц**

Мы называемъ это небомъ и обыкновенно думаемъ, что оно изъ чего нибудь сдѣлано и не гораздо далеко, также что солнце мѣсяцъ и звѣзды въ немъ утверждены и по немъ бѣгаютъ; однако это совсѣмъ не такъ, любезныя дѣти; что синее намъ кажется, это не что иное какъ ужасная даль и пустота, а и солнце съ мѣсяцомъ и звѣздами не въ одномъ отсюда разстоянiи; мѣсяцъ гораздо ближе онаго, а звѣзды гораздо далѣе, да и тѣ не всѣ въ равномъ разстоянiи. Не примѣтили ли вы когда нибудь, что звѣзды не всѣ равны, но иныя больше, иныя меньше?

КЛЕОНЪ.

Я сударыня ономнясь долго на нихъ смотрѣлъ и это видѣлъ, иныя такъ малы, что ихъ почти

видѣть не можно, а иныя кажутся гораздо болѣе и яснѣе.

Г. Ц**

Такимъ образомъ, которыя больше всѣхъ, тѣ знайте, что гораздо ближе къ намъ, а которыя меньше, тѣ часъ отъ часу далѣе. Величину сего ужаснаго пространства вы тогда лучше усмотрите, когда я вамъ о разстоянiи солнца и звѣздъ расказывать буду. А теперь представляйте только себѣ, что это пространство и пустота чрезвычайно велика и нетолько въ одну эту сторону вверьхъ, но и сюда по сторонамъ и сюда внизъ, и всюду она такъ далеко простирается, что и конца ее никакъ усмотрѣть не можно. Позабудьтежъ теперь землю и самихъ себя, и думайте объ одномъ этомъ пространномъ и пустомъ мѣстѣ. Положите чтобъ это все пустое мѣсто было.

ФЕОНА.

Извольте сударыня! Я представляю себѣ эту ужасную пустоту. Г.

Т. Ц**

Внутри этой пустоты, угодно было Богу расположить оные огромные шары, которые называемъ мы планетами. Расположилъ онъ ихъ не въ близкомъ другъ отъ друга разстоянiи, но очень далеко, и всѣ они сдѣланы изъ темной и непрозрачной матерiи: но чтобъ на нихъ не темно, а свѣтло могло быть, также бы и не холодно, то угодно было Богу создать одинъ особливой такой же шаръ, но всѣхъ тѣхъ гораздо больше. Этотъ шаръ сотворилъ онъ свѣтлой и весь огненной, и утвердилъ его въ самой серединѣ между оныхъ темныхъ шаровъ или планетъ, такъ чтобъ они всѣ кругомъ этого свѣтлаго шара были, и отъ него свѣтъ и теплоту получали. Понимаете ли вы это?

ФЕОНА.

Понимаемъ сударыня, и я ужѐ догадываюсь, что этотъ большой огненной шаръ конечно либо солнце либо мѣсяцъ. Какъ только это

мнѣ удивительно, какъ оно такъ велико? Не-ужли оно больше земли нашей?

г. Ц**

Ты угадала моя радость! Этотъ огненной большой шаръ въ самомъ дѣлѣ наше солнце и всѣхъ другихъ небесныхъ шаровъ чрезвычайно больше. Наша земля предъ нимъ очень мала и солнце съ лишкомъ въ полтора милiона разъ болѣе оной.

КЛЕОНЪ. удивившись

Тому то бы я ужѐ никогда не повѣрилъ. Возможно ли сударыня, чтобъ солнце было больше земли нашей, да еще въ полтора милiона разъ? Не повѣрилъ бы я истинно, естьлибъ кто мнѣ сказалъ, что оно не два раза больше земли нашей. Да какъ же сударыня оно намъ такъ мало кажется?

г. Ц**

Мнѣ васъ обманывать и лгать кажется нѣдлячего, и солнце въ самомъ дѣлѣ такъ велико; а что оно намъ мало кажется, то это

отъ

отъ того что оно чрезвычайно отъ насъ далече. Не помнишь ли ты, какъ однажды при тебѣ въ Москвѣ снимали одинъ крестъ съ церкви, и ты дивился еще, какъ яблоко, что было подъ крестомъ, такъ велико, а на верьху казалось очень мало?

КЛЕОНЪ.

Это я помню, сударыня.

Г. Ц**

А потому долженъ ты заключать и о солнцѣ. Всякая вещь кажется намъ тѣмъ меньше, чѣмъ отъ насъ далѣе; а до солнца помнишь ты какая даль, вить я вамъ однажды примѣромъ о томъ сказывала? Какъ ему малому не казаться?

ФЕОНА.

Что матушка, сударыня, на него смотрѣть! Онъ и всему не будетъ вѣрить, и только вамъ дѣлаетъ остановку.

КЛЕОНЪ.

Никакъ сударыня! Я хочу во всемъ удостовѣриться, и матушка

ка за то на меня не прогнѣвается. Вотъ теперь я ужѐ повѣрю, что солнце велико, извольте матушка далѣе говорить.

ФЕОНА.

Пожалуйте сударыня скажите мнѣ, чтожъ сіи шары дѣлаютъ, на одномъ ли мѣстѣ они стоя́тъ?

Г. Ц**

Нѣтъ моя́ радость! Они не стоя́тъ на одномъ мѣстѣ, но безпрестанно катаются по воздуху, или лучше сказать бѣгаютъ или летаютъ кругомъ солнца, всякой по своей дорогѣ.

ФЕОНА.

Удивительно сударыня это! Да на чтожъ бы, чѣмъ такъ бѣгать, и нелучшель бы стоя́ть на одномъ мѣстѣ?

Г. Ц**

Это сдѣлано не безъ причины моя радость; ежели бы имъ стоя́ть на одномъ мѣстѣ и не поколебимо, то бы освѣщался и нагрѣвался отъ солнца всегда одинъ бокъ тѣхъ шаровъ, которой къ

солн-

солнцу, а на другомъ боку, которой напротивъ солнца всегда бы было темно и холодно. А то на бѣгу своемъ теперь они оборачиваются такъ, какъ на примѣръ: ежели покатить здѣсь по полу этотъ лимонъ [*взяв лимонъ покатила*] то видите дѣти, онъ и въ передъ катится и на дорогѣ самъ кругомъ себя все обарачивается, а потому всѣ бока тѣхъ шаровъ могутъ быть попеременно противъ солнца намъ освѣщаемы и нагрѣваемы быть.

КЛЕОНЪ. удивляясь

Вотъ сударыня ажно для чего они бѣгаютъ!

ФЕОНА.

Воля ваша матушка, мнѣ кажется, все еще невеликая причина; имъ бы можно было, и на одномъ мѣстѣ стоя кругомъ оборачиваться, вить также бы стали всѣ бока освѣщаться.

Г. Ц**

Это правда моя радость; однако совсѣмъ тѣмъ они бѣга-

ютъ, и это угодно было Богу ужѐ такъ сдѣлать. А въ прочемъ глаза̀ наши насъ въ томъ не обманутъ; намъ ясно видно, что они бѣгаютъ и ужѐ исчислено и извѣстно во сколько времени каждая планета обѣгаетъ кругомъ солнца и сколь скоро оборачивается; также примѣчено и то, что они не въ одномъ разстояніи отъ солнца всегда бѣгаютъ, но иногда къ нему нѣсколько ближе, а иногда нѣсколько далѣе отбѣгаютъ.

ФЕОНА.

О! сударыня, мнѣ хотѣлось бы все это знать.

Г. Ц**

Вы и услышите все это послѣ, а теперь надобно мнѣ сказать, что не одни сіи большіе шары на свѣтѣ, что около солнца бѣгаютъ, а есть еще и другіе, которые ихъ гораздо меньше, которые хотя также темные и какъ думать надобно изъ землѝ состоятъ, и также отъ солнца получаютъ свѣтъ и теплоту, но около солн-

ца бѣгаютъ они ужѐ своею доро́гою и не такъ какъ первые.

ФЕОНА.

Да какъ же сударыня?

Г. Ц**

А бѣгаютъ они съ тѣми большими темными шарами, и даны имъ равно такъ какъ товарищами, по чему и называются сіи маленькіе шары ихъ *драбантами* или *спутниками*, въ томъ разумѣніи, что они никогда отъ нихъ не отстаютъ, но куда бѣжитъ большой шаръ, туда бѣгутъ и они съ нимъ и ему спутешествуютъ.

ФЕОНА.

Да на что же бы это такъ было, матушка, не знаете ли вы причины тому сударыня?

Г. Ц**

А вотъ для чего моя радость! Нѣкоторые изъ помянутыхъ большихъ шаровъ или планетъ гораздо далѣе отъ солнца нежели наша; слѣдовательно, ежели оттуда на солнце посмотрѣть, то бы оно еще гораздо меньше казалось, а

потому натурально слѣдуетъ ужѐ само собою, что тамъ не таково и свѣтло отъ солнца какъ здѣсь; а для того и приданы имъ сіи товарищи, чтобъ они имъ свѣтили и чрезъ то прибавляли свѣта, котораго они отъ солнца мало получаютъ.

КЛЕОНЪ.

Да какже имъ свѣтить сударыня? Вы вить изволили сказать, что они темные?

Г. Ц**

Это не мѣшаетъ, что они сами темныя и состояли бы на примѣръ изъ земли: не смотря на то, они только грѣть не могутъ, а свѣтить имъ тѣмъ же свѣтомъ можно, которой они сами отъ солнца получаютъ. Но объ этомъ я вамъ послѣ раскажу.

ФЕОНА.

А посколько сударыня сихъ спутниковъ у каждой планеты?

Г. Ц**

Число ихъ не равно, моя радость, а правду сказать, можетъ быть

быть они не всѣ еще за дальностію и усмотрены. По сіе время примѣчено ихъ около одной планеты пять, около другой четыре, а около третей одинъ, а у прочихъ ни одного еще не усмотрено, у которыхъ можетъ быть и нѣтъ, а особливо у тѣхъ, которыя близко къ солнцу, которымъ и одного солнечнаго свѣта довольно.

ФЕОНА.

Да мы сударыня еще не знаемъ сколько всѣхъ и большихъ то шаровъ, которыхъ вы планетами называли; пожалуйте намъ скажите?

КЛЕОНЪ.

А и то ужè пожалуйте скажите, какъ они и называются?

Г. Ц**

Число сихъ большихъ шаровъ или планетъ не очень велико, ихъ всего только пять, а называемъ мы ихъ для различенія именами прежнихъ языческихъ идоловъ, а именно. Первая называется *Сатурнъ*, другая *Юпитеръ*, третья

Марсъ, четвертая *Венера*, пятая *Меркурій*, однако это только около нашего солнца, а то можетъ быть ихъ еще и болѣе есть.

ФЕОНА.

Какъ это, матушка! развѣ не одно у насъ солнце!

Г. Ц**

Ученые люди догадываются моя радость! что и каждая звѣзда, которыхъ на небѣ такъ много, неиное что, какъ такое же солнце, какъ наше, и что они намъ для того только такъ малы кажутся, что до нихъ преужасная и непостижимая даль.

ФЕОНА.

Да по чему-жбы это догадывались, сударыня?

Г. Ц**

Потому что примѣчено мой свѣтъ, что они огненныя и стоятъ также на одномъ мѣстѣ какъ наше солнце; а сіе и подало причину думать, что и они такія же солнца какъ и наше, и что надобно и около

ихъ

ихЪ такимЪ же шарамЪ или планетамЪ бѣгать, какЪ около нашего солнца. Однако это одни только догадки, а можетЪ быть тамЪ планетЪ и никакихЪ нѣтЪ.

КЛЕОНЪ. вЪ крайнемЪ удивленіи.

Пажалуйте матушка на часокЪ остановитесь. КакЪ это сударыня? .... Не извольте говорить далѣе, я послѣ спрошу.

Г Ц**

Я вижу моя радость! И знаю ужѐ то, о чемЪ ты спросить хочешь, и чему ты такЪ удивился. Не правда ли, вить о солнцѣ?... Ты конечно тому удивился что я сказала, что оно стойтЪ?

КЛЕОНЪ.

Да, матушка! это правда, и вы конечно проговориться изволили.

Г. Ц**

Отнюдь не проговорилась мой свѣтЪ! Солнце дѣйствительно стойтЪ на одномЪ мѣстѣ, да я

вамъ, мнѣ кажется, это ужè сказывала.

ФЕОНА.

Никакъ матушка вы не изволили сказывать.

КЛЕОНЪ.

О! нѣтъ матушка! да можно ли этому статься, мнѣ всего ужè это невѣроятнѣе; какъ ему стоять! вить мы не слѣпы, и видимъ всякой день, какъ оно всходитъ, бѣжитъ и заходитъ, да вы и сами всегда говорите и насъ спрашиваете, высоко ли солнце и скоро ли закатится.

Г. Ц**

Это я знаю, но говорится это потому, что мы ужè такъ привыкли говорить; а въ самомъ дѣлѣ, дѣти, оно стоитъ; а что намъ кажется, что оно бѣгаетъ, такъ это такъ намъ потому кажется, что земля сама съ нами вертится, такъ какъ я вамъ про планеты сказывала.

КЛЕОНЪ. еще болѣе удивившись и усмѣхаясь

Сударыня, какъ этому статься? .... Не прогнѣвайтесь матушка, что я чуть не разсмѣялся, вытерпѣть ей Богу не возможно .... Ужѐ земля наша оборачивается, такъ по этому и мы съ нею кружимся, и также вверьхъ ногами иногда бы ходимъ какъ Американцы. Какъ бы этого сударыня намъ не видать ежелибъ это была правда?

Г. Ц**

Вотъ смотри какой бездѣльникъ! онъ меня на смѣхъ ужѐ поднимаетъ. Развѣ я тебѣ дура попалась ... Но добро я тебѣ это прощаю, ибо вѣдаю, что это съ перваго вида очень смѣшно н невѣроятно кажется; а довольна буду тѣмъ, когда самъ послѣ признáешься, что это не такъ невѣроятно, какъ тебѣ теперь кажется, и тому повѣришь. Однако этого доказательства надобно тебѣ за вину подождать до тѣхъ поръ, пока я все о небесномъ зданіи раскажу; а меж-

между тѣмъ должно вамъ мнѣ повѣрить, что солнце стоитъ на одномъ мѣстѣ, а земля дѣйствительно оборачивается кругомъ, и день и ночь не отъ чего иного, какъ отъ сего оборачиванія дѣлается.

ФЕОНА. которая между тѣмъ взяла лимонъ и смотрѣла.

Да сударыня! это нѣсколько и на правду походитъ, на примѣръ когда вотъ этотъ бокъ къ солнцу у этихъ людей [*указываетъ на булавки*] свѣтло, и у нихъ солнце надъ головами, слѣдовательно день; а у сихъ [*указываетъ на противный бокъ*] тогда ночь, имъ солнца сквозь землю невидно. А у этихъ [*показываетъ на другія два бока*] по этому утро, а тутъ вечеръ и солнце имъ чуть видѣть. А какъ сударыня вся земля оборотится [*оборачиваетъ лимонъ*] то ужѐ у

этихъ

этихъ день будетъ, а у прежнихъ ночь. (*)

Г.

(*) Для удовольствованія любопытства читателя и для яснѣйшаго показанія, какъ сіе дѣлается приложенъ на концѣ сей книж и на таблицѣ 1 и подъ фигурою 1. рисунокъ, гдѣ литера А пускай представляла бы солнце. Литера Б земляной шаръ, литера В бокъ земли, освященной лучами солнца, Г. другой бокъ, находящійся въ тѣни и темнотѣ, Д лучи солнечныя, Е тень земная, цыфы же 1 2 3 4 5 6 7 8 пускай представляли бы людей живущихъ въ разныхъ мѣстахъ по поверьхности земнаго шара. Слѣдовательно у жителей означенныхъ числомъ 1 будетъ солнце казаться высоко и будетъ совершенной день. У жителей означенныхъ числомъ 2 будетъ оно казаться низко и вечеръ, у означенныхъ числомъ 3 будетъ оно едва видимо и заходитъ. У тѣхъ же жителей, которые означены числомъ 4 будетъ оно ужѐ не видно, а только одно зарево, и отъ того вечерняя заря. Напротивъ того у всѣхъ жителей подъ числомъ 5 будетъ темно и совершенная ночь, 6 будетъ утренняя заря, у 7 восхожденіе солнца, у 8 утро. Но когда земля оборотится такъ, что жители означенные числомъ 7 придутъ на то мѣсто, гдѣ были 1, а 1 на то мѣсто, гдѣ были 3, сіижъ на то мѣсто гдѣ были 5, а 5 на 7, то натурально ужѐ будетъ у седьмыхъ полдень или совершенной день, у первыхъ вечеръ, у третьихъ ночь, а у пятыхъ утро, ибо они подвинутся ужѐ далѣе.

Г. Ц**

Конечно моя радость! правда, это такъ совершенно и дѣлается, какъ ты говорила.

ФЕОНА.

Такъ не такая же ли матушка и земля планета, какъ и тѣ о которыхъ вы сказали?

Г. Ц**

Такаяжъ моя радость! И во всемъ имъ подобная; ибо не только также какъ и тѣ кругомъ себя оборачивается, но и также вмѣстѣ съ ними и наряду кругомъ солнца бѣгаетъ.

ФЕОНА.

Какъ сударыня! также и кругомъ солнца бѣгаетъ! Какъ же это она не упадаетъ?

Г. Ц**

Конечно бѣгаетъ; а упасть ей все равно, стоялали бы она на одномъ мѣстѣ или бѣгала, все на воздухѣ же ей держаться надобно. Знать ужѐ не упадаетъ и Богъ такъ сдѣлалъ, что ей никуда упасть не можно.

ФЕ-

ФЕОНА.

Да, сударыня! все равно, и по этому она конечно планетѢ или тѢмЪ большимЪ шарамЪ подобна?

Г. Ц**

Она и кромѢ того подобна еще имЪ и потому, что какЪ у тѢхЪ есть товарищи или какЪ я вамЪ сказывала спутники: такЪ есть и у ней такой же спутникЪ.

ФЕОНА.

Да гдѢжЪ онЪ? Что мы его не видимЪ сударыня?

Г Ц**

КакЪ не видать! Ты его очень часто видишь. ЭтотЪ спутникЪ нашЪ, не что иное какЪ мѢсяцЪ.

ФЕОНА.

И! матушка! вы ажно меня удивили. Я было хотѢла у васЪ про него только что спрашивать, и думала, что вы обЪ немЪ позабыли.... Да какЪ же сударыня, вы говорите что онЪ нашЪ такой товарищЪ и спутникЪ? О тѢхЪ изволили вы сказывать, что они маленькіе

шары

шары, а мѣсяцъ нашъ великъ и почти таковъ же великъ какъ солнце?

г. Ц**

О нѣтъ моя радость! Онъ очень не великъ и гораздо меньше не только солнца, но и земли нашей, а что онъ равенъ солнцу кажется, это только отъ того, что онъ несравненно ближе солнца къ намъ; а ежели бы онъ на томъ мѣстѣ былъ, гдѣ теперь солнце, тобы его и не видать было, такъ бы малъ ужѐ онъ намъ казался.

ФЕОНА.

Ну это хорошо сударыня. Но какже вы еще изволили говорить, что тѣ спутники шары темные, а не огненные, такъ развѣ и мѣсяцъ нашъ такой же темной шаръ а не огненной.

г. Ц**

Конечно моя радость! и въ томъ нѣтъ никакого сумнѣнія.

КЛЕ-

КЛЕОНЪ. опять усмѣхнувшись.

Ужѐ мѣсяцъ темной?.... Что ужѐ болѣе говорить. Воля ваша сударыня! я этому никогда не повѣрю.

Г. Ц**

О бездѣльникъ! ты и этому смѣешься, и куда каковъ ты не вѣроимчивъ.

КЛЕОНЪ.

Да какъ сударыня этому повѣрить! Вить мы видимъ всегда что онъ свѣтлой, да не только самъ свѣтелъ, но и намъ ночью свѣтитъ.

Г. Ц**

Добро мой свѣтъ. Я тебѣ это принуждена ужѐ доказать, и хотѣла бы я знать, что ты тогда заговоришь.

КЛЕОНЪ.

Не знаю сударыня, какъ бы вы могли меня въ томъ увѣрить. Я твердо въ томъ стою, что мѣсяцъ свѣтлой.

Г. Ц**

А я тебя мой свѣтъ увѣряю, что онъ самъ собою темной, не прозрачной и какъ думать надобно земляной шаръ, а свѣтлымъ кажется только отъ того, что освѣщается онъ солнцемъ, или что солнечные лучи отбрасываются къ намъ отъ него назадъ.

ФЕОНА.

Да какже можетъ онъ такъ ясенъ быть, когда онъ земляной?

Г. Ц**

Это возможное дѣло, моя радость! всякая освѣщаема солнцемъ вещь вдали очень ясна; и вы возьмите себѣ въ примѣръ, когда лѣтомъ солнце свѣтитъ на́ полѣ и маленькое облако его заслонитъ, тогда то мѣсто на́-полѣ очень темно, а гдѣ свѣтитъ солнце, тамъ очень свѣтло предъ тѣмъ.

ФЕОНА.

О сударыня! это я часто видала, иногда эта тень идетъ по полю полосою, а за нею иногда другая такаяжъ темная полоса,

а

а между ими свѣтлыя по́лосы, я еще часто этимъ любуюсь.

Г. Ц**

А когда сіи свѣтлыя по́ло́сы ужѐ вблизи такъ ясны передъ темными, то вдали всей землѣ, освѣщенной отъ солнца гораздо яснѣе быть надобно; а особливо когда на оную изъ темнаго мѣ́ста смотрѣть. Я увѣряю васъ, что естьлибы взойти на мѣсяцъ и оттуда на нашу землю посмотрѣть, то и она такова же бы ясна была какъ и мѣсяцъ. А что и намъ отъ мѣсяца свѣтло, тому доказательствомъ можетъ служить каменная бѣлая стѣна, на которую солнце сіяетъ. Ты сама, я думаю, помнишь, какъ мы были въ Петербурхѣ, и квартира наша была подлѣ каменныхъ полатъ и окнами къ оной, помнишь ли какъ было у насъ свѣтло въ горницѣ, отъ того, что на стоя́щую противъ окошекъ каменную бѣлую стѣну сіяло солнце.

ФЕ-

ФЕОНА.

Это я помню сударыня! только почему же бы узнали это что мѣсяцъ не прозрачной, и самъ не свѣтитъ, но получаетъ свѣтъ отъ солнца.

Г. Ц**

Я вамъ раскажу это въ короткихъ словахъ любезныя дѣти . . Во первыхъ, что онъ не огненной, можно изъ того примѣтить, что его днемъ не видно. Естьлибъ онъ былъ такой же огненной какъ солнце, то для чегожъ бы ему и днемъ также не свѣтить, какъ ночью, или для чего онъ ни мало не грѣетъ, и теплоты мы отъ него никакой не чувствуемъ?

ФЕОНА.

Да! это правда сударыня! Однако можетъ быть онъ имѣетъ особливой какой свѣтъ, которой при солнцѣ не видѣнъ или можетъ быть какой прозрачной.

Г.

Г. Ц**

Я тебѣ и на то скажу, моя любезная! положимъ на примѣръ по твоему, что онъ прозрачной и самъ свѣтитъ. Скажитежъ вы мнѣ, чтобы въ такомъ случаѣ воспослѣдовало, естьлибъ ему такъ прийтиться трафилось, чтобъ онъ прямо между нами и солнцемъ и противъ самаго онаго былъ? Вить когда онъ прозрачной, то бы онъ не заслонилъ намъ солнце, а можно бы было и сквозь его оное видѣть. А хотябы и не прозрачной былъ и солнце бы заслонилъ, то не видѣнъ ли бы тогда былъ собственной свѣтъ его?

ФЕОНА.

Конечно сударыня, чему нибудь изъ сихъ случаевъ а быть бы надобно было.

Г. Ц**

Совсѣмъ тѣмъ ни которое изъ тѣхъ случаевъ не бываетъ, но всякой разъ, когда мѣсяцъ такимъ образомъ прямо противъ солнца стоять трафляется, то за-

засланиваетъ онъ совсѣмъ все или часть онаго, и тогда ясно видно, что онъ твердое и темное какое нибудь тѣло, потому что насквозь его ничего не видно да и самъ онъ черенъ кажется; а иногда за нимъ и всего солнца не видно, такъ что посреди дня сдѣлается темно, которое приключеніе обыкновенно называемъ мы солнечнымъ затмѣніемъ (*)

ФЕ-

(*) Для лучшаго изъясненія какъ солнечное затмѣніе дѣлается изображено сіе на 1 таблицѣ тремя фигурами, а именно: 2 3 и 4. Вторая и третья изображаетъ солнце затмившееся мѣсяцомъ, такъ, какъ оно во время затмѣнія глазамъ нашимъ представляется, въ которыхъ фигурахъ числа 1 изображаютъ солнце, 2 мѣсяцъ, а 3 часть мѣсяца, которая заслонитъ и чрезъ то иногда болѣе иногда меньше затмитъ солнце, четвертая же фигура изображаетъ, какъ сіе затмѣніе въ натурѣ происходитъ. Число 1 означаетъ путъ солнце, 2 мѣсяцъ, 3 землю, 4 тѣнь мѣсяца, достигающую до земли, 5 то мѣсто на земли, съ котораго тогда затмѣніе солнца видно, и въ которомъ случаѣ, ежели мѣсяцъ все солнце собою заслонитъ, бываетъ тогда темно, а 6 число означаетъ путь, по которому мѣсяцъ кругомъ земли бѣгаетъ.

ФЕОНА.

А! матушка, такъ отъ того то затмѣніе солнечное дѣлается? А я давно у васъ о томъ спросить хотѣла. Да сударыня! это кажется довольно доказываетъ, что мѣсяцъ самъ собою теменъ.

Г. Ц**

Но и кромѣ того мой свѣтъ есть и другія тому доказательства, на примѣръ, когда случается мѣсяцу такъ стать, что между имъ и солнцемъ прямо наша земля придется, и солнечнымъ лучамъ за землею нашею на него свѣтить не можно: то для чегожъ онъ весь помрачается и становится теменъ? Вить ежелибы онъ имѣлъ собственной свѣтъ, и не получалъ бы и не заимствовалъ онаго отъ солнца, то бы свѣтелъ былъ и въ то время; а то противное тому дѣлается: но какъ скоро въ тѣнь, которая отъ земли простирается, онъ войдетъ, то потемнѣетъ, и не прежде начнетъ сіять, какъ опять изъ оной тѣни выдетъ.

ФЕОНА.

О! сударыня, не сіе ли приключеніе называется затмѣніе лунное или мѣсячное, которое я и прошлаго года видѣла, но не знала что такое?

Г. Ц**

Самое сіе, моя радость, и оное приключеніе ежегодно почти случается (*)

ФЕОНА.

Да какъ же сударыня, мѣсяцъ тогда хотя и помрачился и не таковъ свѣтелъ былъ, однако все его можно было видѣть, хотя онъ и красноватъ казался.

Г. Ц**

О! это не отъ того, мой свѣтъ! чтобъ онъ самъ собою красенъ былъ, а произошло ни отъ чего иного, какъ отъ того, что

онъ

(*) Чтобы можно было яснѣе усмотрѣть какъ и лунное затмѣніе дѣлается изображено сіе на первой таблицѣ фигурою 5 число 1 означаетъ солнце 2 землю 3 тѣнь земную а 4 мѣсяцъ затмившейся по вшествіи въ тѣнь земную.

онъ былъ тогда въ самомъ дальнемъ отъ земли разстояніи, ибо надобно вамъ знать, что мѣсяцъ не въ одной пропорціи всегда отъ земли около оной бѣгаетъ, но временемъ далѣе, временемъ ближе; а какъ ихъ тѣнь, бываемая отъ земли, чѣмъ далѣе простирается, тѣмъ слабѣе ужѐ становится; то когда мѣсяцу случится тогда бѣжать ближнею дистанціею отъ земли, то войдетъ онъ въ самую густую тѣнь земную, и тогда его во́все не видать; а ежели бѣжитъ онъ по дальней дистанціи, то лучи солнца достигаютъ его нѣкоторымъ еще образомъ, и тѣнь земная слаба, и не можетъ такъ его помрачить, чтобъ онъ всего свѣта, получаемаго отъ солнца лишился, и потому то кажется онъ тогда намъ краснымъ и потусклымъ, а такимъ было его затмѣніе, когда ты его видѣла.

ФЕОНА.

Теперь я болѣе не сомнѣваюсь въ томъ, что мѣсяцъ темное и

твердое тѣло, только хотѣла бы у васъ спросить: какимъ это образомъ мѣсяцъ прибавляется и убавляется, и какъ это онъ родится, также гдѣ онъ въ то время, когда его не видно?

Г. Ц**

Я тебѣ раскажу и это, моя радость! а особливо для того, что и сіе будетъ вамъ служить доказательствомъ тому, что мѣсяцъ собственнаго свѣта не имѣетъ. Когда бы, на примѣръ, былъ онъ весь свѣтлой, и состоялъ бы изъ огня или изъ чего нибудь другаго яснаго, то не должно ли бы ему всегда одинакому и такому быть, каковъ онъ въ то время, когда полонъ, такъ какъ наше солнце, которое всегда ужѐ одинаково. Но для чего же онъ не таковъ, но состояніе фигуру свою перемѣняетъ. Когда онъ родится: то чуть его видно, кажется онъ узенкимъ только серпомъ, и со всякимъ днемъ прибавляется этотъ серпъ, и до тѣхъ поръ, покуда полонъ сдѣ-

лаетъ

лается. Но не успѣетъ полнымъ сдѣлаться, какъ опять убавляться начинаетъ, и до тѣхъ поръ убавляется, покуда совсѣмъ пропадетъ: Чтожъ это бы значило? Не ужѐ ли все новыя мѣсяцы въ правду раждаются, дѣлаются?

ФЕОНА.

Я этому давно, сударыня, дивилась, и не знаю, какъ дѣлается вновь; какъ мѣсяцу, кажется, дѣлаться, онъ все также, и тѣ же въ немъ пятнышка, это я примѣтила?

Г. Ц**

И въ самомъ дѣлѣ онъ всегда тотъ же; а что онъ раждается и прибавляется, это происходитъ отъ различнаго только положенія его противъ солнца, въ то-время, когда онъ намъ видѣнъ. На примѣръ, когда онъ стоитъ прямо противъ насъ и противъ солнца, и намъ можно всю его освѣщаемую половину и такъ сказать прямо въ лицо видѣть, тогда называемъ мы его полнымъ мѣсяцомъ, и это обыкновенно такъ его бокъ или цѣлая

половина, которая къ солнцу; ибо надобно знать, что и мѣсяцъ весь никогда освѣщаемъ не бываетъ, а всегда только одна его половина. И вы сами примѣтьте, что всякой разъ, когда мы смотримъ на полной мѣсяцъ, тогда солнце у насъ прямо въ затылкѣ и подъ землю, а иногда и сверьхъ земли какъ то при вечерѣ иногда видно. Когда же мѣсяцъ такъ зайдетъ, что къ намъ стоитъ другой его противной первому, и солнцемъ не освѣщаемой бокъ, а освѣщенной отъ насъ и намъ ничего изъ онаго не видно; а именно въ такое время, когда мѣсяцъ стоитъ въ той же самой сторонѣ, въ которой у насъ тогда и солнце и такъ сказать къ намъ спиною, тогда по видимому у насъ вовсе мѣсяца нѣтъ, для того, что мы его видѣть не можемъ. Когда же положенie земли и мѣсяца противъ солнца опять перемѣнится, и мѣсяцъ будетъ находиться не въ самой той сторонѣ, въ которой тогда солнце, но нѣсколь-

сколько вЂ сторонѣ, и солнце отЂ него вЂ правой рукѣ, тогда стоитЂ мѣсяцЂ кЂ намЂ такЂ сказать ребромЂ, и мы половину только освѣщаемаго бо́ка его видимЂ, а вся другая половина намЂ не видна, для того, что она темная и вЂ тѣни находящаяся; и вЂ сіе время представляется онЂ намЂ полукругомЂ, и мы называемЂ это первою четвертью. ЧѣмЂ ближе стоитЂ онЂ кЂ той сторонѣ, гдѣ солнце, тѣмЂ меньше видно намЂ изЂ освѣщаемаго его бо́ка, и потому-то кажется онЂ намЂ иногда узенькимЂ только серпочкомЂ, и мы говоримЂ, что онЂ родился, что не иное значитЂ, какЂ то, что мѣсяцЂ на́чалЂ изЂ той стороны, гдѣ солнце, подаваться далѣе, и становиться такЂ, что освѣщаемой его бокЂ на́чалЂ намЂ понемногу показываться: и вы сами примѣтьте, что всякой разЂ, когда мы ни смотримЂ на молодой и новородившійся мѣсяцЂ, то солнце всегда у насЂ недалече отЂ него

въ правой рукѣ. Чѣмъ же далѣе онъ отъ солнца подается, тѣмъ болѣе намъ и освѣщеннаго бо́ка видно, и тѣмъ болѣе и толще его серпъ сдѣлается, которой, какъ вы солнце можете примѣтить, всегда имѣетъ опуклость или горбъ свой въ ту сторону, гдѣ находится тогда солнце; и сіе продолжается до тѣхъ поръ пока мѣсяцъ станетъ прямо въ противную противъ солнца сторону, и сіе будетъ прямо позади насъ. Тогда, какъ я вамъ сказывала, виденъ намъ бу́детъ ужѐ весь его освѣщенной, бокъ и онъ кажется намъ круглой и огненной. Какъ же скоро, подаваясь отъ часу далѣе, подвинется онъ опять ближе въ ту сторону, гдѣ тогда солнце, то освѣщаемаго бо́ка начнетъ намъ опять часъ отъ часу меньше казаться, и то то называемъ мы ущербъ мѣсяца, которая убавка до того продолжается, покуда намъ опять одинъ только краишекъ освѣщеннаго бока будетъ видѣнъ

дѣнъ, и тогда кажется намъ мѣсяцъ такимъ же узенкимъ серпочкомъ, какъ былъ при рожденiи, съ тою только отмѣною, что сей серпокъ горбомъ своимъ ужѐ въ другую сторону.

ѲЕОНА.

Отъ чегожъ бы это матушка такъ было?

Г Ц**

Отъ того моя радость, что и солнце тогда отъ него въ другой сторонѣ, и какъ было при рожденiи въ правой, такъ при исходѣ мѣсяца находится ужѐ въ лѣвой рукѣ отъ мѣсяца; а отъ того то самаго намъ первая четверть видна только по вечерамъ по захожденiи солнца, а послѣдняя четверть только по утрамъ и предъ восхожденiемъ солнца.

ѲЕОНА.

Вотъ сударыня ажно это какъ! ахъ! какъ это хорошо, и какъ мнѣ полюбилось. Теперь буду же я знать отъ чего это мѣсяцъ родится,

ся, часъ отъ часу прирастаетъ, а потомъ убываетъ.

г. Ц**

Такъ то моя радость! и сіе доказываетъ тебѣ наияснѣйшимъ образомъ, что мѣсяцъ самъ собою темной шаръ; и свѣтъ свой получаетъ отъ солнца. Но чтожъ нашъ Клеонъ такъ замолкъ; ужли ль ты повѣришь теперь свѣтъ мой?

КЛЕОНЪ.

Что! сударыня! я ужè давича увидѣлъ свою погрѣшность, но не смѣлъ ужè и говорить, а теперь и подавно въ томъ удостовѣрился, а особливо вспомнивъ, что я недавно и самъ, смотря на молодой мѣсяцъ въ подзорную нашу трубку, другую половину мѣсяца хотя не ясно, однако могъ видѣть и примѣтить, что она темная.

г. Ц**

Чегожъ тебѣ хотѣть болѣе моя радость, когда ты самъ это видѣлъ.

ФЕОНА.

КакЪ это братецЪ! АхЪ жаль что я этого не видала: всегда ли это матушка видно, такЪ бы когда нибудь и я посмотрѣла?

Г. Ц**

НѣтЪ моя радость, не всегда, а только тогда, когда случится воздухЪ чистой и ясной; иногда можно это и простыми глазами примѣтить, а особливо кто зорокЪ; еще кажется, что другая половина окружена тоненькою ясноватою ниточкою, что отЪ тогдашнего воздуха намЪ такЪ кажется (*)

(*) КакимЪ образомЪ происходитЪ сЪ пріумноженіемЪ и убавленіемЪ мѣсяца и все прочее, то можно усмотрѣть яснѣе изЪ рисунковЪ изображенныхЪ фигурою 6 7 8 и 9 на второй таблицѣ. Фигура 6 изображаетЪ новородившейся мѣсяцЪ; гдѣ число 1 означаетЪ солнце, 2 его лучи, 3 мѣсяцЪ, 4 освященной лучами и видимой нами тогда край, а фигура 7 такимЪ же образомЪ означаетЪ исходящей мѣсяцЪ. ИзЪ фигуры 8 можно усмотрѣть, какЪ иногда намЪ новородившейся мѣсяцЪ весь видѣнЪ. Фигура же 9 изображаетЪ все происхожденіе при пріумноженіи и убавленіи мѣсяца. Гдѣ

ФЕОНА.

О! не пропущу же я ни одного молодаго мѣсяца, и буду стараться, чтобъ мнѣ это какъ можно увидѣть.

Г Ц**

И такъ знайте любезныя дѣти! что мѣсяцъ не огонь, а такой же темной шаръ какъ и прочіе драбанты или спутники около планетъ. А теперь надобно мнѣ вамъ сказать, что мѣсяцъ двойную работу отправляетъ. Во первыхъ, бѣгаетъ безпрестанно около земли нашей, а между тѣмъ не отстаетъ и отъ ней, но бѣгаетъ вмѣстѣ съ оною и около солнца равно какъ и прочія спутники планетъ.

ФЕ-

числа 1 изображаетъ солнце, 2 землю. 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 мѣсяцъ въ разномъ его положеніи противъ земли и солнца. Ко всякому изъ нихъ протянутыми линіями изображено, по какой части видно въ тогдашнее время съ земли изъ освѣщеннаго солнцемъ мѣсячнаго бока.

ФЕОНА.

Да развѣ и они сударыня такъже кругомъ своихъ планетъ бѣгаютъ?

Г. Ц**

Конечно бѣгаютъ, и не только бѣгаютъ, но также имѣютъ и затмнѣнія, какъ и нашъ мѣсяцъ.

ФЕОНА.

О! сударыня какъ! ажно все это мудрено Богомъ устроено!

Г. Ц**

Ты еще больше удивишься, когда мы обстоятельнѣе обо всѣхъ сихъ планетахъ говорить станемъ. Но теперь видите дѣти ужѐ очень поздно, и намъ говорить остается очень мало времени, а раскажу я вамъ только вкратцѣ, которая планета ближе, которая далѣе отъ солнца кругомъ онаго бѣгаетъ.

ФЕОНА.

Очень хорошо сударыня, а я было еще давиче хотѣла у васъ о томъ спрашивать.

Г. Ц**

И такъ помните мои любезныя дѣти! что ближе всѣхъ бѣгаетъ около солнца *Меркурій*, которая планета меньше всѣхъ прочихъ. Послѣ Меркурія бѣгаетъ *Венера*, которая ужѐ далѣе гораздо Меркурія отъ солнца. Въ третьемъ порядкѣ бѣгаетъ *Земля* съ своимъ мѣсяцемъ или луною, которой отъ ней никогда не отстаетъ. Въ четвертомъ порядкѣ и далѣе земли нашей бѣгаетъ *Марсъ*, а наконецъ въ ужасной отдаленности бѣгаютъ послѣднія двѣ и величайшія планеты *Юпитеръ* и *Сатурнъ* около солнца. *Юпитеръ* изъ нихъ больше всѣхъ планетъ, однако бѣгаетъ ближе *Сатурна* къ солнцу, и имѣетъ 4 спутника или мѣсяца. А *Сатурнъ* хотя и меньше *Юпитера*, однако бѣгаетъ гораздо еще далѣе; имѣетъ не только 5 спутниковъ, но и кромѣ ихъ нѣкоторое около себя великое кольцо, которое также ясно какъ и нашъ мѣсяцъ; и весь сей порядокъ течения

нія или бѣганія планетъ около нашего солнца называется *Системою* солнца нашего, или какъ бы лучше назвать *подсолнечною* нашею (*)

ФЕОНА.

А за *Сатурномъ* сударыня, что тамъ?

Г. Ц**

Тамъ уже пойдутъ звѣзды; только надобно вамъ знать, что между *Сатурномъ* и первыми звѣздами преужасная даль и пустота, а и звѣзды, какъ я вамъ сказывала, не всѣ рядомъ, но одни другихъ выше.

КЛЕОНЪ.

А сколько бы ихъ, сударыня, было, не изволите ли вы знать?

Г. Ц**

Хотя много разъ старались ихъ перечесть, и уже нѣсколько тысячь начтено и всѣмъ имена даны, однако всѣ ихъ перечесть не было способа, потому что ихъ ужасное множество, а сверьхъ того

(*) Всякая система изображена на таблице III.

того иныя такъ далеко, что ихъ видѣть почти не возможно; а къ вящщему удивленію примѣчено, что они прибавляются вновь и убавляются; ибо не давно усмотрены нѣкоторыя звѣзды вновь, которыхъ прежде не видывали, а иныя вовсе напротивъ того скрылись.

ФЕОНА.

Да не та ли, сударыня, звѣзда, что съ хвостомъ была, о которой мнѣ однажды разказывали?

Г. Ц**

Нѣтъ моя радость, а звѣзда обыкновенная, а что до той звѣзды съ хвостомъ принадлежитъ, то это была не звѣзда, но нѣкоторой родъ такой же планеты какъ и прочія, о которыхъ я вамъ сказывала, и между ею и тѣми только та разница, что тѣ бѣгаютъ около солнца всегда уже по одной дорогѣ и порядочно, а эта сбѣжавъ отъ звѣздъ обѣжала около солнца и опять туда ушла и скрылась, и потому и называютъ ихъ заблуждшими *планетами* или *кометами*,

ибо

ибо такія кометы ужѐ не одинъ разъ показывались и обѣгали около нашего солнца.

ФЕОНА.

Еще одно слово хотѣла бы я у васъ спросить матушка, да куда же простираются сіи звѣзды? не ужли имъ конца нѣтъ? и что бы тамъ далѣе за ними было?

Г. Ц**

Безконечному числу быть никакъ не возможно, и какъ бы ихъ много ни было и сколь бы высоко и далеко они ни находились, однако не обходимо надобно имѣть имъ гдѣ нибудь конецъ. Сколь этотъ конецъ далеко узнать способа нѣтъ, только то съ нѣкоторою вѣроятностію утверждать можно, какъ то нѣкоторыя изъ новѣйшихъ философовъ и утверждаютъ, что выше всѣхъ этихъ звѣздъ надобно быть чему нибудь на подобіе скорлупы, которая бы весь міръ въ себя вмѣщала, и что этой скорлупѣ надобно состоять изъ воды. И сію то скорлупу,

есть-

естьли то правда, можно почесть подлиннымъ и высочайшимъ небомъ.

ФЕОНА.

А выше сего неба матушка, что?

Г. Ц**

Тамъ болѣе ужѐ ничего нѣтъ, кромѣ одного Существа Божескаго, и тамъ то оно сіяетъ ужѐ въ полномъ своемъ величествѣ и славѣ, и потому то говорится обыкновенно, что онъ живетъ на небесахъ.

ФЕОНА.

О сударыня! въ какое удивленіе привели вы меня всѣмъ своимъ севоднишнимъ расказываніемъ; я равно какъ въ другомъ свѣтѣ теперь, а не въ прежнемъ; все у меня мѣсяцы, планеты и звѣзды на умѣ.

Г Ц**

Не надобно только всего этого позабывать любезныя дѣти... Мнѣ надобно будетъ очень много съ вами о томъ еще говорить; но

те-

теперь время намъ иттить ужѐ ужинать. Послѣ ужина нарисую я вамъ на бумашкѣ какъ и мѣсяцъ прибавляется и убавляется, и какъ солнечныя и лунныя заттмѣнія дѣлаются, и какъ планеты около солнца бѣгаютъ и прочее.

ФЕОНА.

Очень хорошо сударыня, мы тѣмъ лучше всего того не забудемъ.

КЛЕОНЪ.

Благодарствую матушка! что вы для меня сегодни такъ много говорить изволили. Признаюсь, что я виноватъ предъ вами, и былъ слишкомъ не вѣроимчивъ, и вамъ дѣлалъ остановку. Но мнѣ это сперва очень чудно показалось; однако теперь начинаю всему тому вѣрить, что вы расказывать изволили.

РАЗ-

РАЗГОВОРЪ XV.

*МЕЖДУ ГОСПОЖЕЮ Ц** и ЕЯ* ДѢТЬМИ ФЕОНОЮ и КЛЕОНОМЪ.

ФЕОНА пришедъ въ садъ и нѣсколько походивъ и размышляя, потомъ увидѣвъ Клеона.

О! братецъ, насилу я тебя нашла! сколько хотѣлось мнѣ съ тобою поговорить!

КЛЕОНЪ.

А мнѣ сестрица и того больше. Меня вчерашнее, что мы слышали, въ такое сумнѣніе привело, что я и ночь и весь севоднишній день о томъ все думалъ, и чѣмъ болѣе думаю, тѣмъ болѣе мудренаго, непонятнаго и удивительнаго нахожу. Болѣе всего мнѣ это невѣроятно кажется, какъ землѣ бѣгать и вертѣться, а солнцу стоять; неужли бы мы не могли ничего примѣтить, а то посмотри сестрица на сіи облака, вотъ какъ они

они и туда и сюда бѣгаютъ. Не доказываютъ ли они, что земля стоитъ?

ѲЕОНА.

А я братецъ тебѣ о себѣ скажу. Я также долго не спала, а думала все, какъ это планеты бѣгаютъ, какъ ихъ такъ много, какъ они велики, и въ такое любопытство вошла, что нарочно высылала дѣвку на дворъ посмотрѣть, не прочистилось ли на небѣ, и не видны ли звѣзды, и хотѣла иттить и сама смотрѣть, не увижу ли я тѣхъ большихъ шаровъ: но по нещастію было на небѣ облачно и ничего не видно, и такъ принуждена я была остаться, а вспомнила только бывшую недавно свѣтлую ночь, и какъ я въ то время ихъ видѣла.

КЛЕОНЪ.

Эту ночь я сама сестрица вспоминалъ, но то то мнѣ и удивительно, что такихъ шаровъ было тогда нигдѣ не видно, а

видны были только одни звѣзды, но и тѣ кажутся все рядышкомъ.

ФЕОНА.

Это правда братецъ. Такъ они намъ кажутся, но можетъ быть они въ самомъ дѣлѣ одна другой далѣе; но хотѣлося бы мнѣ очень знать, почему бы это все узнали, какимъ образомъ все тамъ происходитъ, и я конечно спрошу о томъ матушку.

КЛЕОНЪ.

Я сударыня вчера хотѣлъ еще о томъ спросить, но не было ужè времени. Да вотъ матушка ужè къ намъ идетъ.

Г. Ц**

Небойсь вы все о вчерашнемъ думаете дѣти?

ФЕОНА.

Конечно, сударыня, о вчерашнемъ, все намъ еще удивительно и все такое, чего мы никогда не слыхивали. Мы и сегодни хотимъ васъ просить, чтобъ вы о томъ же говорили, и расказали намъ, какимъ образомъ это все узнали.

Г.

Г. Ц**

Очень хорошо моя радость! Я вамъ и это раскажу, и вамъ будетъ служить сіе лучшимъ подкрѣпленіемъ. И такъ знайте, что любопытство людей было всему тому причиною. Еще въ самыя древнія времена старались ужѐ они разсматривать небо: однако как не доставало имъ многихъ потребныхъ къ тому вещей, а особливо надобныхъ къ тому инструментовъ; то не могли никогда они узнать совершенно весь порядокъ; но имѣли о зданіи небесномъ чудныя и неправильныя мысли. Они принуждены были довольствоваться однимъ только зрѣніемъ простыми глазами; и хотя ими еще очень мало увидѣть можно, но совсѣмъ тѣмъ они тѣ планеты также и бѣгъ ихъ кругомъ солнца усмотрѣли, хотя они простымъ глазамъ подобны прочимъ звѣздамъ кажутся.

ФЕОНА.

Да почемужъ, сударыня! могли они это примѣтить?

Г. Ц**

А потому, что они, смотря очень часто и прилѣжно на небо, примѣтили между звѣздами разность. Они увидѣли, что большая часть звѣздъ стоятъ не подвижно, и казалися утвержденными быть къ небу: а другія напротивъ того перемѣняли свои мѣста̀ и по небу ходили, и для того назвали они тѣ неподвижными звѣздами, а сіи ходящими, или планетами, и заключили, что имъ надобно быть гораздо ни́же и на свободномъ воздухѣ. Примѣчая далѣе, усмотрѣли они, что сіи ходячія звѣзды имѣютъ теченіе свое около солнца, и что отъ онаго одна другой далѣе. А такимъ образомъ мало помалу они больше примѣчаній дѣлали, однако всѣ они были несовершенны. О величинѣ сихъ планетъ, и о прочемъ они ничего достовѣрнаго не знали, да можетъ быть и по сіе бы время никто того не зналъ, естьлибъ по щастію не изобрѣтены были зрительныя трубы.

ФЕ-

ФЕОНА.

Какія это трубы? не ужли такія, какая у насъ есть подзорная трубка?

Г. Ц**

Такія моя радость! и вамъ надобно знать, что это весьма нужной и надобной инструментъ. Польза отъ нихъ въ томъ состоитъ, что мы отдаленныя вещи можемъ явственнѣе и лучше видѣть.

КЛЕОНЪ.

Да! сударыня. Я часто въ нее смотрю на погостъ свой, и въ нее видно все, что тамъ ни дѣлается; а простыми глазами того не видно.

Г. Ц**

Со всѣмъ тѣмъ наша маленькая и негодная трубка; въ эту трубку ничего на небѣ не увидишь. Тѣ же трубы, о которыхъ я говорю, гораздо больше. Есть такія, которыя длиною саженъ десять и болѣе, и въ такія то трубы смотрятъ на небо и на звѣзды.

ФЕОНА.

О! сударыня, посмотрѣла бы я въ этакую трубу, въ нее я думаю все велико и явственнѣе кажется?

Г. Ц**

Конечно все явственнѣе, и потому то какъ скоро они выдуманы, то ужѐ другое все на небѣ примѣчено. Планеты показались ужѐ гораздо больше. Усмотрено также, что они не огненныя, а такія же какъ нашъ мѣсяцъ, состоящія изъ какой нибудь твердой и темной матеріи. Что свѣтъ свой получаютъ они отъ солнца. Примѣчено также, потому что они равно какъ мѣсяцъ прирастаютъ и имѣютъ ущербъ; а что они другъ друга далѣе, заключено изъ того, что они другъ за друга заходятъ и заднихъ заслоняютъ своею тѣнью. Однимъ словомъ, все что я ни говорила мало помалу примѣчено. Наконецъ науки пришли въ совершенство, и ученые люди не только все оное усмотрѣли, но нашли средство отсюда съ земли все и

из-

измѣрить. Они исчислили ихъ величину и отдаленность.

ФЕОНА.

Да какже сударыня они мѣрили, вить не ходилиже они туда?

Г. Ц**

Да и нѣдлячего ходить, а можно и безъ того помощію тѣхъ же и другихъ потребныхъ къ тому инструментовъ смѣрить, сколь на примѣръ солнце отъ которой планеты или отъ насъ далече.

КЛЕОНЪ.

Такъ они это вѣрно знаютъ, Сударыня?

Г Ц**

Конечно вѣрно; и не только отдаленность, но и весь бѣгъ этихъ планетъ, обращеніе и теченіе ихъ имъ такъ ужѐ нынѣ извѣстно, что они за сто лѣтъ напередъ узнать могутъ, гдѣ которая планета тогда будетъ, или на примѣръ когда солнечное или лунное затмѣніе будетъ. Это они такъ коротко знаютъ, что могутъ

безъ всякой ошибки, не только годъ и мѣсяцъ, но и день и часъ и минуту назначить, въ которую такое затмѣніе начнется, сколько времени продолжится, и когда окончится. Вотъ видите до чего дошли ужѐ люди; а вы не хотите тому еще вѣрить, что земля вертится и бѣгаетъ, а солнце, стоитъ. Вить это они же примѣтили и узнали, и почитаютъ ужѐ за самое безсумнѣнное дѣло. Теперь разсудитежъ сами, когда они въ прочемъ ошибаться не могутъ: то какъ ужѐ въ этомъ имъ самимъ себя обманывать?

ФЕОНА.

О сударыня! всего этого я еще не знала. Теперь я ужѐ стану всему вѣрить, и вспомнила сама какъ прошлаго года затмѣніе было; мы изъ календаря задолго передъ тѣмъ знали, когда оно начнется; что такъ и сдѣлалось.

КЛЕОНЪ.

Теперь матушка и я ужѐ никакъ въ справедливости всего того

го не сумнѣваюсь; и когда они все это такъ коротко знаютъ, то хотѣлося бы мнѣ знать, каково же велико въ самомъ дѣлѣ наше солнце и всѣ тѣ планеты, также сколько бы верстъ на примѣръ до мѣсяца и до прочихъ планетъ и до солнца было? Пожалуйте намъ матушка это скажите?

Г. *Ц*

Изволь моя радость, я вамъ это раскажу. Вы можете лучше изъ того величину всего мира усмотрѣть, а изъ того ужѐ, такъ сказать, изъ опыта узнать, каковъ великъ нашъ Богъ и всея вселенныя Создатель.

ФЕОНА.

О! куда я этому буду рада!

Г. Ц**

И такъ слушайте любезныя дѣти! еще до того времени, какъ большія зрительныя трубы найдены, и когда міръ еще гораздо меньше почитали, нежели каковъ великъ онъ въ самомъ дѣлѣ, и каковъ нынѣ усмотренъ, всякъ

смотря и простыми глазами на небо и на великолѣпной этотъ сводъ, украшенной толь многими свѣтилами и толикимъ множествомъ звѣздъ изпещренной, не могъ, чтобъ не дивиться этому и не признать, что тому надобно великому Господу быть, кто такую ужасную громаду сдѣлалъ и такъ прекрасно изукрасилъ.

ФЕОНА.

Это самая правда, сударыня!

Г. Ц**

Но какъ трубы найдены, и все обстоятельнѣе разсмотрено и узнано, то все сіе зданіе еще въ тысячу разъ великолѣпнѣе, славнѣе и великаго Создателя достойнѣе представилось. По истиннѣ любезныя дѣти! ничто не можетъ намъ такъ ясно величества и всемогущія нашего Творца доказать, какъ преужасная величина всего сего міра, и огромность тѣхъ ужасныхъ шаровъ, которые тамъ [*указываетъ на небо*:] по воздуху катаются. Вы сами сіе усмотрите,

когда

когда обо всемЪ прилѣжно разсуждать станете. Ибо хотя и не возможно намЪ все, а особливо ужасное то пространство, гдѣ неподвижныя звѣзды находятся, также и величину за превеликою отдаленностію вЪ самую точность измѣрить, однако по крайней мѣрѣ вЪ томЪ удостовѣрены мы, что имЪ не измѣримо великимЪ быть надобно. ВозмемЪ напередЪ нашу землю вЪ разсужденіе, и ее величину разсмотримЪ. Я вамЪ ужѐ вчера сказывала, какЪ она велика. По новѣйшимЪ и надежнѣйшимЪ исчисленіямЪ выходитЪ, что естьли здѣсь на примѣрЪ, яму до самой середины землѝ прокопать, то бы была она 5958 верстЪ сЪ половиною глубиною. А ежелибы сію яму сквозь всю землю прокопать: тобы длиною была она 11917 верстЪ. Не ужасная ли толстота любезныя дѣти?

ФЕОНА.

Конечно сударыня ужасная, и я думаю, что ежелибы можно было

этою ямою ѣхать, то бы и въ два мѣсяца сквозь землю не проѣхалъ.

г. Ц**

Конечно бы не проѣхалъ. Ежелибы въ такомъ случаѣ и посту верстъ на всякой день ѣхать или туда опускаться, то бы къ тому ужѐ цѣлыхъ 120 дней, слѣдовательно 4 мѣсяца надобно бы было.

КЛЕОНЪ.

А ежели бы въ эту яму бросить камень, какъ бы скоро онъ туда долетѣлъ?

г. Ц**

Ежели положить, чтобъ онъ такъ скоро летѣлъ, чтобъ по сту верстъ во всякой часъ внизъ опускался: то бы и тутъ ему цѣлыхъ 6 сутокъ летѣть надобно бы било, покуда бы онъ до того края долетѣлъ.

КЛЕОНЪ:

О! сударыня по справедливости далече!

Г. Ц**

Какая это еще даль противъ тѣхъ, о которыхъ вы услышите. Теперь надобно вамъ не позабыть, что эта мѣра называется *Діаметръ* или поперечникъ нашего земнаго шара, потому что столько верстъ только поперегъ и сквозь землю; А ежели оную кругомъ по наружности обмѣрить, то хотя бы она повсюду равна была, и ни горъ ни долинъ не было, и мѣрить бы прямо, то пришлось бы тритцать семь тысячь четыреста пятьдесятъ три версты. Не ужасная ли величина одного нашего земнаго шара? И хотя бы намъ при одной нашей землѝ остаться, то не доказываетъ ли и одинъ этотъ ужасной величины шаръ, что сдѣланъ онъ великимъ Господомъ: ибо разберите только, какому множеству надобно въ такомъ огромномъ шарѣ землѝ и прочихъ вещей, изъ которыхъ онъ состоитъ, быть? Не преужасное ли множество?

КЛЕОНЪ.

Непостижимое думать надобно множество; и мнѣ кажется, что этово никакъ исчислить не можно.

Г. Ц**

Никакъ мой, свѣтъ! исчислить это очень скоро можно; но только надобно намъ сыскать къ тому мѣру. Это исчисляется кубическими верстами.

ФЕОНА.

А какія это сударыня кубическія версты?

Г. Ц**

Я вамъ раскажу, любезныя дѣти! что это такое. Представте себѣ на примѣръ какое нибудь равное поле; на этомъ бы полѣ обнесенъ былъ заборомъ такой огородъ и четвероугольное мѣсто, которое бы и вдоль было на версту и поперегъ на версту; такой четвероугольной огородъ называется *квадратная верста*; а ежели бы тотъ заборъ такъ высокъ сдѣлать, чтобъ онъ вышиною

ною на цѣлую версту былъ, и насыпать бы этотъ огородъ полонъ и по самой верьхъ забора земли: то называется все это количество земли *кубическая перста* земли.

КЛЕОНЪ.

Вотъ сударыня ажно это какъ! и такихъ то кубическихъ верстъ, изволите вы говорить, можно узнать сколько во всемъ земляномъ шару будетъ?

Г. Ц**

Конечно можно мой свѣтъ! и не только, сколько кубичныхъ верстъ во всей внутренности земнаго шара, но сколько и квадратныхъ верстъ на поверхности онаго.

КЛЕОНЪ.

О! хотѣлъ бы я это знать.

Г. Ц**

А вотъ мой свѣтъ, сколько поверхность нашего земнаго шара содержитъ въ себѣ. 446 милiоновъ. 327 тысячь и 401 версту квадратную. А внутренность всего земнаго шара, восемь сотъ восемдесятъ шесть тысячь четыреста во-

семдесятъ миліоновъ 606 тысячь и 286 кубическихъ верстъ (*) не ужасное ли множество землй?

ФЕОНА.

Конечно сударыня ужасное и непостижимое множество.

Г. Ц**

Со всѣмъ тѣмъ, какъ бы земля наша вамъ ни велика казалась: однако, какъ я ужѐ вчера сказывала, она еще гораздо меньше многихъ другихъ и почти всѣхъ небесныхъ шаровъ, которые намъ видимы. Два или три только шара или планеты ее нѣсколько меньше, однако и тѣ ужасной и удивительной величины.

ФЕОНА.

Которыя же планеты меньше землй нашей, и какъ они велики?

Г. Ц**

Меньше землй нашей только *Меркурій*, *Марсъ* и *Венера*. Однако не

(*) Нашего земнаго шара

въ поперечникѣ	- - -	11917 верст.
въ окруженіи	- - -	37453 верст.
въ поверхности	- -	446327401 ква. вер.
во внутренности	- -	86480606286 куб. вер.

не думайте, чтобъ и они гораздо малы были. *Меркурій* почитается самою меньшею изо всѣхъ планетъ, а и того поперегъ слишкомъ пять тысячь верстъ.

КЛЕОНЪ.

Какъ сударыня поперегъ?

Г. Ц**

Также какъ я вамъ про землю сказывала, то есть, ежелибы прокопать въ срединѣ его насквозь, то сія бы поперечная линія слишкомъ 5 тысячь верстъ длиною была.

ФЕОНА.

О! сударыня, какъ ажно и онъ великъ, но когда онъ таковъ толстъ, то ужѐ кругомъ его гораздо больше быть надобно?

Г. Ц**

Конечно больше кругомъ его придется слишкомъ 16 тысячь верстъ; и ежели бы такимъ же образомъ переѣжжая на каждой день по сту верстъ около его объѣжжать, какъ мы о землѣ говорили; то цѣлые бы два мѣсяца и 20

дней

дней ѣхать надобно было. Вотъ какъ велика и самая меньшая планета любезныя дѣти!

ФЕОНА.

Да! преужасная и это громада сударыня; но во сколько же разъ меньше она земли̂ нашей?

Г. Ц**

Почти только въ десять разъ, моя радость! прочїя планеты часъ отъ часу ужѐ больше этой. На примѣръ *Марсъ* только въ пятеро меньше земли̂ нашей, и поперегъ его болѣе семи тысячь, а во кругъ слишкомъ дватцать двѣ тысячи верстъ. А планета Венера не многимъ чѣмъ только поме̃ньше земли̂ нашей. Въ поперечникѣ ее слишкомъ одиннатцать тысячь верстъ, а въ окруженїи болѣе 36 тысячь верстъ, вотъ каковы сїи маленькїя шарики!

КЛЕОНЪ.

Очень сударыня малы. Это правда?

Г. Ц**

Конечно не велики мой свѣтъ, противъ достальныхъ двухъ планетъ *Юпитера*, и *Сатурна*. Сатурнъ нѣсколько по меньше Юпитера. Но и тутъ я опасаюсь, что вы такое великое число верстъ понять не можете, сколько на примѣръ въ его окружности, поверьхности, или во внутренности будетъ. Въ одномъ поперечникѣ или діаметрѣ его слишкомъ сто тысячь верстъ, а въ окруженіи болѣе трехъ сотъ тысячь нашихъ верстъ: слѣдовательно его однажды поперегъ, а землю нашу ужѐ три раза кругомъ обьѣжжать надобно; а ежели кругомъ его обьѣжжать, и такимъ же образомъ по сту верстъ въ сутки ѣхать, то бы и въ восемь лѣтъ его не обѣѣхалъ, а о поверьхности и внутренности его что ужѐ мнѣ упоминать? Довольно онъ чрезвычайно великъ.

ФЕОНА удивляясь.

Восемь лѣтъ! и такъ еще скоро ѣхать, и не объѣхать! . . . Боже мой, надобно конечно быть ему великому.

КЛЕОНЪ.

А Юпитеръ еще того больше сударыня?

Г Ц**

Конечно больше. *Сатурнъ* полагается только въ шесть сотъ четырнатцать разъ больше земли нашей. А *Юпитеръ*, въ 1225 разъ. Одинъ поперечникъ его составляетъ слишкомъ 127 тысячь верстъ: почему въ окруженіи его уже болѣе 400 тысячь верстъ придетъ, и около его въ 10 лѣтъ объѣхать не возможно. Не ужасная ли машина любезныя дѣти?

ФЕОНА.

О! сударыня, конечно ужасная, и сколько въ немъ земли уже быть надобно?

Г. Ц**

Но каковы велики сіи ужасныя громады вамъ ни кажутся: однако они

они очень еще малы, и почти ничто противЪ того огненнаго шара, которой мы *солнцемъ* называемЪ. Сей преогромной шарЪ колико тѣмЪ предЪ всѣми планетами преимуществуетЪ, что онЪ свѣтЪ и теплоту имЪ даетЪ, и пріятными лучами своими все оживотворяетЪ: такЪ превосходитЪ онЪ и величиною и окружностію своею всѣхЪ прочихЪ. КаковЪ *Юпитеръ*, ни великЪ, однако ежели искать какого нибудь сравненія его величины сЪ величиною солнца, то едва ли онЪ и таковЪ великЪ будетЪ, каковЪ великЪ простой орѣхЪ предЪ большою тыквою. Наша же земля едва ли и сЪ рѣпное сѣмечко противЪ этой тыквы будетЪ. Вы сами разсудите любезныя дѣти! одинЪ поперечникЪ сего огромнаго шара, милíонЪ 387 тысячь 139 верстЪ; а чему ужѐ надобно причтить вЪ его окружности, поверьхности и во внутренности?

КЛЕ-

КЛЕОНЪ.

Я думаю сударыня, его и въ двадцать лѣтъ не объѣдешь.

Г. Ц**

О! нѣтъ мой другъ! въ окружении его болѣе 4 милiоновъ верстъ. Такъ ежели бы его объѣжжать, и также по сту верстъ на каждыя сутки ѣхать, то безъ малаго 120 лѣтъ ѣхать бы надлежало.

ФЕОНА.

О! сударыня! какая неслыханная громада! повѣрить бы истинно не возможно, а особливо когда посмотрѣть, каковъ малъ этотъ шаръ глазамъ нашимъ представляется!

Г. Ц**

Со всѣмъ тѣмъ это самая справедливость. Величину его счислить всего легче и вѣрнѣе можно, потому что этотъ шаръ всегда намъ виденъ; а нужно только узнать сколько въ поперечникѣ его; а что до поверьхности

сти касается, то ужѐ самая бездѣлица.

КЛЕОНЪ.

А сколько бы на примѣръ было въ его поверьхности сударыня?

Г. Ц**

Преужасное число!... Поверхность его содержитъ въ себѣ болѣе 800 тысячь милiоновъ квадратныхъ, а во внутренности его болѣе 17 билiоновъ кубическихъ верстъ. Однимъ словомъ солнце слишкомъ въ полтора милiона разъ величиною своею болѣе земли нашей.

ФЕОНА.

О сударыня! я не знаю какъ ужѐ больше удивляться всему этому.

Г. Ц**

Конечно моя радость все сiе крайняго удивленiя достойно. И такъ видѣли вы, сколь ужасны разныя величины однихъ тѣхъ планетъ или шаровъ, которыя въ системѣ нашего солнца или около онаго по воздуху кругомъ носятся.

Одна-

Однако сіи еще не всѣ, а можетъ быть еще и незнатнѣйшія въ мірѣ нашемъ. Потому что о неподвижныхъ звѣздахъ, хотя они и въ самыя лучшія зрительныя трубы только золотыми точками, или огненными шариками, или лучше сказать искорками кажутся, съ нѣкоторою вѣроятностію заключаютъ, что они такія же солнца и также какъ наше свои системы и планеты имѣютъ, которыя кругомъ ихъ обращаются, и когда величиною своею не болѣе нашего солнца, то по крайней мѣрѣ не меньше онаго. Намъ же только для того такъ малы кажутся, что ужасно отъ насъ далеко находятся.

ФЕОНА.

Да можетъ ли ужѐ это и статься сударыня?

Г Ц**

Естьли подлинно около звѣздъ планеты, того по сіе время точно еще не примѣчено; слѣдовательно достовѣрно и знать не мож-

можно: а догадываются только, потому что начтожЪ бы толикому множеству преогромныхЪ огненныхЪ шаровЪ быть, а особливо когда звѣзды нашей землѣ никакой пользы не приносятЪ? Но положить хотя бы планетЪ тамЪ и не было, такЪ не великое ли ужѐ множество самыхЪ сихЪ видимыхЪ звѣздЪ, любезныя дѣти, и не должно ли ужаснуться, когда себѣ представить, что всѣ сіи золотыя точки, которыми наше небо испещрено, толь ужасные и не слыханные огненные шары, какЪ наше солнце?

ФЕОНА.

Конечно очень много, и удивленія достойно. Повѣрите ли сударыня, что я теперь ужѐ другія мысли о небѣ имѣю, и безЪ ужаса на него смотрѣть не могу.

Ц Г**

Этово не довольно, моя радость! а надобно притомЪ и кЪ Богу мысли свои обращать, и его величество прославлять и дивиться.

Вы

Вы видѣли теперь ужасную величину сихъ свѣтилъ небесныхъ. Разберите же сами любезныя дѣти, не доказываютъ ли каждая звѣзда великое всемогущіе Создателя нашего?.. Подумайте! всѣ эти шары изъ чего нибудь видь сдѣланы? но отъ куда же вся эта матерія взялась? Кто могъ иной столько матеріи найтить, сколько для сдѣланія толикаго множества не измѣримой огромности шаровъ надобно было? Или кто могъ толь преудивительныя дѣла сдѣлать, какъ не одна Всемогущая Десница?.. Ахъ! любезныя дѣти. Какого почтенія не должны мы имѣть къ такому великому и всесильному Господу!

ФЕОНА.

Это правда сударыня, я не смѣю объ немъ и подумать: толь великъ начинаетъ онъ мнѣ теперь представляться.

КЛЕОНЪ.

А я сударыня признаюсь, что хотя изъ номаяшнаго вашего расказы-

занія, и зналъ я сколь великъ Богъ: однако тогдашнее съ теперешнимъ сравнить никакъ не возможно.

Г. Ц**

Вы еще болѣе любезныя дѣти всемогущіе и величество его усмотрите, когда болѣе зданіе міра узнáете. По сіе время расказывала я вамъ только о величинѣ сихъ шаровъ: а теперь послушайте какъ они далеко другъ отъ друга, или на примѣръ отъ солнца или отъ земли нашей отстоятъ. Это не меньше того удивленія достойно.

КЛЕОНЪ.

А я сударыня хотѣлъ было только у васъ спрашивать о томъ. Вздумалось мнѣ, что когда они такъ велики и всѣ около солнца бѣгаютъ, какже они поворотиться могутъ, и какъ другъ за друга не цепляютъ? Повѣрите ли, я ужè боялся и думалъ: ну естьли одинъ этакой шаръ на другаго нечаянно набѣжитъ и его съ дороги собьетъ, или совсѣмъ разломитъ

и онъ упасть принужденъ будетъ; и ну естьли ему прямо на нашу землю упасть трафится, что съ нами тогда будетъ? Совсѣмъ онъ насъ задавитъ и праху нашего не останется!

Г. Ц** усмѣхаясь.

О! мой свѣтъ, этого опасаться нѣчего. Не такъ все отъ премудраго Создателя нашего устроено, чтобъ такому беспорядку произойтить можно было; напротивъ того все устроено и распоряжено преудивительнымъ порядкомъ. Всѣ сіи шары бѣгаютъ около солнца въ такомъ равновѣсіи и порядкѣ и въ такой отдаленности, что изъ одного того премудрость Зиждителеву усмотрѣть можно. Каждому показано ужѐ свое мѣсто и доро́га, по которой онъ съ нача́ла свѣта по сіе время бѣгаетъ и на шагъ въ сторону не сбивается. А и разстояніе между ими такъ велико, что никоторой шаръ на другаго не только набѣжать, но и свѣтъ солнечной

ной ему заслонить не можетъ. Одинъ только мѣсяцъ нашъ, и мѣсяцы прочихъ планетъ заслоняютъ иногда нѣсколько солнце, но и то заслоненіе не болѣе часа только продолжается и ничѣмъ почесться можетъ.

КЛЕОНЪ.

Такъ я этова не зналъ, сударыня, и бояться ужѐ не стану.

Г. Ц**

Конечно и нѣдлячего, мой свѣтъ! и вы послушайте какъ они далече. Только надобно намъ, любезныя дѣти, какую нибудь сыскать мѣру, которая бы была побольше. Ибо мѣра верстами чрезвычайно мала и не способна, да и вы столько чиселъ въ голову невмѣстите. Положимъ, чтобъ изъ солнца во всѣ планеты стрѣлять изъ пушки ядромъ, и это бы ядро летѣло туда всегда съ одинакою скоростію, и въ каждый бы часъ перелетало по сту верстъ, и такъ счисливъ во сколько времени это ядро въ каждую пла-

нету прилетитъ, можете вы лучше ихъ разстояніе понять.

ФЕОНА.

Очень хорошо сударыня!

Г. Ц**

И такъ начнемъ мы съ *Меркурія*, любезныя дѣти. Сія планета бѣгаетъ всѣхъ ближе къ солнцу. Однако и тутъ она очень далече отъ него. Ежелибы помянутое ядро изъ пушки съ солнца къ нему выстрѣлить: то ему цѣлыхъ бы 64 гóда и 158 дней, до дорóги, по которой *Меркурій* кругомъ солнца бѣгаетъ, слѣдовательно и до него летѣть бы надлежало. Потому, что отъ солнца до *Меркурія*, болѣе 56 миліоновъ верстъ.

ФЕОНА. удивляясь.

О! сударыня, какъ ажно и первая планета отъ него далеко.

КЛЕОНЪ.

Да вить онъ матушка между землею и солнцемъ, такъ по этому ужѐ отъ него до землѝ очень

бли

близко, когда онъ такъ далече отъ солнца?

Г. Ц**

А такъ близко мой свѣтъ, что ежелибы давишное ядро отсюда съ земли къ *Меркурію* выстрѣлить: то бы оно во сто лѣтъ до него не долетело; а надлежало бы ему цѣлыхъ 104 го́да и 223 дни летѣть (*).

КЛЕОНЪ.

Что это сударыня вы говорите! по этому земля наша отъ солнца и Богъ знаетъ какъ далече?

Г. Ц**

Это ты увидишь послѣ. А теперь надобно намъ посмотрѣть какъ далеко *Венера* отъ солнца и отъ земли. Эта планета бѣгаетъ около солнца также между нами и солнцемъ, только она ближе ужѐ къ намъ *Меркурія*, а да-

 лѣе

(*) Отъ планеты *Меркурія*
До солнца - - - - - - 56444870 верстъ
До земли - - - - 91639865 верстъ.

лѣе онаго отъ солнца. По вѣрнѣйшимъ изчисленіямъ отъ солнца до ней болѣе 1000 миліоновъ верстъ. Слѣдовательно естьлибъ давишному ядру отъ солнца до ней летѣть, то бы оно не прежде какъ въ 126 лѣтъ и 63 дни до ней долетѣло. Вотъ какое ужасное между ею и солнцемъ разстояніе!

ФЕОНА.

Что мнѣ теперь сударыня вздумалось? Не про сію ли *Венеру*, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ говорили, что она сквозь солнце проходила? Какже сударыня развѣ она въ то время ближе была къ солнцу?

Г. Ц**

О! нѣтъ моя радость! это было 1761 и 1769 го́да и проходила хотя самая эта планета, однако она была и въ то время столько же далеко отъ солнца, какъ нынѣ; да и проходила она не сквозь солнце, а только идучи доро́гою своею, противъ самаго солн-

ца

ца, такъ пришлась, что намъ ее видѣть можно было.

КЛЕОНЪ.

Сколь же велика она въ то время казалась?

Г Ц**

Очень не велика, и только маленькимъ чернымъ пятнышкомъ.

ФЕОНА.

А какже далеко она отъ земли̂ нашей сударыня!

Г. Ц**

Около 40 милiоновъ верстъ. А ежели бы тому ядру отсюда къ ней летѣть, то бы оно могло уже̂ и въ 45 лѣтъ и 219 дней долетѣть (*).

ФЕОНА.

Вотъ какъ ажно и отъ насъ она далеко. Я матушка нарочно у васъ объ этомъ спросила. Я вспомнила какъ тогда многiе это-

---

(*) Планета *Венера*
Отъ солнца - 108128899 верстъ.
Отъ земли̂ - - - - 39945784 верстъ.

ва случая боялись, и думали что *Венера*, дотронется до солнца и нашей земли̂ невѣдомо какой вредъ отъ того произойдетъ. Я и сама тому вѣрила, а теперь ужѐ вижу, какъ эти люди обманывались, и естьли чего страшиться, когда она такъ далеко и отъ земли̂ и отъ солнца проходила.

КЛЕОНЪ.

А я матушка невѣдомо какъ тогда трусилъ. Мнѣ сказали, что тогда ужѐ и преставленіе свѣту будетъ. Но теперь меня не обманутъ.

Г. Ц**

Изъ этова ты можешь видѣть, какъ худо незнающимъ быть. Однако станемъ продолжать свою рѣчь далѣе. И такъ о *Меркуріи*, и *Венерѣ*, вы слышали, теперь очередь до нашей земли̂ дошла. Она третей кругъ дѣлаетъ около солнца. Посмотримъ какъ далеко и она отъ солнца бѣгаетъ.

ФЕ-

ФЕОНА.

Извольте матушка сударыня.

Г Ц**

Разстоянїе отъ землѝ до солнца хотя изъ давныхъ временъ почитаемо было весьма велико, однако въ исчисленїяхъ всегда нѣкоторымъ образомъ ошибались; наконецъ при бывшихъ помянутыхъ прохожденїяхъ *Венеры* узнали ужѐ достовѣрно. Чего ради сего случая болѣе ста лѣтъ Астрономы и ученые люди съ великою нетерпѣливостїю дожидались, и по щастїю съ желаемымъ успѣхомъ все, что имъ надобно было примѣтили и узнали. И по симъ-то новымъ и достовѣрнѣйшимъ исчисленїямъ оказалось, что отъ солнца до землѝ 148 милїоновъ 74 тысячи 693 верстѝ, слѣдовательно давишному ядру отъ солнца до насъ или отсюда до него цѣлыхъ 168 лѣтъ и 326 дней летѣть бы надлежало.

ФЕОНА.

О! какая это ужасная даль сударыня.

КЛЕОНЪ.

А я думаю, что ежелибы дорога была къ нему, и намъ самимъ туда ѣхать было можно, то бы мы и во всю свою жизнь до него не доѣхали?

Г. Ц**

Конечно нѣтъ!.. Ежели бы намъ ѣхать, и мы въ каждыя сутки по сту верстъ переѣжжали, то бы не прежде какъ въ 4056 лѣтъ до него доѣхали, а въ такомъ великомъ множествѣ лѣтъ сколько жизней человѣческихъ.

ФЕОНА.

А до мѣсяца сударыня нашего какъ далече, скажите вы намъ о томъ матушка?

Г. Ц**

Очень хорошо моя радость, что ты мнѣ объ немъ напомнила. Я и о величинѣ его позабыла вамъ сказать. Онъ не очень великъ любезные дѣти и меньше еще *Меркурія*.

курія.

курія. Въ поперечникѣ его и получетверти тысячи, а въ окруженіи и 11 тысячь верстъ не будетъ; слѣдовательно ежелибы его обѣжжать, и въ каждыя сутки по 100 верстъ ѣхать, то бы можно ужѐ было его въ 15 недѣль объѣхать. Однимъ словомъ, онъ почти втрое меньше земли нашей, а разстояніемъ онъ отъ насъ только 295 тысячь 593 версты̀, слѣдовательно давишное ядро долетѣлобъ до него въ 17 недѣль съ половиною; а намъ естьлибъ можно было къ нему ѣхать, то бы въ 8 лѣтъ и 1 мѣсяцъ къ нему доѣхали.

ФЕОНА:

Это будто близко и онъ будто малъ матушка. Я все щитала его гораздо ближе и меньше.

Г. Ц**

Но какъ бы вамъ разстоянія сіи велики ни казались, однако они еще очень малы предъ прочими. Позади нашей земли бѣгаетъ около солнца четвертая планета

Марсъ, которой хотя меньше земли нашей однако гораздо далѣе оной отъ солнца. Разстоянїе между имъ и между солнцемъ такъ далеко, что давишное ядро въ 256 лѣтъ и 272 дни насилу бы туда долетѣть могло, ибо отъ насъ еще до него съ лишкомъ 77 милїоновъ верстъ, слѣдовательно и отъ насъ тому ядру съ лишкомъ 88 лѣтъ до него летѣть бы надлежало (*)

КЛЕОНЪ.

Хорошое это перепутье сударыня!

Г. Ц**

Но какая это еще даль противъ разстоянїя оставшихъ двухъ планетъ *Юпитера*, и *Сатурна*. Сїи, а особливо послѣдней гораздо далѣе отъ солнца отдалены. До перваго то есть до *Юпитера*, тому бы ядру 871 годъ и 53 дни; а до *Сатурна*, цѣлыхъ 1612 года и

223

(*) Планета *Марсъ*, разстоянїемъ
Отъ солнца - 224912644 верстъ
Отъ земли 77537960 верстъ.

223 дни летѣть бы надлежало (*) не преужасная ли даль любезныя дѣти!

ФЕОНА.

Конечно преужасная сударыня!

Г Ц**

Совсѣмъ тѣмъ любезныя дѣти! я только среднее разстояніе всѣхъ сихъ планетъ полагала. Но они не въ одномъ разстояніи отъ солнца около онаго бѣгаютъ, но въ нѣкоторыя части года еще далѣе отъ онаго отбѣгаютъ. Но хотя бы положить, чтобъ весь ихъ бѣгъ всегда въ одномъ разстояніи отъ солнца былъ: то и тогда не преужасное ли пространство къ тому надобно, чтобъ имъ такіе большіе круги около солнца давать и притомъ другъ другу никакого помѣшательства не дѣлать?

(*) Планета *Юпитеръ*, разстояніемъ
От солнца - - - 762884680 верстъ
Отъ земли - - - 614809947 . . . .
Планета *Сатурнъ*.
Отъ солнца - - - 1412647138 верстъ
Отъ земли - - - 1264572455 . . . .

лать? Вы удивились бы когда услышали, сколько верстъ надобнобъ было каждой планетѣ обѣжать, покуда она однажды около солнца обѣжитъ. Но я не хочу вамъ о каждой планетѣ сказывать. Довольно, когда мы *Сатурна*, какъ самую отдаленнѣйшую планету въ примѣръ себѣ возмемъ, и велимъ давешному ядру по его дорогѣ около солнца кругомъ обѣжать, чтобы вы думали во сколько лѣтъ оно обѣжало?

ФЕОНА.

Я думаю, что оно и въ тысячи двѣ лѣтъ не обѣжалобъ.

Г. Ц**

Конечнобъ не обѣжало, а надобно бы ему цѣлыхъ 6548 лѣтъ и 246 дней бѣжать.

ФЕОНА.

О! сударыня, какому это великому кругу быть надобно!

Г. Ц**

Но какъ ни ужасно это пространство, однако столько мѣста

одни

одни планеты нашей солнечной системы занимаютъ; а что ужѐ о разстоянiи сказать, которое между нами и звѣздами находится. Я вамъ сказывала ужѐ любезныя дѣти, что они не всѣ въ равномъ отсюда разстоянiи, но другъ друга выше стоятъ; также и то вы слышали, что они по крайней мѣрѣ столькожъ велики, какъ наше солнце, но когда и самаго перваго и ближайшаго къ намъ ряда звѣздъ, они такъ малы кажутся, что почти никакая зрительная труба ихъ увеличить не можетъ: то какой ужасной отдаленности надобно и между сими ближайшими звѣздами и землею быть, разсудите сами? Самая ближняя къ намъ неподвижная звѣзда, называемая *Сирiи*, кажется отсюда намъ съ лишкомъ 27 тысячь разъ меньше солнца, хотя она въ самомъ дѣлѣ еще гораздо болѣе и по исчисленiю нѣкоторыхъ Астрономовъ 73 тысячи разъ больше солнца. Но хотябы она

въ

въ самомъ дѣлѣ и равна была оному, то и тогда ужѐ сей звѣздѣ 27 тысячь разъ далѣе солнца быть надобно, и помянутому ядру, не прежде какъ въ 4 миліона 676 тысячь 185 лѣтъ до оной долетѣть было возможно.

ФЕОНА.

О! сударыня, это ужѐ и Богъ знаетъ какъ далече.

Г. Ц**

Совсѣмъ тѣмъ, моя радость! это почти ничто противъ того, когда о неизмѣримой длинѣ и ширинѣ, высотѣ и глубинѣ всего небеснаго зданія разсудить. Въ такомъ разстояніи, какъ звѣзда *Сиріи*, по исчисленію всего только 13 звѣздъ, а другому надобно по крайней мѣрѣ столь же далеко быть отъ перваго, какъ этотъ отсюда, а третьему отъ того столько же. А сколько всѣхъ этихъ рядовъ того и разсмотрѣть не можно. Толь великое множество сихъ свѣтилъ небесныхъ! Однимъ словомъ все пространство небес-

небеснаго зданія не измѣримо, и извѣстенъ одинъ только Богъ о томъ, сколь великъ весь нашъ міръ, а уму человѣческому величина его не постижима.

ФЕОНА.

Конечно такъ сударыня, и человѣку только что удивляться всему этому остается.

Г. Ц**

Удивляться и надобно, моя радость! вы сами разсудите, можно ли только взглянуть на небо и о всѣхъ вещахъ разсудить, которыя тамъ есть, чтобъ въ самое то время не признаться, что *небеса* по справедливости *пропо вѣдуютъ славу Божію.* Можетъ ли кто на неизмѣримое сіе зданіе [*указывает на небо:*] глаза свои обратить, и изъ него не узнать, что это дѣла рукъ Божескихъ? Мы удивляемся преогромной величинѣ нашего земнаго шара, да въ томъ и не погрѣшаемъ. Но ежели разсудить, коль много превосходятъ ее прочіе шары, или мыслями своими

ими взойтить на небо и оттуда на ее посмотрѣть, то въ какомъ видѣ представилась бы она тогда? Не точкою ли бы и не пылинкою ли одною и вся она въ сравненіи противъ прочихъ или всего міра намъ показалась? А такова мала она и въ самомъ дѣлѣ.

ФЕОНА.

Конечно такъ сударыня: и я думаю, что не только съ неба, но ежелибы взойтить и на *Сатурнъ*, то бы и оттуда ее совсѣмъ не видать было, или бы показалась она самою маленькою звѣздочкою.

Г. Ц**

Самая правда, моя радость! и такъ разберитежъ сами сколь мала и не важна она и вся во всемъ мірѣ? А сіе учитъ насъ любезныя дѣти! чтобъ мы и въ самомъ дѣлѣ ее презирали, и живучи на ней не такъ много объ ней думали, какъ обыкновенно дѣлается. Но мысли и желанія свои лучше къ небу и Создателю всего міра обращали,

щали, а тѢмЪ бы отнюдь не слѢдовали, которые все свое блаженство на этакой маленькой пылинкѢ ищутЪ, и всю свою жизнь вЪ потѢ и трудѢ, гоняясь за баздѢлицами, препровождаютЪ.

КЛЕОНЪ.

Я еще давича, сударыня, это думалЪ и дивился, какЪ много обманывали мы себя до сего времени, думая, что земля-то одна и есть на свѢтѢ.

Г. Ц**

Ты еще больше станешь удивляться своему незнанію, когда мы далѢе обо всемЪ этомЪ говорить станемЪ. МнѢ еще многое вамЪ расказывать надобно, но сегодни ужѐ поздно: видите, почти ужѐ смеркается. Пойдемте, походимЪ нѢсколько еще по саду, покуда ужинать поспѢетЪ.

ФЕОНА.

БлагодарствуемЪ, сударыня, что вы такЪ много намЪ расказывать сегодни изволили. Самая прав-

правда, что мы свѣта до сего не знали.

Г. Ц**

Только не надобно позабывать, любезныя дѣти! а что до меня касается, то я обо всемъ вамъ сказывать готова.

РАЗГОВОРЪ XVI.

*МЕЖДУ ГОСПОЖЕЮ Ц** и ЕЯ ДѢТЬМИ.*

КЛЕОНЪ. съ сестрою въ садъ.

Мнѣ, сестрица, изъ головы нейдетъ все то, что матушка намъ о зданіи небесномъ расказывала. Этѣ ужасные и огромные шары и неизмѣримая ихъ отдаленность все понятіе превосходитъ, и почти вѣрить всему не возможно.

ФЕОНА.

Конечно такъ, братецъ, но это болѣе для того намъ такъ не вѣроятно кажется, что мы никогда это-

этова не слыхивали, а ежели разсудить, то сомнѣваться въ томъ не нахожу я никакой причины, да еще тому и очень рада, что это такъ а не инакъ; ибо чрезъ то получила я о Богѣ гораздо лучшее понятiе. Ты не повѣришь, что я вчера, какъ мы съ тобою были на дворѣ и на звѣзды смотрѣли, со страхомъ и трепетомъ на небо взирала, и Величеству Божескому дивилась. Но вотъ идетъ ужè къ намъ матушка, мы и не видали, какъ она приближилась.

Г Ц**

Гдѣжъ намъ дѣти сегодни разговаривать, воздухъ видите не гораздо тепелъ, и такъ пойдемъ мы лучше въ свою бесѣдку [*ходять и садятся:*] скажитежъ вы мнѣ, помните ли вы все, что я на сихъ дняхъ вамъ сказывала, и о чемъ вы теперь говорили.

ФЕОНА.

Конечно помнимъ матушка. А я еще сегодни поутру всѣ нужнѣйшiя вещи и записала для памя-

мяти: только какъ-то спуталась я въ тѣхъ числахъ, какъ планеты велики и сколь они отъ насъ далеко, и хотѣла вамъ бумашку свою показать, и просить, чтобъ вы пересмотрѣли.

Г. Ц**

Очень хорошо, моя радость, однако я напишу тебѣ лучше сама таблицу о величинѣ и отдаленности всѣхъ планетъ, а притомъ нарисую на бумашкѣ всѣ бѣги планетъ, чтобъ вы видѣли какъ, они около солнца бѣгаютъ.

ФЕОНА.

Благодарствую сударыня, а я очень тому рада буду.

КЛЕОНЪ.

А я матушка вамъ скажу, что вчера, какъ вы изволили уже почивать лечь, мы съ сестрицею нарочно на дворъ выходили смотрѣть на звѣзды. Куда какъ ихъ сударыня много!

Г. *Ц*

Конечно много, и такъ много, что безъ ужаса о томъ подумать не

не возможно. Видѣлиль вы любезныя дѣти, что ими все небо испещренно, и въ иномъ мѣстѣ такъ они часты и мѣлки, что и разсмотрѣть не можно, сколько ихъ въ тѣхъ кучкахъ находится. Однако надобно знать, что хотя ихъ и много кажется, но простыми глазами и видимыхъ всѣхъ не усмотришь. Ежели бы случай былъ посмотрѣть вамъ въ зрительную трубу: то бы удивились вы, увидѣвъ еще гораздо больше ихъ; вы примѣтили бы что и самыя тѣ мѣста̀ ими наполнены, которыя простымъ глазамъ кажутся пусты и гдѣ никакихъ звѣздъ не видно. А сверьхъ того и въ зрительную трубу не всѣ они отсюда видны. Отсюда можно намъ только одну половину неба видѣть, а вы помните, надѣюсь, что такаяжъ другая половина въ низу подъ нами есть, которая не меньше испещрена звѣздами какъ и эта.

ФЕОНА.

О! сударыня, по этому ихъ еще гораздо больше, нежели мы думали. Мы смотря на нихъ съ братцомъ вчера о числѣ ихъ спорили. Онъ говорилъ что ихъ сотъ шесть, а я сударыня утверждала, что болѣе тысячи.

Ц Г**

А я скажу, что вы оба погрѣшали. А ихъ такъ много, что точное число ихъ опредѣлить ни одинъ человѣкъ не въ состоянiи. Я вамъ сказывала, что они рядами другъ друга далѣе, и вы слышали ужѐ, что въ первомъ ряду только 13 звѣздъ, но въ другомъ ужѐ гораздо больше, а въ третьемъ и того больше, и такъ далѣе; а сколько такихъ рядовъ, того ни кто не знаетъ. Но хотя положить ихъ двадцать рядовъ; то число звѣздъ ужѐ до сорока тысячь простираться будетъ. Совсѣмъ тѣмъ въ одномъ такъ называемомъ млечномъ пути, какъ думаютъ, болѣе 40 тысячь звѣздъ.

КЛЕ-

КЛЕОНЪ.

Какой это сударыня млечной путь?

Г. Ц**

Не примѣтили ли вы вчера на небѣ одну длинную бѣлую полосу. Сія то полоса называется млечнымъ путемъ.

ФЕОНА.

А! сударыня мы ее видѣли, и братецъ думалъ что это бѣлое облако: однако я ему еще говорила, что это на облако не походитъ. Такъ не ужѐ ли сударыня это все звѣзды?

Г. Ц**

Конечно звѣзды, хотя того простыми глазами разсмотрѣть не можно, а и въ лучшія зрительныя трубы они такъ малы и близко другъ подлѣ друга кажутся, что насилу и ближайшія разсмотрѣть можно, а заднихъ и въ трубы не видать, почему думаютъ, что ихъ тутъ безчисленное множество. И такъ разсудите, не доказываетъ ли одно число сихъ

преогромныхъ огненныхъ шаровъ: что надобно тому чрезвычайно великому всемогущему и непостижимому существу быть, кто всѣхъ ихъ сдѣлалъ и по мѣстамъ разстановилъ.

ѲЕОНА.

Конечно такъ сударыня! да еще хотѣла я у васъ спросить. Какъ мы выходили вчера на дворъ и смотрѣли на звѣзды, то былъ тутъ и нашъ Иванъ, матушка. Онъ указывалъ намъ семь звѣздъ въ кучкѣ, и говорилъ, что это *Лось*. Такъ чтобы это такое было и почему называютъ ихъ Лосемъ.

Г. Ц**

Не только сіи семь звѣздъ но и всѣ прочія имѣютъ свои названія, и это для того любезныя дѣти сдѣлано, чтобъ тѣмъ способнѣе было ихъ сыскивать и примѣчать. Однако надобно вамъ знать, что не всякой звѣздѣ особливое имя дано, но раздѣлены они всѣ по кучкамъ, по нѣскольку звѣздъ вмѣстѣ, и этѣ кучки названы

ужѐ кой какими именами, и называются вообще созвѣздія; а порознь каждая, на примѣръ созвѣздіе лебедь, медведица, колосъ, оріонъ, андромеда, колесница, жезлъ Яковлевъ, и прочее тому подобное, и потому естьли надобно когда о какой нибудь звѣздѣ говорить: то говорится на примѣръ, эта звѣзда въ созвѣздіи лебедя, а именно въ шеѣ онаго. Хотя на небѣ никакихъ этакихъ фигуръ нѣтъ и представляютъ себѣ только такъ Астрономы и звѣздочеты... Но что нашъ Клеонъ такъ задумался?

КЛЕОНЪ.

Я думаю все о звѣздахъ сударыня, и признаюсь, что мнѣ все еще не вѣроятно, чтобъ они такъ велики были, какъ наше солнце.

Г. Ц**

Какъ бы тебѣ сіе невѣроятно ни было, однако всѣ ученыя люди въ томъ согласуются, что всякая неподвижная звѣзда не только такова же велика какъ наше

 солн-

солнце, но и дѣйствительно такое же солнце какъ наше.

КЛЕОНЪ.

Да почему же бы сударыня они это утверждали?

Г Ц**

А вотъ почему мой свѣтъ. Во первыхъ потому, что они чрезвычайно велики, ибо нѣкоторыя изъ ближнихъ звѣздъ, которыхъ величину нѣкоторымъ образомъ чрезъ, инструменты вымѣрять можно еще гораздо больше солнца нашего оказались; а что они очень малы намъ кажутся, это отъ того, что они чрезвычайно отъ насъ далеко отстоятъ. Во вторыхъ, что они свѣтъ и сіяніе собственно отъ себя имѣютъ, а не отъ солнца, какъ на примѣръ нашъ мѣсяцъ и планеты заимствуютъ.

КЛЕОНЪ.

Вспомнили вы теперь сударыня о планетахъ. О эти планеты! вчера какъ мы ночью съ сестрицею

цею выходили, то едва было не сломилъ я головы отъ нихъ.

Г. Ц**

Какъ это мой свѣтъ?

ФЕОНА.

Чего матушка! все ему хотѣлось ихъ найтить и увидѣть какъ они по небу катаются, и для того не удовольствуяся тѣмъ, что съ крыльца все небо пересмотрѣлъ, но сошелъ долой и развѣ съ часъ все подвору съ мѣста на мѣсто переходя смотрѣлъ, но въ одномъ мѣстѣ пятился пятился назадъ да и набрелъ задомъ на бревно, и такъ хорошо чрезъ него перекувырнулся, что я со смѣху надсѣлась.

КЛЕОНЪ.

Было такъ сударыня; но слава Богу что не ушибся; однако и сама ты сестрица чуть было не упала.

Г. Ц**

Изрядныежъ вы Астрономы мои свѣты! но впередъ надобно быть осторожнѣе, можно и на

одномъ мѣстѣ стоя все видѣть. Но чтожъ мой свѣтъ нашолъ ли ты хотя одну?

КЛЕОНЪ.

Ахъ нѣтъ матушка! сколько я ни старался искать такихъ звѣздъ, которыя бы двигались но никакъ не могъ усмотрѣть. Ужѐ я и Ивана заставилъ вмѣстѣ съ собою искать, также робятъ и дѣвокъ, но всѣ мы не могли примѣтить ни одоний такой звѣздки ни изъ большихъ ни изъ маленькихъ, а всѣ казались какъ прикованы къ небу, и только что блистали. И какже это матушка мы ихъ не видали, развѣ ихъ тогда ни одной не было или они бѣгутъ да нескоро, что ихъ бѣгу примѣтить не можно?

Г Ц**

Конечно не скоро мой свѣтъ. Отъ того ты и не могъ ихъ никакъ примѣтить. Правда, они хотя тамъ и скоро бѣгутъ, и въ одинъ часъ по нѣскольку тысячь верстъ убѣгаютъ, но намъ по

от-

отдаленности ихъ кажется, что движутся они очень тихо.

КЛЕОНЪ.

Какъ это по нѣскольку тысячь верстъ, развѣ это узнать можно? Но ктожъ тамъ бѣгъ ихъ мѣрилъ?

Г. Ц**

Конечно можно, да и не великаго труда стоитъ; ибо когда разстояніе ихъ отъ солнца и вся длина ихъ пути около онаго знакома: а и то довольно примѣчено, во сколько времени они однажды кругомъ солнца обѣгаютъ, то не трудно ужѐ узнать, сколько верстъ они въ каждыя сутки и каждой часъ убѣгаютъ.

КЛЕОНЪ.

О! когда это сударыня извѣстно: то не можно ли намъ матушка сказать, во сколькожъ дней обѣгаетъ каждая изъ нихъ кругомъ солнца?

Г. Ц**

Для чего моя радость; я и то вамъ съ охотою раскажу. Вѣдайте любезныя дѣти, что премудрый устроитель, какъ въ расположеніи

ихъ другъ отъ друга и въ показаніи каждой особаго пути, такъ и въ опредѣленіи времени ихъ около солнца обѣганія поступилъ съ особливою премудростію; и тѣмъ, которыя ближе къ солнцу повелѣлъ короче времени на семъ окружномъ пути своемъ препровождать, нежели тѣмъ, которыя далѣе: изъ сихъ чѣмъ которыя далѣе, тѣмъ и долѣе препровождаютъ время въ своемъ обѣганіи, а именно, самой ближней планетѣ, то есть *Меркурію*, велѣно путь сей только въ 88 дней, то есть, безъ мала въ три мѣсяца окончивать, и потомъ опять вновь начинать, а *Венера*, отстоящая ужѐ отъ солнца далѣе обѣгаетъ около оного ужѐ въ 224 дни то есть съ небольшимъ въ 7 мѣсяцовъ, за нею слѣдуетъ земля наша. Сія бѣгая ужѐ далѣе препровождаетъ на семъ пути 365¼ дней, то есть, ровно годъ. А *Марсъ* какъ ужѐ далѣе насъ бѣгаетъ, то и время ему болѣе назначено. Сія планета не меньше

ужѐ

уже какъ 687 дней, или безъ мала въ наши 2 года путь свой оканчиваетъ. Чтожъ касается до обоихъ дальнихъ планетъ, то какъ они несравненно далѣе отъ солнца бѣгаютъ и круги превеликія даютъ, то и время несравненно болѣе на обѣганія около солнца употребляютъ: *Юпитеръ* не прежде, какъ въ 4333 дни, что учинитъ безмала въ 12 лѣтъ однажды около солнца обѣжавъ опять на свое мѣсто приходитъ; а *Сатурнъ*, ровно 10759 дней или цѣлыхъ 29 лѣтъ съ половиною на семъ пути препровождаетъ, слѣдовательно естьлибъ мы съ вами на сей планетѣ жили, то у насъ бы одинъ годъ только прошолъ, а здѣсь бы въ сіе время цѣлыхъ 29 лѣтъ миновало.

КЛЕОНЪ.

Вотъ сударыня, какое ажно сдѣлано учрежденіе: и какіе же тамъ большіе годы? Нѣтъ, не хотѣлъ бы я тамъ жить: тамъ пропадешь съ скуки: 29 лѣтъ половина вѣка человѣческаго.

ѲЕОНА.

То подлинно что такъ братецъ, но смотрижъ напротивъ того, какъ малы годы въ *Меркуріи*: въ одномъ нашемъ годѣ тамошнихъ четыре. Тутъ то бы пожилъ, не увидѣлъ бы, какъ годы летѣли, и то и дѣло бы весна да лѣто съ осенью и зимою перемѣнялись: и то и дѣло плоды и овощи новые.

Г. Ц**

Добро моя радость. Не лучше ли намъ остаться тамъ, гдѣ живемъ, а то чтобъ въ *Сатурнѣ* еще не замерзнуть отъ стужи, а въ *Меркуріи* не испечься отъ зноя солнечнаго.

ѲЕОНА.

То такъ сударыня, лучше остаться на прежнемъ своемъ мѣстѣ; а между тѣмъ дозвольте мнѣ сударыня спросить, въ одну ли сторону всѣ планеты бѣгутъ, или не въ одну, а одна другой на встрѣчу или какимъ инымъ образомъ?

Г. Ц..

О! нѣтъ моя радость! Когда все прочее порядочно устроено, такъ и въ семъ случаѣ не можно быть безъ порядку. Всѣмъ имъ назначено бѣжать въ одну сторону, а имянно, отъ запада къ востоку; и они бѣгутъ одна за одною и никакъ не путаются, и съ пути своего ни на волосъ еще не сбивались и не сбиваются, хотя нѣсколько тысячь лѣтъ ужѐ бѣгаютъ. Однимъ словомъ все движенiе ихъ такъ измѣрено, и такъ происходитъ порядочно, что нималѣйшаго не происходитъ безпорядка, и не можно тому довольно надивиться.

ФЕОНА.

Вотъ сударыня стану же я это знать.

КЛЕОНЪ.

А мнѣ сударыня вспомнилось теперь еще одно, о чемъ я васъ спросить сбирался. Вчера, какъ мы на небо смотрѣли, и я съ Иваномъ нашимъ искалъ и не могъ никакъ найтить движущейся звѣзд-

ки: то сказывалЪ мнѣ ИванЪ, что онЪ часто сматривалЪ на звѣзды, но никогда такихЪ не видалЪ, а примѣтилЪ, что будто всѣ звѣзды вдругЪ или, такЪ сказать, все небо имѣетЪ движенiе и сЪ восточной стороны все кЪ западной подвигается. ОнЪ указывалЪ мнѣ еще ту бѣлую полосу о которой мы упоминали, и говорилЪ, что она конечно на небѣ, ибо вмѣстѣ сЪ нимЪ все сЪ мѣста на мѣсто подается. Теперь, говорилЪ онЪ, вотЪ видите вы, сударь, гдѣ она, но извольте ка часа чрезЪ три опять выттить на дворЪ, и тогда увидите вы, что она далеко ужѐ на иномЪ мѣстѣ, но звѣзды всѣ тѣже подлѣ ей, которыя прежде были. Я дивился сударыня, этому, и хотѣлЪ выттить, но заспавшись позабылЪ, и такЪ хотѣлось бы мнѣ вѣдать, правда ли это или нѣтЪ?

Г. Ц**

Конечно правда, мой другЪ! и онЪ тебѣ ни мало не солгалЪ,

хотя

хотя то совсѣмъ не такъ происходитъ, какъ онъ думаетъ. Но хорошо, что ты сїе обстоятельство мнѣ напомнилъ. Оно тебя увѣритъ наконецъ совершено въ томъ, чему ты долго не хотѣлъ вѣрить.

КЛЕОНЪ.

А въ чемъ такомъ сударыня?

Г Ц**

Вотъ, что земля наша вмѣстѣ съ нами безпрестанно вертится. Ибо надобно вамъ знать, что въ семъ случаѣ насъ глаза наши равно такъ, какъ и въ разсужденїи солнца, обманываютъ: и небо съ звѣздами никакъ не движется, а хотя бы и двигалось, такъ намъ того глазами примѣтить никакъ былобъ не возможно, а что намъ кажется, что оно движется, такъ это происходитъ отъ того, что мы съ землею не стоимъ на одномъ мѣстѣ, но безпрестанно движемся и съ западной стороны на востокъ оборачиваемся. Однимъ словомъ

въ семъ случаѣ обманываютъ насъ глаза̀ точно такъ, какъ во время ѣзды по какой нибудь рѣкѣ на большомъ суднѣ, и естьли смотрѣть тогда на находящіяся вдали на берегахъ лѣса̀ и деревья: всѣ они кажутся движущимися и бѣгущими прочь отъ насъ, хотя ни одно изъ нихъ съ мѣста не трогается, а движемся и удаляемся мы отъ нихъ.

ФЕОНА.

О! матушка, этотъ случай я довольно знаю, и не однажды примѣтила. И такъ-то сударыня это происходитъ?

Г. Ц**

Такъ-то моя радость! а что сіе дѣйствительная правда, то можете вы теперь сами ужѐ усмотрѣть; ибо вы теперь ужѐ знаете, какъ устроено небо, какое это ужасное пространство, сколько тамъ въ преужасной отдаленности другъ отъ друга разстановлено солнцевъ и планетъ, сколь оны велики, и что дѣлаютъ, и

на-

наконецъ, что за звѣрь наша земля, и какую непримѣтную почти песчинку составляетъ, и вся она въ сравненіи со всею величиною огромнаго зданія всего міра. И когда все ужѐ вамъ извѣстно, то теперь судите сами, что есть ли хотя малой видъ вѣроятности, чтобъ земля стояла все, а небо и всѣ сіи миліоны ужасныхъ и преогромныхъ шаровъ, около сей толь малой пылинки оборотилось? . . . Сходное ли бы это съ разумомъ было, и не выдетъ ли изъ того наивеличайшаго безпорядка, и подобнаго тому, что въ случаѣ, когдабъ хотѣли мы изжарить себѣ на вертелѣ курицу, не вертелъ кругомъ оборачивать стали, но весь бы домъ и со всею кухнею и съ огнемъ кругомъ ей вертѣть вздумали. Не сущая ли бы это была глупость?

ФЕОНА.

Конечно, сударыня! легче курицу вертѣть.

Г. Ц**

Такъ судитежъ теперь сами, можноль премудрому Создателю при всѣхъ прочихъ своихъ порядочныхъ дѣлахъ сдѣлать въ одномъ семъ случаѣ такой великой безпорядокъ?

КЛЕОНЪ.

О! конечно нѣтъ и теперь то сударыня, я прямо въ томъ удостовѣрился. И какъ доволенъ, что вы мнѣ сіе изъяснить изволили.

Г. Ц**

Сіе обстоятельство, не только тебя, но и всякаго моглобъ въ томъ увѣрить, кто хотя малое понятіе о небѣ и о землѣ имѣетъ.

КЛЕОНЪ.

Теперь дозвольте мнѣ матушка еще у васъ спросить, на чтожъ бы такое звѣзды созданы были, а особливо такое великое множество оныхъ?

Г. Ц**

Настоящая причина тому неизвѣстна; а знаетъ ее одинъ тотъ, кто ихъ создалъ и ими управляетъ,

етъ, а хотя ученые люди говорятъ много кой чего о томъ, однако всѣ ихъ мнѣнія одни только догадки и основываются на заключеніяхъ.

ФЕОНА.

Пожалуйте матушка раскажите мнѣ, какого собственно они объ нихъ мнѣнія?

Г. Ц**

Прежде сего думали всѣ, что и они равно какъ солнце и мѣсяцъ для украшенія неба и освѣщенія земли созданы, но сіе мнѣніе только до тѣхъ поръ продолжалось, покуда лучшаго знанія о зданіи небесномъ не получили. Но по изобрѣтеніи зрительныхъ трубъ, и по приведеніи Астрономіи въ лучшее состояніе, какъ скоро примѣчено, что они гораздо далѣе солнца, также что имѣютъ собственное свое сіяніе, величиною своею чрезвычайно велики, и стоятъ равно какъ и наше солнце на одномъ мѣстѣ: то другаго не оставалось имъ заключать, что и они такого же

же свойства и существа, какъ наше солнце. А сіе мнѣніе подало слѣдъ ко многимъ другимъ заключеніямъ, а именно: что когда они во всемъ подобны нашему солнцу, и такія же солнцы какъ наше, то надобно и имъ не по пустому созданнымъ быть. Но какъ извѣстно, что они не только землѣ нашей, но и всей системѣ никакой пользы не приносятъ, да и не имѣютъ никакого взаимнаго съ нею дѣйствія, то догадываются, что и звѣзды имѣютъ такія же системы, и что также и у нихъ есть по нѣскольку собственныхъ планетъ, или такихъ же темныхъ шаровъ, какъ наши, которые кругомъ ихъ бѣгаютъ, и свѣтъ и темноту отъ нихъ получаютъ, и наконецъ полагаютъ, что и солнце наше ничто иное, какъ такая же неподвижная звѣзда какъ и они, и что естьлибъ можно было стать между солнцемъ и ими, то бы ихъ съ солнцемъ различить было не можно.

ФЕ-

ФЕОНА.

О! матушка, этому почти вѣрить не можно, какому множеству темныхъ шаровъ надобно ужѐ тогда быть, естьлибъ хотя по одной планетѣ, у всякой звѣзды положить, и на чтожъ бы толь великому множеству сихъ шаровъ тамъ по воздуху кататься. Мнѣ право, сударыня, это невѣроятно.

Г. Ц**

Можетъ быть тамъ такихъ планетъ, какъ наши, въ самомъ дѣлѣ и нѣтъ: почему и я вамъ сказывала, что только такъ догадываются, однако совсѣмъ тѣмъ и положить сїе дальней противности нѣтъ. Дѣлà Творца нашего неисповѣдимы: только то извѣстно, что ему напрасно и по пустому толь великое множество ужасной огромности огненныхъ шаровъ создать и безъ всякой пользы оставить не возможно. Они созданы для чегонибудь важнаго, и конечно не для одного того, чтобъ они блескомъ своимъ ис-

испещряли небо, или бы намъ въ ночное время толь мало свѣтили.

ФЕОНА.

Да не будетъ ли матушка противно его совершенствамъ, ежели положить, что около звѣздъ такія же планеты есть какъ около нашего солнца.

Г. Ц**

Никакъ моя радость, а напротивъ того будетъ служить сіе къ вящшему прославленію его величества и славы, и докажетъ намъ, что мы имѣемъ Бога, которой и дѣлами своими таковъ же непостижимъ какъ и существомъ своимъ, а съ другой стороны удостовѣритъ насъ, что мы предъ нимъ гораздо малы и ничтожны.

ФЕОНА.

Конечно такъ сударыня, ежели все сіе положить, что вы намъ о звѣздахъ сказывать изволили, и въ самое то время о землѣ нашей подумать, то и вся она почти ничто противъ всего міра, я думаю ее и не видать будетъ между толь

ве-

великимЪ множествомЪ сихЪ свѣтилЪ и планетЪ небесныхЪ.

Г. Ц**

Ты самую правду мой свѣтЪ говоришь, земля наша вЪ самомЪ дѣлѣ чрезвычайно мала, противЪ всего міра; но когда сіе справедливо, то что ужѐ будетЪ человѣкЪ противЪ всей вселенной, когда онЪ чрезвычайно малЪ и противЪ землѝ нашей, и не должно ли ему сЪ трепетомЪ всегда о великомЪ Зиждителѣ міра помышлять, а не только хочетЪ всѣ его дѣла̀ изслѣдовать.

КЛЕОНЪ.

О! конечно такЪ сударыня, и мнѣ кажется, что и вся наша земля противЪ всей величины міра не болѣе того, какЪ одна пещинка или небольшой камышекЪ противЪ цѣлой большой горы̀, а человѣка я ужѐ не знаю какЪ сравнить. Мнѣ кажется, что и противЪ пылинки его положить еще много.

Г. Ц**

Едва ли не такъ моя радость! а изъ сего можешь ты уже усмотрѣть сколь великая то будетъ глупость, когда такая ничтожная пылинка, каковъ человѣкъ, которой не только всѣ непостижимыя дѣла безконечнаго Создателя своего но и тысячной доли оныхъ понять и постигнуть не можетъ, совсѣмъ тѣмъ захотѣлъ бы судить и рядить дѣла Господни, и говорить, для чего то или другое не такъ сдѣлано.

КЛЕОНЪ.

О! сударыня, это было бы не простительная дерзость, и такому человѣку конечно развѣ съ ума сойтить надобно.

Г. Ц**

Совсѣмъ тѣмъ любезныя дѣти! такихъ людей на свѣтѣ много. Они не смысля ни аза въ глаза, и не зная и сотой доли изъ всего того, что и вамъ по сіе время извѣстно: однако пересуживаютъ и критикуютъ дѣла Создателя

сво-

своего; равно такЪ какЪ бы они его умнѣе были, и болѣе его вѣдали, что дурно, что хорошо, и что лучше или хуже. Некрайняя ли это глупость? и не должно ли отЪ того остерегаться?

КЛЕОНЪ.

Не только глупость, но я почитаю сіе за самое величайшее дурачество, и во всякое время того остерегаться стану.

Г. Ц**

ТакЪ и надобно мой свѣтЪ, и ты это всегда помни и не подражай вЪ семЪ случаѣ никому, хотябы кто по видимому самой разумной человѣкЪ былЪ.

КЛЕОНЪ.

Не ужли сударыня и разумные люди вЪ такоежЪ дурачество впадаютЪ.

Г. Ц**

На свѣтѣ всякихЪ много, и говорится вЪ пословицѣ, вЪ семьѣ не безЪ урода: такЪ и между разумными есть иные, которые вЪ семЪ

слу-

случаѣ еще хуже самыхъ простаковъ себя дѣлаютъ.

ѲЕОНА.

Но отъ чегожъ бы это матушка было?

Г. Ц**

По большой части отъ неосторожности и нестаранія узнать все то, что до зданія и устроенія міра касается. Сіи люди услышавъ, что ихъ иные разумными называютъ, думаютъ, что они ужè все знаютъ, а мало помалу къ тому привыкнувъ такъ разумомъ своимъ ослѣпляются, что готовы на все давать свои рѣшенія и утверждать, что все то въ самомъ дѣлѣ лучше и совершеннѣе, что лучшимъ кажется ихъ хотя далеко еще несовершенному разуму. А привыкнувъ къ тому въ разсужденіи другихъ вещей не ставятъ наконецъ ни во что, говорить и разсуждать такимъ же образомъ и о дѣлахъ Божескихъ, позабывая, что они и тысячной доли оныхъ не разумѣютъ, да и узнать никогда ни ста-

старалися. Но сіе было бы еще не такъ виновно, естьлибъ они при томъ одномъ и оставались. Но нѣтъ: они тѣмъ еще недовольны; но погрѣшая сами, хотятъ, чтобъ и другіе въ такожъ дурачество впадали, и для того стараются всѣми образами и другихъ убѣдить, чтобъ они томужъ послѣдовали, а къ нещастію иногда имѣютъ въ томъ и успѣхъ вожделѣнной?

ФЕОНА.

Какъ это такъ сударыня?

Г. Ц**

А вотъ такимъ образомъ, когда попадется имъ какойнибудь олухъ ничего незнающій, и такой слушатель, которой, разиня ротъ, готовъ все слушать, и всему тому вѣрить, что онъ говоритъ; не разбирая, или не будучи въ состояніи самъ разобрать, сходно ли то съ правдою или несходно, что они утверждаютъ. Коротко вы представте себѣ собственной свой примѣръ. Вы теперь слушаете, и вѣ-

рите всему тому, что я вамъ сказываю: но положимъ, чтобъ на мѣстѣ моемъ случился быть такой глупой умница, не легколь бы могъ онъ васъ, незнающихъ еще ничего, увѣрить во всемъ, что ему хотѣлось бы, и сдѣлать въ дурачествѣ своемъ товарищами.

ФЕОНА.

Да! сударыня, это бы могло конечно и очень легко сдѣлаться; и слава Богу, что мы не такого, а васъ имѣемъ у себя учительницею. Отъ васъ мы не можемъ того опасаться.

Г. Ц**

Конечно не можете, любезныя дѣти! и это бы всего было смѣшнѣе, естьлибъ я хотѣла васъ въ чемъ нибудь такомъ увѣрить, что несправедливо. Но какъ я не всегда могу съ вами быть, то для того я вамъ сіе сказывала, чтобъ вы впредь имѣли осторожность, и не всякому духу вѣрили.

КЛЕ-

КЛЕОНЪ.

О! стану же я, сударыня, впередъ отъ всѣхъ такихъ людей остерегаться; и какбы меня кто ни увѣрялъ, что на свѣтѣ то и другое худо сдѣлано, никому не буду вѣрить, но тотчасъ заключать, что онъ самъ того не знаетъ, и что та вещь конечно не такъ, какъ онъ говоритъ. Изъ всего того, что вы намъ о свѣтѣ сказывали, легко ужè можно заключить, что Божеская премудрость неисповѣдима, и дѣлà его человѣкомъ совершенно постигнуты быть никакъ не могутъ.

Г. Ц**

Это очень будетъ разумно! и ты правду говоришь, что изъ одного того ужè, что я вамъ о зданіи свѣта сказывала, можно ужè непостижимость Божескихъ дѣлъ усмотрѣть. Но это сказывала я вамъ только вообще и вкратцѣ о расположеніи огромнаго зданія вселенныя. Когда же буду вамъ сказывать о тѣхъ вещахъ, изъ которыхъ свѣтъ и земной нашъ шаръ

составленъ, то, какъ давича дивились вы чудной и непостижимой величинѣ небесныхъ свѣтилъ и шаровъ, такъ или еще болѣе дивиться будете, чрезвычайной и непостижимой мализнѣ, какъ первыхъ частицъ, такъ и составленныхъ изъ нихъ тѣлъ; и увидите, что чудное устроеніе оныхъ не меньше доказываетъ разумъ и премудрость Божескую.

ФЕОНА.

Очень хорошо, сударыня, и мы съ радостію будемъ слушать.

КЛЕОНЪ.

А и мнѣ не меньше сестрицына о томъ знать хочется, однако дозвольте мнѣ сударыня спросить васъ одно между тѣмъ слово. Пожалуйте матушка мнѣ скажите: Все ли вы теперь ужѐ намъ о небѣ расказали, что вы знаете?

Г Ц**

О! нѣтъ мой свѣтъ! еще далеко не все: я много еще кой чего знаю, чего вы еще не слыхали, но расказывать всето, будетъ слишкомъ

комъ много, мы и такъ ужè довольно о небѣ говорили, и мнѣ кажется, что на первой случай съ васъ и сего довольно будетъ.

КЛЕОНЪ.

Я бы сударыня не усталъ слушать, хотя бы вы еще столькожъ объ немъ говорить и намъ расказывать изволили.

Г. Ц**

Не все вдругъ моя радость! надобно чтонибудь оставить и для переду. Такихъ вещей въ натурѣ очень много, которыя примѣчанія достойны, и естьли намъ къ однимъ приставши о всѣхъ подробностяхъ говорить: то мы не переговоримъ обо всѣхъ и въ цѣлой годъ. А я вамъ сказывала, что намъ надобно не только объ одномъ свѣтѣ, но и о многихъ другихъ вещахъ говорить, которыя вамъ знать столько же или еще болѣе нужно, какъ оныя.

КЛЕОНЪ.

Это хорошо сударыня! я бы самъ желалъ скорѣе обо всѣхъ ну-

жнѣйшихъ вещахъ узнать. Однако мнѣ жаль будетъ, естьли я не все буду знать о небѣ. Сія матерія мнѣ очень полюбилась, и я боюсь, что другія вещи не таковы будутъ для меня любопытны.

Г. Ц**

Не тужи о томъ, мой свѣтъ! намъ много еще случаевъ будетъ упоминать о небѣ, и чего ты теперь не слыхалъ, то можешь услышать послѣ; а о прочихъ вещахъ также не заботься; они не меньше любопытны, какъ и прочія; и я тебѣ въ томъ порукою, что они тебѣ не наскучатъ.

КЛЕОНЪ.

Когда такъ, то съ охотою же буду ихъ слушать, и что естьли они въ правду таковы же любопытны: тогда можно ужè сказать, что это прямо прекрасная наука.

Г. Ц**

Конечно любопытны, и ты самъ это увидишь, и тужить о томъ не будешь, что мы переста-

станемъ о небѣ говорить, а начнемъ что нибудь иное.

ФЕОНА.

Очень хорошо, сударыня, пожалуйте извольте только сказывать, что смотрѣть на братца? Онъ готовъ объ одномъ цѣлыя сутки распрашивать, естьли ему дать волю.

Г. Ц**

Это не худо моя радость! и доказываетъ, что онъ имѣетъ любопытство, а любопытство имѣть молодому человѣку всего лучше. По вѣрите ли, я тѣмъ очень довольна, что въ немъ оное примѣчаю: ибо знаю, безъ любопытства человѣкъ ни къ чему не годится, и ему всѣ науки никакой почти пользы принесть не могутъ. И такъ не смотри на сестру, Клеонъ, будь и всегда, мой другъ, таковъ же любопытенъ, какъ теперь.

КЛЕОНЪ.

Вотъ, сестрица, не слышишь ли, что матушка изволитъ говорить? а ты мнѣ всегда говоришь,

что я слишкомъ любопытенъ. Теперь извольте матушка расказывать, что вы намѣрены были.

Г. Ц**

И такъ любезныя дѣти, слышали вы все, что вообще до связи всего огромнаго зданія того міра касается, въ которомъ мы обитаемъ. Теперь оставимъ мы небо со всѣми его свѣтилами, и со всѣми безчисленными и огромными его шарами въ покоѣ, пускай они вертятся и катаются около солнца, и отправляютъ ту должность, для которой они Зиждителемъ назначены. А мы обратимъ нашу рѣчь къ тѣмъ вещамъ, которыя къ намъ ближе. Станемъ говорить о нашемъ земномъ шарѣ, которой назначенъ для собственнаго обиталища нашего, и вещахъ какъ въ немъ и на немъ находящихся, такъ и окружающихъ оной. Посмотримъ, какъ все тутъ устроено и распоряжено премудрымъ нашимъ Создателемъ. О сколь много надобно мнѣ вамъ рас-

раскaзывать! и какихъ диковинокъ не услышите вы дѣти! я могу вамъ напередъ сказать, что все тутъ наипремудрѣйшимъ образомъ устроено и расположено, и нѣтъ такой вещи, которая бы не заслуживала удивленія, естьли ее порядочно разобрать и разсмотрѣть. Однимъ словомъ, я вижу повсюду столь много чудесъ, что не знаю почти, съ чего бы начать, и о чемъ бы вамъ напередъ сказывать.

КЛЕОНЪ.

Не противно ли вамъ, сударыня, будетъ мое слово? Давно ужѐ намъ обѣимъ съ сестрицою хотѣлось знать, какимъ образомъ сіи облакà [*указыпаетъ на небо*] бѣгаютъ; изъ чего они составлены, какъ они не упадутъ, и откуда въ нихъ водà берется? И такъ не можно ли вамъ съ нихъ начать намъ сказывать: вить и они, надѣюсь, до нашей же землѝ принадлежатъ?

Г. Ц**

Конечно до нашей. Однако мнѣ объ нихъ вамъ расказывать теперь начать не можно.

ФЕОНА.

Да для чегожъ, сударыня?

Г. Ц**

Для того, мой свѣтъ, что прежде, нежели могу вамъ все сіе растолковать, вамъ много кой чего другаго знать и слышать надобно. Вы ничего еще не знаете о стихіяхъ, и какъ о существѣ, такъ расположеніи и связи оныхъ; а безъ того не можно вамъ понять и давичныя вещи, кои на томъ основаніе свое имѣютъ.

КЛЕОНЪ.

Конечно, сударыня, не знаемъ. Я не слыхивалъ того, что такое стихіи называются, и такъ когда это напередъ намъ знать надобно, то не можно ли намъ это расказать?

Г. Ц**

Очень хорошо, а мнѣ кстати о томъ и говорить вамъ всего

преж-

прежде надобно. И такъ знайте, любезныя дѣти, что стихіями въ общемъ разумѣніи и наиболѣе называются огонь, воздухъ, вода и земля, но . . .

КЛЕОНЪ.

О матушка! когда стихіи ничто иное, какъ огонь, воздухъ, вода и земля, такъ сіи вещи мы очень коротко знаемъ.

ФЕОНА.

И! братецъ. Какъ тебѣ нестыдно! ты все сударь только у матушки рѣчь. - - Почему намъ точно знать всѣ сіи вещи?

КЛЕОНЪ.

Да какъ, сударыня, этого незнать! ужѐ не знать, что такое воздухъ, огонь, вода и земля. Я не сомнѣваюсь, что это и нашъ ванюшка дурачокъ знаетъ.

Г. Ц**

Хорошо мой свѣтъ! но что ты мнѣ на сіе скажешь, когда я тебѣ скажу и увѣрю, что не только ванюшка дурачокъ, но самъ ты всѣ сіи вещи столь мало знаешь,

ешь, сколько я Китайскія танцы, а я ихъ никогда не видывала.

КЛЕОНЪ. усмѣхаясь.

Дивлюсь, сударыня, я этому и не понимаю. Какъ бы кажется не знать? . . однако, когда вы излите говорить, такъ можетъ, быть и не знаю.

Г. Ц**

Конечно не знаешь, да не только ты, но сама я, и не только я, но и лучшіе мудрецы и ученые люди совершенно и въ самую подробность того не знаютъ, что такое собственно огонь, воздухъ, вода и земля.

КЛЕОНЪ.

Воля ваша матушка, а мнѣ всего это удивительнѣе! Господи помилуй! . . Какъ это кажется не знать? вить мы сударыня неслѣпы, и всѣ сіи вещи всякой день видимъ. По землй вотъ мы ходимѣ. Вода вотъ подлѣ насъ въ сажелкѣ. Воздухъ! [*Указываетъ на оной*] а и огонь всякой день видимъ.

Г. Ц**

ТакЪ мой свѣтЪ! это мы всѣ видимЪ и знаемЪ, но это знанiе наше очень несовершенно, и касается только до одной поверхности . . . Столько, сколько ты, знаютЪ обЪ нихЪ не только всѣ, но вЪ самомЪ дѣлѣ нашЪ и Ванюшка дурачокЪ. Но все это мнимое знанiе не далѣе простирается какЪ только до того, что мы всѣ эти вещи видимЪ и вѣдаемЪ, что они есть на свѣтѣ, а чтобЪ они собственно такЪ были, какЪ устроены, сЪ какими дѣйствiями и обстоятельствами сопряжены и прочее тому подобное, то знаютЪ очень немногiе; а совершенно вЪ самую внутренность сихЪ вещей проникнуть еще никто по сiе время не былЪ вЪ состоянiи.

ФЕОНА.

ВотЪ братецЪ! не правду ли я давича говорила, что ты не знаешь. *[кЪ матери]* Конечно сударыня, мы ничего о томЪ не знаемЪ.

КЛЕОНЪ.

Нельзя того сказать сестрица! чтобъ мы ничего таки не знали, и только одно то вѣдали, что они есть на свѣтѣ. Мы мало ли кое чего знаемъ и другаго объ нихъ. Я самъ сударыня много ужѐ знаю.

Г. Ц**

Очень хорошо мой свѣтъ! раскажижъ ты намъ, что ты объ нихъ знаешь, и начни на примѣръ съ огня.

КЛЕОНЪ.

А вотъ, сударыня, что. Я знаю, какъ огонь можно сдѣлать; умѣю его изъ уголька выдуть; знаю, какъ его высѣчь изъ огнива можно и спичкою сѣрною засвѣтить. А не давно я сударыня узналъ, какъ его изъ двухъ палочекъ вытереть можно. Далѣе знаю я сударыня, какъ его зажечь, сдѣлать, чтобъ онъ горѣлъ болѣе, или когда надобно, менѣе, а наконецъ знаю сударыня, какъ его и чѣмъ скорѣе, или медленнѣе и потушить и уни-

ничтожить можно. Да мало ли я и другаго кой чего объ немъ знаю.

г. Ц**

Довольно и сего моя радость! я изъ сего покажу, что ты очень мало еще объ немъ вѣдаешь. Самые сіи примѣры намъ сіе доказать могутъ. На примѣръ: ты говоришь, что ты умѣешь его сдѣлать, выдувать изъ уголька, высѣкать изъ кремня или вытирать изъ палочки. Хорошо, и я въ томъ не спорю, что ты умѣешь. Но скажи ты мнѣ, знаешь ли ты то, какимъ образомъ, и отъ чего это такъ сдѣлается, когда подуешь на примѣръ въ уголекъ, и прислонишь лучинку, такъ сдѣлается полымя. Вить полымя, мой другъ, отъ уголька и отъ лучинки, отмѣнная вещь. Откуда же оно возмется и отъ чего такая прекрасная вещь сдѣлается? Ты скажешь, что лучинка загорится. Но отъ чегожъ и откуда изъ лучинки-та оно берется, и чтобъ такое его производило? А

также и въ разсужденіи высѣканія: скажи ты мнѣ, отъ чегожъ это берутся искры, изъ кремня ли, или изъ огнива они выходятъ? Что бы они такое были, отъ чего они такъ скоро льнутъ въ трудъ, или въ жжоную тряпицу и послѣ производятъ огонь и полымя. Но сіе все еще не такъ. Ты можешь сказать, что тамъ огонь изъ уголька, а тутъ изъ кремня и изъ огнива выходитъ. Но давичныя твои палочки лучше всего докажутъ твое незнаніе. Скажи ты мнѣ, отъ чего отъ нихъ огонь дѣлается, когда ты станешь тереть, и откуда онъ тутъ берется?

КЛЕОНЪ.

О! матушка, вы меня заметали вопросами, и все такими, изъ которыхъ я и на одинъ не умѣю вамъ отвѣтствовать. Теперь сударыня я вамъ признаюсь, что я всего того не только не знаю, но мнѣ и въ голову никогда не приходило о томъ и подумать.

Г.

Г. Ц**

Не только сего, но и многаго другаго не знаешь. Это еще самыя малѣйшія вещи; а ежели далѣе тебя пораспросить: то ты еще болѣе увидишь, что знаніе твое объ огнѣ еще очень мало. Ты видишь и знаешь одни только наружности или самыя поверьхности, на примѣръ видишь горящее полымя; но чтобъ оно такое было, изъ чего бы состояло, и какимъ это все образомъ дѣлается, того отнюдь не знаешь; а сколь мало знаешь объ огнѣ, столь же мало и о другихъ стихіяхъ. На примѣръ: посмотримъ, чтобъ ты зналъ о воздухѣ?

КЛЕОНЪ.

Я сударыня, такъ теперь въ незнаніи своемъ удостовѣренъ, что ужѐ не отваживаюсь ничего вамъ сказывать о прочихъ стихіяхъ, вѣдая напередъ, что знаніе мое коротко и недостаточно.

Г. Ц**

Конечно мой другъ! мало и недостаточно. На примѣръ: о воздухѣ ты вѣдаешь, что онъ есть: но не знаешь того, какой онъ; откуда онъ берется: отъ чего дѣлается вѣтеръ, и прочее тому подобное. А также и о водѣ: ты видишь ее и знаешь, что она мокра и холодна, и что течетъ, но чтобы она такое была; какъ составлена, и отъ чего бы она текла, и легкія вещи на ней плавали, а тяжелыя тонули, и прочее тому подобное: того ты не вѣдаешь. А что о воздухѣ и объ огнѣ я говорила, тоже и о землѣ разумѣется. Земля кажется намъ болѣе всѣхъ стихій извѣстна, однако вѣрь, что вы и тысячной доли всего того не знаете, что до ней касается.

КЛЕОНЪ.

Всему ужѐ теперь, сударыня, я вѣрю, когда вы мнѣ огнемъ доказать изволили, и куда бы я желалъ, когда бы вы намъ все то разсказали.

Г. *Ц*

Я конечно вамЂ, любезныя дѣти, все то и раскажу, что я сама о томЂ знаю. Ибо мнѣ вамЂ о томЂ и безЂ прозьбы вашей сказывать бы надобно было.

ФЕОНА.

Дозвольте мнѣ матушка спросить, для чего бы намЂ надобно было все это вЂ подробности знать?

Г. Ц**

Для того моя радость, что безЂ того, какЂ я вамЂ ужè сказывала, не можно вамЂ получать порядочного понятiя о устроенiи земли нашей и всѣхЂ вещей на оной находящихся. ВамЂ надобно, любезныя дѣти, знать, что всѣ почти вещи на свѣтѣ изЂ помянутыхЂ стихiй ПремудрымЂ ТворцемЂ составлены и составляются.

КЛЕОНЂ.

КакЂ! сударыня!... ИзЂ огня, изЂ воды, изЂ воздуха и изЂ земли?... Тому то-бы ужè я не повѣрилЂ, естьлибЂ не вы изволили сказывать.

Г.

Г. Ц**

Это съ перваго вида и дѣйствително невѣроятно. Сверьхъ того вода, земля, воздухъ и огонь, только въ общемъ знаменованіи называются стихіями, или элементами, а въ тѣсномъ же знаменованіи подъ симъ словомъ разумѣются самыя первѣйшія частички, изъ которыхъ всѣ находящіяся въ свѣтѣ и нами видимыя и ощущаемыя тѣла̀ и вещи составлены. Помянутыхъ же элементовъ или стихій мы видѣть не можемъ.

ФЕОНА.

Да для чегожъ не можно намъ оныя видѣть?

Г Ц**

Для того, что сіи первыя частички, называемыя стихіями чрезвычайно малы, и такъ малы, что не только глазами, но и сквозь лучшія увеличивательныя стѐкла намъ оныхъ видѣть и усмотрѣть не можно.

КЛЕ-

КЛЕОНЪ.

Да какже мы сударыня воду, огонь и землю видимЪ.

Ц Г**

О! это видимЪ мы не самыя первыя частички, изЪ которыхЪ, на примЂрЪ, вода или огонь составленЪ, но только составленныя изЪ нихЪ большiя ужѐ тЂлà, и вЪ такомЪ случаЂ, когда ихЪ много.

КЛЕОНЪ.

Да развЂ, сударыня, и вода состоитЪ изЪ такихЪ же частичекЪ?

Г. Ц**

Конечно: и ты можешь потому заключить, что она раздробляется. Не случалось ли тебЂ брызгать, или видать какЪ брыжжутЪ?

КЛЕОНЪ.

КакЪ сударыня не видать? Я еще часто дивился тому, что такiя маленькiя капельки водяныя тогда дЂлаются.

Г. Ц**

Со всЂмЪ тЂмЪ, какова бы капелька воды̀ мала ни была, но тебЂ надобно знать, что и она еще

не

не цѣльная, но изъ многихъ частичекъ составлена.

КЛЕОНЪ.

Какъ это?.... И самыя тѣ маленькія капельки, которыя я onoмедни видѣлъ, изъ многихъ частичекъ составлены?

Г. Ц**

Конечно: и можетъ быть изъ неисчетнаго еще множества и многихъ тысячь.

КЛЕОНЪ.

Сударыня?... Это превосходитъ ужè всякое понятіе!

Г. Ц**

Знаю, что теперь тебѣ сіе не понятно. Но когда далѣе услышишь: то не столь невѣроятно тебѣ сіе покажется. Но постойте дѣти: что это за мужикъ къ намъ идетъ?

ФЕОНА.

А! матушка: это изъ села Зайцова, мнѣ случилось его однажды видѣть.

Г.

Г. Ц**

Развѣ прiѣхала госпожа Цецилiя, или нѣтъ ли отъ ней писемъ: вотъ конечно письма.

*[Мужикъ подаетъ письма. Г Ц** ихъ читаетъ и оборотясь дѣтямъ говоритъ]*

Такъ я угадала! Госпожа Цецилiя прiѣхала вчерась въ свое село съ сыномъ, и проситъ усильно, чтобъ прiѣхала къ ней.

КЛЕОНЪ.

Чтожъ матушка изволите ли вы къ ней ѣхать?

Г. Ц**

Не льзя не ѣхать, и завтра же какъ свѣтъ конечно поѣду, мнѣ надобно съ нею видѣтся, и о многихъ нуждахъ переговорить?

КЛЕОНЪ.

Такъ по этому мы опять, сударыня, лишимся удовольствiя слышать ваши разговоры.

Г. Ц**

Что дѣлать мой другъ, что намъ опять помѣшательство; однако я скоро опять назадъ буду,

и

и не надѣюсь тамъ пробыть болѣе двухъ или трехъ сутокъ. А вы можете между тѣмъ съ сестрою повторить все то, что вы отъ меня слышали; а какъ прiѣду, то начну ужѐ вамъ сказывать подробно какъ о стихiяхъ, такъ и о прочемъ устроенiи натуры.

ФЕОНА.

Очень хорошо, сударыня, а мы конечно съ братцомъ время свое по пустому препровождать не станемъ.

КЛЕОНЪ.

А севодни матушка изволите ли вы, что намъ еще сказывать?

Г. Ц**

Нѣтъ! моя радость! намъ ужѐ нѣкогда болѣе говорить: видите, что ужѐ поздно, а къ томужъ мнѣ и мужика кое о чемъ порасспросить еще надобно: пойдемте други мои въ хоромы, скоро намъ и ужинать надобно.

ФЕОНА.

Благодарствуемъ сударыня, что вы для насъ трудиться изво-

лили

лили. Дай Богъ, чтобъ вы скоро къ намъ назадъ пріѣхали, и опять съ нами здѣсь говорить начали.

КЛЕОНЪ.

А я всякія минуты щитать буду во время вашего отсутствія, такъ не терпѣливо хочется мнѣ далѣе слышать.

РАЗГОВОРЪ XVII.

МЕЖДУ КЛЕОНОМЪ и ФЕОНОЮ А ПОТОМЪ ГОСПОЖЕЮ ЛУЦИНДОЮ.

ИЗВѢСТІЕ.

По отъѣздѣ госпожи Ц** Клеонъ съ Феоною согласились всякой день послѣ обѣда ходить въ садъ и разговаривать о разныхъ матеріяхъ. Они не преминули учинить того и въ тотъ первой день; и Феона вошедъ въ садъ и нашедъ брата своего въ ономъ, говорила слѣдующее:

ФЕОНА.

Ты братецъ; ужè здѣсь? а я послала было малого тебя искать, и звать ко мнѣ въ садъ.

КЛЕОНЪ.

Я сударыня ужѐ болѣе получаса здѣсь одинъ ходилъ, и дожидаясь тебя; кой о чемъ размышлялъ.

ФЕОНА.

Скажи и мнѣ о чемъ ты думалъ?

КЛЕОНЪ.

О многомъ сестрица! сперва думалъ я обо всемъ томъ, что матушка намъ о небѣ сказывала. Куда какъ мудрено все сдѣлано! поверишь ли сестрица, чѣмъ болѣе я размышляю, тѣмъ непонятнѣе и мудренѣе все мнѣ кажется. Ужѐ я думалъ думалъ, да и сталъ! и куда бы мнѣ хотѣлось сестрица посмотрѣть, какъ этѣ огромные шары, которые матушка называла планетами, тамъ *[указываетъ на небо]* бѣгаютъ и ворочаются. Надѣюсь, происходитъ сіе съ превеликимъ шумомъ сестрица?

ФЕОНА.

Безсомнѣнно; я и сама братецъ! не однажды о томъ ужѐ ду-

думала, и ничего бы не желала, естьлибъ только можно было взнестись туда на высоту и на все тамъ посмотрѣть, что происходитъ; а особливо хотѣла бы я взлетѣть выше всѣхъ планетъ и въ самую середину между звѣздъ. Куда бы какое прекрасное зрѣлище представилось тогда моему зрѣнію; и вверьху бы у меня надъ головою было множество солнцевъ и по сторонамъ множество и подъ ногами множество. Повсюду бы я ими была окружена, и куда небойсь свѣтло тамъ братецъ?

КЛЕОНЪ.

Конечно свѣтло надѣюсь. Я и самъ желалъ бы тамъ побывать, но что дѣлать когда того человѣку не можно. Я бы ужѐ не хотѣлъ такъ высоко возлетать, а доволенъ былъ, естьлибъ могъ хотя на одной и самой ближней къ намъ планетѣ на примѣръ въ Марсѣ или Венерѣ побывать.

ФЕОНА.

Чтожъ бы ты хотѣлъ тамъ дѣлать? Матушка вить сказывала намъ, что сіи планеты темныя, огненныя.

КЛЕОНЪ.

Для самаго того мнѣ и хотѣлось бы ихъ въ близости видѣть и посмотрѣть, какія они, земляныя ли или иныя какія? И ежели земляныя-то какая же бы земля? Такая ли какъ наша или нѣтъ, и естьли на нихъ по примѣру нашей го́ры, рѣки, лѣса̀, деревья и прочее.

ФЕОНА.

Да! братецъ! хотѣлось бы и мнѣ это знать. Жалѣю, что не спросили мы о томъ матушку. Можетъ быть она это знать изволитъ.

КЛЕОНЪ.

Не думаю я, чтобъ и матушка изволила это знать, ты помнишь, сколь далеко сіи планеты отъ насъ; а когда такъ далеко: то можно ли кому видѣть, что на нихъ есть.

ФЕ

ФЕОНА.

Да! братецЪ это правда! мнѣ кажется, что и вЪ зрительную трубку, какова бы велика она ни была, сего не видно. СовсѣмЪ тѣмЪ хотѣлось бы мнѣ знать, длячегобЪ такіе огромные шары были сдѣланы. Матушка изволила намЪ часто говорить, что БогЪ по пустому ничего не дѣлаетЪ, да ему и не можно. И такЪ надобно вить быть какой нибудь причинѣ, длячего они созданы?

КЛЕОНЪ.

По чему знать! сестрица! можетЪ быть и тамЪ такіе же люди есть какЪ мы; и можетЪ быть и они также для людей сдѣланы?

ФЕОНА.

И! братецЪ! чего ужѐ ты не затѣешь! ужЪ тамЪ такимЪ же людямЪ быть, какЪ здѣсь, можно ли тому статься?

КЛЕОНЪ.

Что ты ни говори сестрица, а это легко статься можетЪ, и когда не люди, такЪ другія какія-

нибудь живыя твари. Мнѣ ужѐ не однажды на умъ приходило, да я тебѣ скажу, по чему я и догадываюсь, что этому такъ быть можно.

ФЕОНА.

Скажи-ка братецъ! скажи?

КЛЕОНЪ.

А вотъ сестрица! почему. Ты помнишь, что матушка изволила говорить, что наша земля не стоитъ на одномъ мѣстѣ, но слово слово также кругомъ солнца бѣгаетъ какъ и прочія планеты. И не на память ли тебѣ, что она изволила сказывать, что и землю нашу дѣйствительно такоюжъ планетою почесть можно какъ на примѣръ *Марсъ*, и *Венеру*, между которыми она бѣгаетъ?

ФЕОНА.

Это я помню братецъ.

КЛЕОНЪ.

Ну! сударыня, когда наша земля точно такоежъ дѣло отправляетъ какъ прочія планеты, или когда симъ планетамъ точно также

же наряду съ нашею землею кругомъ солнца бѣгать велѣно, и они также отъ солнца освѣщаются какъ земля наша: то разсуди сама сестрица! не легко ли статься можетъ, что и на нихъ также люди или иныя какія созданія есть; а безъ того, на чтожъ бы имъ освѣщаться солнцемъ и также тамъ днямъ и ночамъ дѣлаться?

ФЕОНА.

Да! братецъ! это твое слово достойно примѣчанія и этимъ самимъ меня привелъ въ сомнѣніе. Мнѣ вспомнилось теперь еще, что матушка намъ сказывала, что у нѣкоторыхъ планетъ также и мѣсяцы есть какъ у нашей земли; да еще и не по одному, а у иныхъ четыре, у иныхъ пять. Такъ на чтожъ бы симъ мѣсяцамъ быть, естьлибъ тамъ живыхъ тварей не было?

КЛЕОНЪ.

Вотъ видишь сестрица не правду ли я говорилъ?

ФЕОНА.

Такъ братецъ, однако я не отваживаюсь еще почитать сіе достовѣрнымъ. Мнѣ все кажется неимовѣрнымъ, чтобъ тамъ люди могли быть; лучше спросимъ о томъ матушку.

КЛЕОНЪ.

Очень хорошо сестрица: а кстатѣ спросимъ, есть ли тамъ также и стихіи какъ у насъ, то есть огонь, вода, и воздухъ? Я не менѣе и объ нихъ давича до тебя размышлялъ и находилъ множество вещей мнѣ непонятныхъ, о которыхъ хочется мнѣ при случаѣ спросить матушку. А пуще всего не понятно мнѣ: какъ это можно такой маленькой капелькѣ воды, о какой мы тогда говорили, быть на великое множество частичекъ раздѣленной, и хотѣлось бы очень знать, какія бы сіи частички были кругленькія ли такъ какъ капельки или не кругленькія.

ФЕ-

ФЕОНА.

Мало ли чего мы съ тобою братецъ не знаемъ. Я сама много такихъ вещей находила, на которыя прежде безъ всякаго примѣчанія сматривала; а нынѣ они меня въ удивленіе и сомнѣніе привели. Давича братецъ! какъ встала, увидѣла я въ своей конторкѣ отпотѣвшее окошко; сперьва оно равно какъ заиньевело; потомъ стали дѣлаться маленькія капельки, которыя къ стеклу равно какъ привязаны были; потомъ капельки сіи часъ отчасу болѣе становиться стали, и все окошко отпотѣло. Я смотрѣла на сіе долго и всему дивилась; а послѣ пришло мнѣ въ голову, откуда бы взялись сіи капельки и вода. У насъ въ конторкѣ никакой воды не было, и окошка никто не мочилъ, да и на дворѣ ясная и сухая, а не мокрая была погода: къ томужъ какъ бы водѣ сквозь окончину пройтить; а послѣ того я еще болѣе удивилась, какъ открывши одну поло-

вину окончины пощупала снаружи, желая посмотрѣть, мокра ли она или нѣтъ, и увидѣвъ, что снаружи она вся суха была, тогда не знала ужè я какимъ это образомъ дѣлается.

КЛЕОНЪ.

Да сестрица это въ правду мудрено, да и я не меньше твоего вчера въ вечеру удивился молнiи, ты надѣюсь ее не видала. Это было очень поздно... Вышелъ я сударыня на дворъ не вѣдая ни мало, что была тогда надъ нами великая туча. Не успѣлъ я переступить за порогъ, какъ освѣтила меня и весь нашъ дворъ преужасная молнiя. Я обмеръ тогда, испужался, думая, что весь нашъ дворъ тогда загорѣлся. Но послѣ легши спать самъ себѣ подумалъ: какже это? Молнiя та кажется огонь, а ничего она не зажигаетъ. Давича и по навѣсамъ и по соломеннымъ крышкамъ она сверкнула, а ничего не зажгла. Развѣ огни у насъ не одинакiе, и

этотъ

этотъ огонь не зажигаетъ? Но откуда бы онъ сестрица взялся?

ФЕОНА.

Какъ братецъ откуда? Изъ тучи.

КЛЕОНЪ.

Но въ тучу-то какимъ образомъ огонь зашолъ? да и кромѣ того мнѣ вспомнилось, что я видалъ молнію и безъ тучи на пріятномъ небѣ. Еще у насъ называютъ ее зорницею.

ФЕОНА.

Да братецъ! это въ правду удивительно и не понятно, но постой! мнѣ вспомнилось еще нѣчто. Чтобъ ты думалъ теперь о громѣ братецъ, гдѣ онъ гремитъ?

КЛЕОНЪ.

Ты меня смутила симъ вопросомъ сестрица. Сперва думали мы, что онъ на небѣ, но теперь помнишь ты, что матушка, намъ о небѣ сказывала, какъ оно высоко: такъ не ужли ль онъ тамъ гремитъ, и не ужѐ ли оттуда онъ слышенъ.

ФЕОНА.

Богъ знаетъ братецъ, этово я сама не понимаю.

[Въ самое сіе время схватилась она своего платка, и вспомнивъ, что она его въ хоромахъ позабыла, брату сказываетъ:]

Ахти братецъ! я позабыла платокъ въ хоромахъ: я побѣгу за нимъ, а ты подожди голубчикъ здѣсь меня.

ФЕОНА отходитъ. А между тѣмъ Клеонъ ходитъ по саду и размышляетъ о натуральныхъ вещахъ и дивится, находя ужѐ всякую вещь для себя непонятною, и готовится спрашивать сестру свою; но она возвращаясь съ поспѣшностію ему сказала.

Сказать ли тебѣ братецъ радостныя вѣсти!... Къ намъ гости ѣдутъ, да кто бы ты думалъ?... Госпожа Луцинда, наша бабушка, старушка.

ФЕ-

КЛЕОНЪ.

Не въ правду ли сестрица? О! какъ я ей радъ!... Да кто тебѣ это сказалъ?

ФЕОНА.

Иванъ нашъ ѣздилъ на торгъ, и теперь пріѣхавъ сказывалъ, что онъ ее обьѣхалъ не далече за нашею ужѐ рощею, и говорилъ, что она спрашивала объ насъ, дома ли мы, конечно она вѣдаетъ, что матушки нашей нѣтъ дома.

КЛЕОНЪ.

Побѣжимъ же сестрица къ нашимъ садовымъ воротамъ, что къ проулку, тамъ мы увидимъ, какъ она поѣдетъ, и ее встрѣтимъ.

ФЕОНА.

Извѣдомо такъ братецъ! пойдемъ туда поскорѣе. Она скоро ужѐ будетъ.

КЛЕОНЪ. идучи къ воротамъ.

Что мнѣ вздумалось сестрица! станемъ-ка мы опять госпожу Луцинду кой о чемъ спрашивать.

ФЕОНА.

И! братецЪ! она опять разсердится и опять уѣдетЪ.

КЛЕОНЪ.

НѣтЪ сестрица мы ее сердить не станемЪ; надобно примѣчать, какЪ скоро она станетЪ сердиться, такЪ надобно начать другую рѣчь.

ФЕОНА.

Очень хорошо... ТакЪ послушай же какЪ мы сдѣлаемЪ, надобно кому нибудь изЪ насЪ кЪ ней подольститься, и ни вЪ чемЪ ей не противорѣчить, а другому спрашивать. Но молчи я ужѐ знаю какЪ сдѣлать. Ты только не порть дѣла, и примѣчай, что я буду дѣлать. Но вотЪ она ужѐ ѣдетЪ, нѣкогда мнѣ тебѣ все сказывать.

КЛЕОНЪ. увидѣвЪ Г. Луцинду: поровнялась противЪ ихЪ.

Здраствуйте бабушка! милости просимЪ на перепутье кЪ намЪ пожаловать. Куда это вы изволите ѣхать?

Г. ЛУЦИНДА. къ повощику.

Стой! стой! Андреичь! дай мнѣ вытти изъ колящонки. . . . Ванька, Ванька! поди подержи меня, чтобъ я не упала. Што ты блядинъ сынъ уснулъ што ли на запяткахъ и не видишь.

КЛЕОНЪ. подбѣгаетъ.

Пожалуйте бабушка ручку, я васъ поддержу и помогу выттить.

Г. ЛУЦИНДА.

И! дитя! гдѣ тебѣ меня держать, я сама убьюсь и тебя задавлю. . . . Слышишь ли глухой, пошолъ скорѣй!

(Вздремавшей въ самомъ дѣлѣ ее слуга согнувшись приходитъ и вынимаетъ изъ коляски, а она обнимая дѣтей говоритъ:)

Здорово, здарово! дѣтушки! матушка ваша прислала къ вамъ челобитье.

ФЕОНА.

Здраствуйте сударыня! да гдѣ изволили вы нашу матушку видѣть?

г. ЛУЦИНДА.

Она ко мнѣ на часокъ заѣжжала, дай ей Богъ здоровье! и отъ ней услышала я, что вы одни остались дома. Для того та вздумала я къ вамъ заѣхать и у васъ ночевать.

ФЕОНА.

Благодарствуемъ бабушка, что вы насъ жалуете, не забываете. (цѣлуетъ у ней руку:)

г. ЛУЦИНДА.

И! дитя; Богъ меня убѣй, когда мнѣ васъ позабыть. Вы мнѣ всегда милы какъ родныя, и я всегда молюся за ваше здоровье.

ФЕОНА.

Велика ваша милость, сударыня! милостижъ прошу пожаловать въ хоромы.

г. ЛУЦИНДА.

И нѣтъ! дитя! лучше въ садъ, у васъ стоитъ хоромъ бесѣдки.

ФЕОНА.

Очень хорошо, сударыня!... А ты братецъ поди сударь прикажи лошадокъ-та бабушкиныхъ от-

отложить, да накосить имЪ хорошенькой травки. Да небойсь братецЪ у насЪ и овесЪ есть: такЪ прикажи сударь иовса имЪ цѢлой четверикЪ дать. Бабушка кЪ намЪ рѢдко жалуетЪ, и у насЪ вить любимая гостья.

Г. ЛУЦИНДА.

Да! батюшка прикажи ихЪ выпрячь; кляченки худыя, насилу дотащилися кЪ вамЪ.

КЛЕОНЪ.

Очень хорошо, сударыня! все будетЪ сдѢлано.

(ОтходитЪ а между тѢмЪ Феона повела Г. Луцинду вЪ садЪ и препровожавши вЪ бесѢдку разговаривала сЪ нею о постороннихЪ вещахЪ, покуда пришолЪ КлеонЪ и сказалЪ:)

Все сударыня сдѢлано. Травы велѢлЪ я при себѢ положить. Она есть накошеная, а и овса у насЪ много. ПослалЪ за старостою и велѢлЪ столько дать сколько лошади сами есть станутЪ.

Г.

Г. ЛУЦИНДА.

Спасибо батюшка! дай Богъ тебѣ здоровье. Ты ко мнѣ всегда ласковъ.... Но эхъ! блядка, что я сдѣлала. Врагъ сатмилъ у меня память!... Везла было батюшко къ тебѣ парочку голубчиковъ, такія хорошія двухохлыя. Но позабыла свѣтъ мой, стара стала и безпамятна.

КЛЕОНЪ.

Благодарствую бабушка. Однако они мнѣ не надобны. Мнѣ сударыня уже въ нихъ нѣтъ нужды, я уже и до своихъ сдѣлался неохотникомъ, и въ недѣлю однажды на голубятнѣ не побываю. Не то у меня сударыня уже въ головѣ.

Г. ЛУЦИДНА.

Да чтожъ такое мой умникъ? Не собаки ли уже?.. Не дѣлаешься ли ты у насъ до собакъ охотникомъ? Пропади онѣ совсѣмъ окаянныя. Плюнь батюшка на нихъ; у меня и мужъ покойникъ отъ нихъ въ мо-

могилу пошелЪ. Это проклятая охота и разорительная!

КЛЕОНЪ.

И! нѣтЪ бабушка! у меня ни одной собаки нѣтЪ, да я ихЪ и не люблю.

ФЕОНА.

Да что, бабушка! Не лучше собакЪ попадись ему какія то науки, онЪ и спитЪ и видитЪ только ихЪ. Пожурите бабушка хоть ужѐ вы его за то. Я хотѣла вамЪ давно на него пожаловаться, а то меня ужѐ и не слушаетЪ. Право ему сЪ ума сойтить.

Г. ЛУЦИНДА.

ТакЪ таки такЪ, мой свѣтЪ! ты правду говоришь, что ему сЪ ума сойтить. Я это давно ужѐ думала и намнясь еще примѣтила, что не бывать тутЪ доброму. Дурно сударь, нехорошо это! что ты это затѣялЪ? Вить тебѣ не семи пядей во лбу быть. ЖилЪ бы ты какЪ покойникЪ твой дѣдушка живалЪ. ПокойникЪ! я его помню. Какой это былЪ доброй

брой человѣкъ! Дай Богъ ему царство небесное!

КЛЕОНЪ.

Дѣдушка мой, сказываютъ худо и грамотѣ умѣлъ: такъ по этому и мнѣ сударыня неумѣть и ничего не знать. Къ чемужъ я буду годенъ? Мнѣ не хочется сударыня, чтобъ меня глупцомъ называть стали.

Г. ЛУЦИНДА.

Какъ бы не такъ! .... Никто тебя право глупцомъ не станетъ называть. Дѣдушка твой пусть худо умѣлъ грамотѣ, но право былъ разумной человѣкъ. Никто бывало не смѣлъ его обидѣть. Приказныя дѣлà были у него всѣ на перечотѣ, и люди добрыя у него спрашивались.

КЛЕОНЪ.

Статься можетъ сударыня; но я слыхалъ, что такихъ людей ябедниками называютъ и ихъ не любятъ?

Г. ЛУЦИНДА.

Никакъ свѣтъ; ябедникомъ его никто не называлъ. Да чтожъ бы ты думалъ о ябедникахъ, мой другъ! чуть ли нездоровѣе на животѣ у того, кого такъ-то называютъ. Я многихъ знавала, которые разбогатѣли отъ того. Да вотъ и сосѣдъ мой, господинъ Чужехватовъ; я запомню какъ онъ былъ самой бѣдной человѣкъ и въ такихъ же колящонкахъ таскивался какъ и мы грѣшныя, а нынѣ посмотри-ка кореты; не кореты лошади не лошади; а о деревняхъ его и говорить нѣчего. Какія это се́ла, какія деревни у него! однажды онъ завелъ меня въ нихъ, такъ я и глаза̀ растеряла. А все сказываютъ, досталъ онъ чрезъ свою̀ ябеду. Я сама помню, что это все было не его, а чужое. И Богъ вѣдаетъ какъ это онъ достать умѣлъ. То-то знать умокъ та. Тому то бы ты перепималъ Клеонушка, и тому-то бы учился.

КЛЕ-

КЛЕОНЪ.

Хорошо! Бабушка! Ужѐ этому учиться. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! сударыня, воленъ Богъ и съ нимъ и съ селами и деревнями, а я того не хочу. Ужбы сталъ я этому учиться!... Сохрани меня отъ того Богъ! Мнѣ кажется лучше тѣмъ жить, чѣмъ Богъ благословилъ; а учиться чему нибудь лучшему и такимъ наукамъ, которыя для насъ полезнѣе и Богу угоднѣе.

Г. ЛУЦИНДА.

Да! вотъ наживешь ты себѣ много съ другими то науками. Жолвь въ носъ а не хлѣбъ ты получишь. Какимъ та ты тамъ наукамъ учишься? Небойсь какъ болтать побусурмански: фаръ, фаръ, фаръ, да вотъ скоро и самъ такимъ же бусурманомъ сдѣлаешься какъ и они.

КЛЕОНЪ.

Никакъ сударыня, мы никакимъ иностраннымъ языкамъ не учимся, да и нѣкому насъ учить.

Г.

Г. ЛУЦИНДА.

Чемужъ такому ты тамъ учишься. Съ неба штоль какъ звѣзды хватать?

КЛЕОНЪ.

Никакъ, сударыня.

ФЕОНА.

Нѣчего никакъ сударь. Я бабушкѣ, все раскажу, что ты ни дѣлаешь!..... Вы почти угадали бабушка. Я хоть подлинно не знаю, чему такому онъ учится: но часто слыхала, что онъ што та про звѣзды говоритъ. Не успѣетъ, сударыня, смеркнуться, какъ онъ выходитъ на дворъ смотрѣть на звѣзды, указываетъ на небо, разсуждаетъ и говоритъ самъ съ собою.

Г. ЛУЦИНДА.

Такъ! вотъ истинно такъ!. не угадала ли я?... Ахти, что это такое. Ну! чтожъ ты это мой свѣтъ на звѣзды смотришь? Выбираешь, что ли ты, которую тебѣ лучше схватить. Схвати батюшка и для меня одну, которая по-

пояснѣе; на примѣръ хоть ту, что мы зорницей называемъ. Я бы ее на полочку въ передней уголъ положила: такъ бы она мнѣ вмѣсто огня свѣтить стала; а то у меня лучины нѣтъ, а свѣчь купить нѣнашто.

(Услышавъ сіе дѣти не могли чтобъ не захохотать. Сама Феона сколько ни крѣпилась и не притворялась, но не могла, чтобъ не засмѣяться; а Клеонъ захохотавъ говорилъ:)

Не войдетъ! сударыня и не умѣстится! -. Полочка ваша мала, и не только полочка но и вся ваша горница ее въ себя не вмѣститъ.

Г. ЛУЦИНДА. къ Феонѣ.

Вотъ, вотъ! матка моя. Онъ ужè и знаетъ какъ она велика. Ахти онъ и въ правду ихъ хватать затѣваетъ.

ФЕОНА.

Что вы, сударыня, еще слышали! послушали бы вы, что мнѣ онъ объ нихъ сказывалъ. Онъ говоритъ, что онъ подлинно знаетъ

сколь

сколь они велики, и сказывалЪ мнѣ, что иные больше земли нашей.

г. ЛУЦИНДА, смѣючись.

Ха! ха! ха! АхЪ батька ты мой! кЪ стати ли это? СЪ чего ты это взялЪ? И можно ли тебѣ это знать? перестань ради Бога!

КЛЕОНЪ.

Конечно, сударыня, знаю: и ежели изволите, такЪ я вамЪ раскажу, сколько и верстЪ кругомЪ всякой.

г. ЛУЦИНДА.

Полно врать, Клеонушка! ты ужѐ заврался, и это ужѐ всего смѣшнѣе.

КЛЕОНЪ.

НикакЪ, сударыня: я не заврался; а ей, ей, знаю, и готовЪ вамЪ побожиться, что около той звѣздочки, которую вы для себя схватить приказываете, и которую мы зарницою называемЪ, сЪ лишкомЪ 36 тысячь верстЪ кругомЪ.

г. ЛУЦИНДА.

Тфу! батька мой! ХристосЪ сЪ тобою... полно тебѣ врать.

КЛЕОНЪ.

Чему вы такъ дивитесь, бабушка! я вѣрно вамъ сказываю, что она такъ велика. А есть, сударыня, звѣзды, которыя и во сто разъ этой больше; на примѣръ, около Юпитера болѣе 400 тысячь верстъ.

Г. ЛУЦИНДА къ Феонѣ.

Мать ты моя! что это такое? право недаровое.

ФЕОНА.

Я, сударыня, ужѐ не знаю, извольте сами разсуждать.

Г. ЛУЦИНДА.

Чево, матка моя? Я боюсь ужê, не помѣшался ли братецъ твой въ разумѣ?

КЛЕОНЪ. усмѣхнувшись.

Никакъ, сударыня! я съ ума еще никогда не сходилъ; а что такъ, то такъ. Вольно вамъ не вѣрить. Вы не повѣрите, можетъ быть, и тому, что и солнце нѣсколько тысячь разъ больше всей земли нашей; также что оно стоитъ на одномъ мѣстѣ, а земля наша кругомъ его бѣгаетъ, и всякой

день

день перекувыркивается и вертится, и что.....

Г. ЛУЦИНДА. сочтя, что Клеонъ въ самомъ дѣлѣ въ умѣ помѣшался, и что на него нашла дурь: испужалась, вскакиваетъ съ мѣста; хватаетъ Клеона: призываетъ Феону на помощь, и кричитъ.

Ахти! мать ты моя! онъ въ правду съ ума сошелъ, и на него нашла теперь блажь. Аминь, аминь: Христосъ съ нами! тьфу батька ты мой! сила крестная съ тобою! перекрестись Клеонушка!

Креститъ его: сіе увидѣвъ не могли дѣти утерпѣть, чтобъ опять не захохотать, что старуху еще пуще въ ужасъ привело. Она увидѣвъ, что и Феона хохочетъ и помираетъ со смѣху до слезъ на нее закричала.

Ну! а ты что хохочешь, барышня? Шутка ли это, и походитъ ли на смѣхъ, что братъ съ ума рехнулся; какъ тебѣ нестыдно? Подите, сударыня, пошлите дѣвку. Да нѣтъ ли полно здѣсь кого?

Дѣвушка! а дѣвушка! (*выходитъ изъ весѣдки, и смотритъ*:) ахти нѣтъ никого! Экое горе! не знаю, что мнѣ съ нимъ дѣлать:) *возвращается къ хохочущимъ дѣтямъ, суетится, и опять Клеона креститъ, и говоритъ*:) аминь, аминь: во имя Отца, и сына, Христосъ съ тобою батька мой.

Сіе еще пуще заставило дѣтей смѣяться Клеонъ, надсѣдаясь со смѣху, прерывая голосъ, говоритъ.

Право сударыня такъ, земля вертится съ нами, а солнце стоитъ; что это вы затѣяли, что я съ ума сошелъ? я вамъ скажу еще, что и подъ нами, сударыня, люди есть, которые ходятъ внизъ головою, да и сестрица вамъ это скажетъ.

Г. ЛУЦИНДА. зажимая ротъ у Клеона.

Перестань батюшка! перестань врать такой вздоръ.... Опомнись свѣтъ мой!.... Ахти! какая бѣда! ребенокъ съ ума сошелъ! бѣдненькое дитя! что теперь съ го-

госпожею Ц** будетЪ? Она умретЪ съ печали. На него одного у ней и надежда была вся.

ФЕОНА.

Пожалуйте, бабушка, не заботтесь о томЪ, братецЪ никогда сЪ ума не сходитЪ; онЪ вЪ совершенной памяти.

ЛУЦИНДА.

Что ты, дитя, мнѣ сказываешь? Я вижу сама! можно ли такую нелѣпую говорить, несошедши съ ума.

ФЕОНА.

Воля ваша бабушка; а это все правда, что братецЪ вамЪ говоритЪ.

ЛУЦИНДА.

КакЪ! это правда, что солнце стоитЪ, а земля бѣгаетЪ и вертится? . . . ГдѣжЪ у насЪ глаза̀ та, длячегожЪ мы того не видимЪ?

ФЕОНА.

Что вы ни говорите, а это правда; я вамЪ скажу еще, что и мѣсяцЪ такая же земля, какЪ наша; и что онЪ не огненной, и также

по воздуху летаетъ, какъ земля наша, а не на небѣ.

ЛУЦИНДА испужавшись еще болѣе.

Ну! еще того лучше! надъ ними надъ обѣими что-та подѣялось: и оба они никакъ въ умѣ помѣшались. Ахъ какая бѣда и нещастіе! Что мнѣ дѣлать? Не подумали бы еще на меня, что я надъ ними что сдѣлала. Да на ту бѣду я одна съ ними, и никого нѣтъ. Побѣгу скорѣе кликать людей.

Сказавъ сіе, и не слушая ничего, бѣжитъ въ хоромы, поднимаетъ крикъ, перетревоживаетъ всѣхъ людей. Увѣряетъ всѣхъ, что дѣти съ ума сошли; люди не знаютъ, что думать: ни то дѣти съ ума сошли, ни то она. Отводятъ ее въ особливую комнату, а Клеонъ съ Феоною отставъ отъ ней говорили между собою.

КЛЕОНЪ.

Какая это комедія, сестрица! что мы это надѣлали?

ФЕОНА.

А у меня, братецъ, со смѣху ужè голова болитъ. Повѣришь ли, я отъ роду такъ много не смѣивалась, какъ

какЪ теперь, и не думала сама, чтобЪ до того дошло, чтобЪ она и меня сумасшедшею почитать стала. Но пора намЪ сію комедію кончить: пойдемЪ, сыщемЪ и увѢримЪ ее, что мы сЪ ума не сошли.

КЛЕОНЪ.

Хорошо сестрица: но какже намЪ ее увѢрить? Вить она всему тому не повѢритЪ, что мы сказывали.

ФЕОНА.

РазвѢ сказать, что мы все это нарочно говорили; но я боюсь, что она осердится и сочтетЪ, что мы ее на смѢхЪ поднимали.

КЛЕОНЪ.

КакЪ бы то ни было, однако пойдемЪ скорѢе искать ее вЪ хоромы: мы и не видали того, что взошла туча, и виситЪ ужѐ надЪ нами.

(ВошедЪ вЪ тотЪ покой, гдѢ Луцинда находилась.)

ФЕОНА. вошедЪ напередЪ.

Что вы, бабушка, отЪ насЪ уйтить изволили.

Г. ЛУЦИНДА.

И! барышня! какъ не уйтить? Мнѣ показалось, что и ты въ умѣ помѣшалась: но дѣвушки вотъ увѣряютъ, что ты въ совершенномъ своемъ умѣ и разумѣ. Но гдѣжъ Клеонушка, и опомнился ли онъ бедненькой?

ФЕОНА.

Опомнился сударыня, ежели вамъ такъ угодно, и скоро сюда будетъ.

Г. ЛУЦИНДА.

Да давно ли надъ нимъ такое нещастіе, и такой грѣхъ? И часто ли на него такая блажь находитъ, и вѣдаетъ ли про то ваша матушка?

ФЕОНА.

Онъ, сударыня, давно это и прежде ужѐ говорилъ: но съ ума, повѣрьте мнѣ, никогда не сходилъ, и всегда въ хорошемъ разсудкѣ; а это, что вы слышали, не знаю, гдѣ то читалъ, да и повѣрилъ. Я ужѐ сама на него за то бранилась.

Г. ЛУЦИНДА.

Не в правду ли так? Так слава же Богу! а я было об нем затужилась, да гдеж он? дайте мне на него посмотреть.

КЛЕОН. вошед.

Что это вам вздумалось, что я с ума сошел? Я, благодарю Бога, в совершенной памяти.

Г. ЛУЦИНДА.

Теперь я сама это вижу. Да и сестрица твоя меня уверила; она сказала уже мне, от чего ты и говорил такой вздор. Ну! хорошее ли это, Клеонушка, дело? ты вить меня на смерть перестращал. Вот плоды твоих наук! в какой такой проклятой книге ты это читал, уже не в раскольнической ли какой?

КЛЕОН.

В какой нибудь, сударыня! но я уже не стану более такого вздора говорить.

Г. ЛУЦИНДА.

И не говори таки батюшка! это сущей вздор! можно ли этому

му статься, чтобъ земля летала и вертѣлась; вить ты не слѣпъ, мой другъ, что она стоитъ, а когда бы летала и вертѣлась, такъ бы мы видѣли.

КЛЕОНЪ.

Пусть такъ, бабушка! Я не буду того говорить.

(Въ самое сіе время сверкнула молнія, и загремѣлъ сильный громъ.)

Г. ЛУЦИНДА. перекрестясь, и сказавъ, святъ святъ святъ, говорила.

Молитесь дѣти Богу. Видите какая гроза [*Увидѣвъ маленькую постельную собачку въ горницѣ:*]. Ахъ дѣвушки, дѣвушки, выгоните скорѣе собаку вонъ изъ хоромъ.

ФЕОНА.

Да куда бабушка ее выгонить? На дворѣ засѣчетъ ее дождь, да и другія собаки разорвутъ. А это собачка матушкина.

Г. ЛУЦИНДА.

Чьябъ она ни была, только въ хоромахъ теперь быть ей не годится. Вонъ! вонъ! ты окаянная!

ная! велите, матушка, ее скорѣе выгнать.

ФЕОНА.

Да для чегожъ сударыня?

Г. ЛУЦИНДА.

Для того дитя, что во время грозы вселяется въ нихъ нечистой духъ, наше мѣсто свято. Такъ страшно, чтобъ громомъ въ нее не попало, а подлѣ ее не убило бы и насъ.

КЛЕОНЪ.

Да развѣ, бабушка сударыня, громъ все дьяволовъ убиваетъ?

ЛУЦИНДА.

Я слыхала изстари, что надобно собакъ для того выгонять.

КЛЕОНЪ.

Умилосердитесь бабушка. Ежели громомъ все дьяволовъ бьетъ, такъ какимъ же образомъ третьяго года разбило у насъ церковь, и весь иконостасъ испортило; а прошлаго предъ окномъ у насъ грушу раскололо; а однажды лошадь у насъ убило: развѣ и тутъ все были нечистые духи?

Г. ЛУЦИНДА.

Молчи! молчи, дитя! вотъ опять молнія [*крестится:*] такое ли время теперь дьявола вспоминать надобно [*крестится и его проклинаетъ.*]

ФЕОНА.

Спрошу я у васъ, бабушка! Вы, надѣюсь, изволите, знать, чѣмъ такимъ это убиваетъ громъ?

Г. ЛУЦИНДА.

И дитя! какъ ты этого не знаешь? Стрѣлою мой свѣтъ, и естьли хотите, такъ я вамъ когда нибудь покажу. У меня есть громовая стрѣла. Я еще даю съ ней многимъ воду отъ колотья.

КЛЕОНЪ.

Воля ваша бабушка: а я этому какъ то худо вѣрю. Прошлаго года, какъ убило у насъ лошадь, такъ мы всю ее осматривали, и не нашли ни маленькаго знака; а естьли бъ убита она была стрѣлою, то вить бы рана была, да и стрѣлу можно бы было найтить: однако мы сколько ни искали, а не нашли.

Г.

г. ЛУЦИНДА.

Вотъ, вотъ! ты ужѐ опять за́чалъ завираться. Я тебѣ сказываю, что у меня стрѣла есть. Чего тебѣ больше? [*крестится опять увидя молнію:*] Аминь, аминь, аминь.

ФЕОНА.

Я, сударыня, не такова̀, какъ братъ; я вамъ повѣрю, что стрѣлою: но скажите мнѣ, бабушка! ктожъ ее стрѣляетъ.

г. ЛУЦИНДА.

И дитя! почему намъ это знать! небойсь, Илья пророкъ.

ФЕОНА.

Почемужъ сударыня, Илья пророкъ?

г. ЛУЦИНДА.

Потому, мой свѣтъ, что не ужѐли ты не слыхала, что это вить онъ по небу на огненной колесницѣ ѣздитъ, что мы громомъ называемъ (*услышавъ, что загремѣлъ громъ:*) Вотъ, вотъ! какъ онъ батюшка нашъ покатился.

КЛЕОНЪ.

Да какъ же, бабушка, развѣ у насъ два пророка Ильи?, . . Вотъ извольте послушать. Громъ теперь въ двухъ мѣстахъ, и въ одно время гремитъ. Вотъ въ сторонѣ къ погосту, и вотъ въ другой сторонѣ, конечно двѣ у насъ теперь тучи.

Г. ЛУЦИНДА.

Куда ты право какой Клеонушка! ничему не хочешь вѣрить. Ей ей! въ тебѣ пути не будетъ.

КЛЕОНЪ.

Никакъ, сударыня! я готовъ всему повѣрить; естьли что съ правдою сходно, а что напротивъ того мнѣ кажется сумнительно: то для чегожъ о томъ мнѣ не спросить?

Г. ЛУЦИНДА.

И! дитя. Я тебѣ давно говорила, что чѣмъ болѣе будешь знать, тѣмъ скорѣе состарѣешься. Знайка ты то, что знавали отцы наши. Они не много знали, а хлѣбъ ѣли.

ФЕ-

ФЕОНА.

Слава Богу! прочищается на силу, на силу прошла туча.

КЛЕОНЪ. подбѣжавъ къ окошку.

Да! вотъ здѣсь ужѐ совсѣмъ прочистилось. Но ахъ, сестрица! посмотрите-ка сюда въ эту сторону. Какая это прекрасная радуга.

Подходятъ всѣ къ окну, и смотрятъ.

ФЕОНА.

Двойная еще братецъ. Ахъ какъ это хорошо, какія это прекрасныя колеры. Но хотѣлось бы мнѣ знать, что это такое, и какъ это дѣлается на небѣ?

КЛЕОНЪ.

Бабушка, надѣюсь, изволитъ знать: скажите, сударыня, намъ?

Г. ЛУЦИНДА.

Я бы сказала: но то-то бѣда, что ты ничему не вѣришь, а все только и знаешь, что спрашиваешь: кто тебѣ на отвѣтствуется.

КЛЕОНЪ.

Нѣтъ, сударыня: я ужё повѣрю, и не буду спрашивать.

Г. ЛУЦИНДА.

Какъ она дѣлается, того я подлинно не знаю: но что она дѣлаетъ, это я знаю. Вотъ, видите, дѣти! обѣими этими концами опускается она въ воду, и ее въ себя всасываетъ, и вотъ туда-то! [*указываетъ на небо:*] вода-та идетъ! идетъ по ней!

КЛЕОНЪ.

Ну бабушка! теперь я вамъ повѣрю. Отъ того-та конечно у насъ и дождь бываетъ?

Г. ЛУЦИНДА.

Отъ того-та, мой свѣтъ! и ты всегда помни, что радуга всякой разъ къ дождю бываетъ.

КЛЕОНЪ.

Но что, бабушка! хочется мнѣ еще знать, чѣмъ бы такимъ она воду въ себя всасывала? Ротъ что ли у ней?

Г.

Г. ЛУЦИНДА.

И! нѣтъ дитя! я слыхала, что воду она черпаетъ серебряною чарочкою, или ковшичкомъ.

КЛЕОНЪ. захохотавъ.

Ха! ха! ха! можно ли этому статься;..... Не прогнѣвайтесь бабушка! ей, ей! не можно утерпѣть, чтобъ не смѣяться... Ужè серебряною чаркою черпаетъ!... Чего вы не затѣете!... Да какже это она бабушка черпаетъ, серебреная вить чарочка не велика, и можно ли ею столько воды̀ начерпать, сколько къ намъ изъ одной тучи упадаетъ?

Г. ЛУЦИНДА. осердившись.

Ну спасибо! государь мой! право спасибо.... Стараго ты меня человѣка на смѣхъ поднялъ. Тому-то ты учишься, и затѣмъ-то я къ вамъ пріѣхала? Спасибо! благодарствую! я помню, какъ и матушка твоя родилась. Я и ее, да и тебя на рукахъ нянчила. Но не чаяла того, чтобъ ты надо мною насмѣхаться сталъ.

ФЕ-

ФЕОНА. которая сама не меньше смѣялась, но только скрытно.

И! братецъ! какъ тебѣ, сударь, нестыдно! хорошее ли это дѣло смѣяться, дай матушкѣ прïѣхать. Ей, ей, сударь, я скажу! уже посмотри, что тебѣ будетъ.

Г. ЛУЦИНДА.

Какъ таки такъ моя голубушка! совсѣмъ меня дурою сдѣлалъ. Легко ли мнѣ это?... Истинно вѣкъ изжила, а не бывало того надо мной, чтобъ такой молокососъ надо мною смѣялся, какъ твой братецъ.

ФЕОНА.

Что съ нимъ, сударыня, дѣлать; онъ самой верченой, Отпустите, сударыня, это ему Онъ отъ глупости это сдѣлалъ, и впередъ того дѣлать не станетъ.

Г. ЛУЦИНДА.

И! мать моя! да я съ нимъ ничего и говорить не стану. Онъ видишь умница нынѣ сталъ! Онъ и давича конечно надо мною только смѣялся.

КЛЕ-

КЛЕОНЪ.

Виноватъ, бабушка сударыня! пощиплите меня хоть за ухо, да простите. Впередъ право не стану смѣяться.

(цѣлуетъ у ней руку)

Г. ЛУЦИНДА.

Ну, ну! Богъ тебя проститъ! лстивецъ! только впередъ не смѣйся же ты мнѣ старому человѣку. Да нѣтъ нѣтъ, полно мнѣ съ вами о этакихъ дѣлахъ говорить. Вы меня въ правду дурою сдѣлаете.

ФЕОНА.

Перестань, сударыня. А! къ статѣ; и нѣкогда болѣе, на столѣ ужѐ набрано, и вотъ несутъ водку: не изволите ли, бабушка, пожаловать.

Отходятъ ужинать.

ИЗВѢСТIЕ.

Госпожа Луцинда пробыла у дѣтей до половины послѣдующаго дня. Дѣти хоть и старались заманить ее опять въ разговоры: но она остерегалась, да и они увидѣвъ,

дѣвѣ, что она о свѣтѣ столь же мало, какъ и о Богѣ, знаетъ, перестали ее распрашивать, а съ нетерпѣливостію дожидались матери; но госпожа Ц** не прежде, какъ чрезъ недѣлю, возвратилась. Они не преминули разсказать ей бывшее у нихъ въ саду смѣшное приключеніе, чему не меньше и она смѣялась. А какъ они по обыкновенію своему для продолженія разговоровъ своихъ въ садъ пошли, то начался у нихъ разговоръ последующей.

РАЗГОВОРЪ XVIII.

*МЕЖДУ ГОСПОЖЕЮ Ц** и ЕЯ* дѣтьми.

Г. Ц**

Ну! такъ и почла васъ бабушка старушка ваша, сумасшедшими.

ФЕОНА.

Почла сударыня, и куда это какъ смѣшно было. Не могу вспомнить, какъ бѣжала она вотъ здѣсь, по-

почти безъ памяти. Позабыла всю свою тягость, и чуть было спотыкнувшись не упала.

Г. Ц**

Ей нѣсколько сїе и простительно, и на ее много дивить не можно. Она въ первой разъ отъ роду сїе услышала: но есть люди, которые во сто разъ ее разумнѣе; но не многимъ чѣмъ ее лучше. Они будучи сами въ знанїи о свѣтѣ наивеличайшими невѣждами, не могутъ терпѣть, чтобъ и другїе о распространенїи онаго старались. И тотчасъ, невѣдомо какими, людьми тѣхъ почитаютъ, отъ которыхъ такія слова̀ услышатъ, какія вы съ вашею бабушкою говорили. Но скажитежъ мнѣ на какомъ мнѣнїи остались вы о громѣ и радугѣ? Не повѣрилиль тому, что она вамъ сказывала?

КЛЕОНЪ.

Можно ли, сударыня, повѣрить? Совсѣмъ тѣмъ нельзя же не признаться, что ее расказы насъ съ сестрицею въ превеликое любопытство привели. Мы много съ нею

о семъ послѣ того разговаривали: но какъ увидѣли, что сами о томъ ничего подлиннаго не знаемъ, то положили васъ матушка просить, чтобъ вы намъ расказать о томъ изволили.

Г. Ц**

Конечно раскажу, любезные дѣти! однако не теперь, но въ свое время, для того, что напередъ вамъ надобно много иного знать, а безъ того вамъ будетъ непонятно. Однако между тѣмъ знайте, что все то, что она вамъ ни сказывала, есть въ самомъ дѣлѣ сущій вздоръ, и нимало не походитъ на правду.

КЛЕОНЪ.

А теперь, надѣюсь, станете вы намъ сказывать обстоятельно о стихіяхъ.

Г. Ц**

Да! мой другъ. . Мнѣ необходимо надобно вамъ напередъ пересказать объ нихъ, какъ о начальнѣйшихъ вещахъ. Но матерія сія можетъ быть будетъ для васъ темно-

новата: такъ не поскучайте ею, любезныя дѣти.

ФЕОНА.

Никакъ, сударыня! мы готовы все слушать съ охотою, и помнимъ то довольно, что вы намъ однажды сказывали, что вы ничего пустого и ненадобнаго намъ сказывать не станете.

Г. Ц**

Конечно такъ! и вы въ томъ на меня положитесь, и такъ слушайтежъ, любезныя дѣти.

КЛЕОНЪ.

Извольте сударыня.

Садятся подлѣ матери на дерновое крыльцо на уступѣ:)

Г. Ц**

Прежде нежели начну я вамъ сказывать то, что до разныхъ вещей, въ свѣтѣ находящихся, касается въ особности: надобно мнѣ съ вами напередъ нѣсколько поговорить о всѣхъ ихъ вообще и изъяснить вамъ нѣкоторыя нужныя вещи, до всѣхъ ихъ во обще принадлежащія. И такъ надобно вамъ, любезные дѣти, знать, что *Матеріальной*

ріальной свѣтъ составленъ вообще изъ вещей двоякаго рода. Одни называются *тѣла* или *корпусы*, а другія *атомы* или *первоначальныя частицы*, кои въ тѣсномъ знаменованіи, какъ я вамъ говорила, называются *Стихіями* или *Элементами*.

КЛЕОНЪ.

Остановитесь, матушка, пожалуйте на часокъ... Давно изволите вы твердить частицы и тѣла: но я признаюсь, что мнѣ это какъ то не очень понятно. А особливо не знаю я, что вы *тѣлами* называете; не ужли вы про это тѣло говорите, (: *указываетъ на свое тѣло*:)

Г. Ц**

Вопросъ твой очень къ стати: потому что мнѣ прежде всего вамъ о тѣлахъ и понятіе дать надобно... Нѣтъ мой другъ, я говорю не о этомъ теперь тѣлѣ. А знайте, что тѣлами вообще называются всѣ тѣ вещи, которыя будучи изъ многихъ частей соста-

влены, могутъ раздробляемы, или опять на многія части раздѣляемы быть.

ФЕОНА.

Да такихъ вещей на свѣтѣ и много найдется?

Г. Ц**

Конечно много. Вотъ повсюду [*указывает кругомъ себя*] окружены мы тѣлами. Однимъ словомъ, весь свѣтъ составленъ наиболѣе изъ тѣлъ, и что мы видѣть и осязать можемъ, это все тѣла̀.

КЛЕОНЪ. удивившись.

Какъ, сударыня! все то тѣла̀, что мы видѣть и осязать можемъ? Да я вотъ вижу кирпичь: не ужѐ ли и онъ тѣло?

Г. Ц**

Конечно тѣло. Да ты самъ знаешь, что онъ состоитъ изъ множества песочинокъ и глины, которыя только соединены вмѣстѣ; а не меньше и то тебѣ вѣдомо, что его расколотить и опять въ пыль истолочь можно.

КЛЕОНЪ.

О! сударыня! это я знаю: номнясь, я самъ колотилъ кирпичь, и расколотилъ его въ тысячу кусочковъ.

г. Ц**

А когда онъ составленъ изъ многихъ другихъ вещей, и опять можетъ разрушенъ быть: такъ и сталъ онъ *тѣло*. Помните это, любезныя дѣти; я повторяю вамъ это нарочно въ другой разъ.

КЛЕОНЪ.

Хорошо, сударыня! но пожалуйте мнѣ скажите о деревьяхъ. Мы витъ ихъ также видимъ, слѣдовательно и они должны быть тѣла̀. Но какже, матушка! не ужѐ ли и они также составлены изъ другихъ частей? Какже мы того не знаемъ?

г. Ц**

Безсомнѣнно, мой свѣтъ! составлены изъ множества разныхъ вещей и частицъ, и притомъ наиудивительнѣйшимъ образомъ, что ты послѣ самъ узнаешь, когда

я вамъ расказывать стану о томъ, какъ деревья ростутъ.

ФЕОНА.

И это, матушка, изволите вы знать? А мнѣ, сударыня, давно хотѣлось знать, какъ это они ростутъ?

Г. Ц**

Конечно знаю, и вамъ послѣ раскажу. А теперь можете о деревьяхъ потому заключить, что они тѣла̀, что ихъ изрѣзать, изрубить и искрошить можно, или они сами сгнить и разрушиться могутъ.

ФЕОНА.

Да, это правда. Теперь я вспомнила, какъ вы намъ однажды о полѣнѣ и дровахъ сказывали, какъ они огнемъ разрушаются.

КЛЕОНЪ.

И животныя, матушка, тѣла̀? На примѣръ, вотъ это казявка, или вотъ ваша постельная собачка.

Г. Ц**

Конечно тѣла̀, и составлены изъ множества разныхъ частицъ,

которыя только наиудивительнѣйшимъ, и почти намъ непостижимымъ образомъ связаны; отъ чего они составляютъ одну вещь. Сверьхъ того знаете вы тоже и объ нихъ, что они въ мѣлкія части разрушены быть могутъ.

КЛЕОНЪ.

Ну! хорошо, сударыня! это все крѣпкія, или по крайней мѣрѣ твердыя вещи; но вода-та какже, сударыня? Ее мы видимъ и осязаемъ, и потому сказалъ бы я, что и она тѣло. Но вы знаете, что она жидка и льется, и ее какъ ни сжимай, такъ вмѣстѣ не сожмешь и не сѣютишь, и не сдѣлаешь кусочка. Я ужè много разъ пробовалъ?

Г Ц**

Совсѣмъ тѣмъ и она дѣйствительно состоитъ изъ тѣлъ; да и вся, на примѣръ, вотъ здѣсь въ сажелкѣ, однимъ тѣломъ называться можетъ; и ты можешь потому заключить, что она на мѣлкія части раздѣляется. Возми-ка

горсть

горсть ее, и брось; погляди, какЪ она разсыплется. Да вотЪ не помнишь ли ты, какЪ мы говорили номнясь о брызганьѢ? Ты самЪ видѢлЪ, на какія она мѢлкія частички раздѢляется?

КЛЕОНЪ.

Да, сударыня! это я помню, и теперь могу сказать, что она и по этому можетЪ назваться тѢломЪ. Но только все еще я вЪ сомнѢніи. Вы изволили говорить, что всѢ тѣла̀ состоятЪ изЪ частей между собою связанныхЪ: но вода-та, сударыня, знать не имѢетЪ между собою никакой связи, что она такЪ разсыпается.

Г. Ц**

НикакЪ, мой свѢтЪ! и самая вода имѢетЪ между своими частичками, изЪ которыхЪ она составлена, связь: но только связь сія отмѢнная отЪ той, какая вЪ другихЪ тѢлахЪ находится. ПримѢчайте это, любезныя дѢти! тѢла̀ хотя всѢ имѢютЪ то общее свойство, что они состоятЪ изЪ

многихъ другихъ частицъ, которыя между собою связаны: но сія связь между оными частичками не во всѣхъ тѣлахъ одинакая, но весьма многоразличная. У иныхъ она твердая и крѣпкая; у иныхъ она не такова тверда и слабѣе; а у третьихъ наконецъ очень слабая, непримѣтная, и такая, что очень легко можетъ быть уничтожена.

ФЕОНА.

По этому, сударыня, и разрушать сію связь въ иныхъ тѣлахъ скорѣе и легче можно, а въ другихъ ужѐ труднѣе, и не таково способно?

Г. Ц**

Конечно, моя радость! и ты это очень разумно заключила; а чтобъ вамъ лучше можно было видѣть, то докажу я вамъ то и примѣрами.

Встаетъ, и идетъ къ ѣсажелкѣ, выбираетъ два камышка, одинъ крѣпкой, а другой дресвяной; да еще кусочикъ засохшей глины, и приноситъ къ дѣтямъ.

По-

Посмотрите, любезные дѣти! вотъ два камышка. Оба они составлены изъ безчисленнаго множества частей: но связь между сими частями у нихъ не одинакая. Вотъ у этого камышка (*показыпаетъ имъ крѣпкой.*) она очень твердая и крѣпкая. Она такъ тверда, что этотъ камышекъ и обухомъ не расколотишь.

КЛЕОНЪ.

Конечно, сударыня, не расколотишь: я ужѐ не однажды ихъ каменями расколачивалъ, но никакъ ихъ не расколотишь. Этѣ камышки я знаю.

Г. Ц**

Ну! посмотритежъ теперь: вотъ на этотъ другой камышекъ] *показыпаетъ имъ дреспяной.*) онъ такой же кажется, какъ и тотъ: но связь между его частями не такова ужѐ крѣпка. Вотъ поглядите, я его этимъ же камышкомъ при васъ расколочу. [*Раздробляетъ его другимъ камнемъ:*)

ФЕОНА.

Да: матушка! теперь мы, сударыня, видимъ. (*беретъ кусочки въ руки и разсматриваетъ*:) Посмотри, братецъ, какой хорошенькой этотъ камень въ серединѣ. А! матушка! не этѣ ли, сударыня, и частички, изъ которыхъ онъ составленъ; посмотрите, вотъ какія мѣленькія звѣздочки.

Г. Ц**

О! нѣтъ, моя радость! это далеко еще: не тѣ первыя частички, о которыхъ я вамъ давича упомянула. Это, правда, его части: но сіи части опять изъ другихъ частей состоятъ, и еще гораздо мѣльче раздроблены быть могутъ.

КЛЕОНЪ.

А этотъ кусочикъ глинки на что вы, сударыня, въ рукахъ держать изволите?

Г Ц**

На то, мой свѣтъ, чтобъ показать вамъ, что тутъ связь частей еще слабѣе. Вотъ видите, любезные дѣти! это вить такое же

тѣ-

тѣло, составленное изъ множества песочинокъ, которыя только между собою связаны. Но связь сія очень слабка, и такъ слабка, что я ее пальцами разрушу; поглядите, (*раздаплипаетъ кусочикъ:*)

ФЕОНА.

О! сударыня. Это прямое и очевидное доказательство!

Г. Ц**

А симъ образомъ и о всѣхъ твердыхъ тѣлахъ заключать вамъ надобно. Теперь пойдемъ далѣе! я вамъ раскажу, что вамъ еще о сей внутренной связи въ тѣлахъ примѣчать слѣдуетъ. Въ давишнемъ камышкѣ всѣ частички связаны между собою наитвердѣйшимъ образомъ; почему я хотя его и расколотила, но не весь въ дребезги; а онъ разкочился только штукъ на пять или на шесть; слѣдовательно въ сихъ штучкахъ связь осталась все еще непоколебима, и каждая изъ нихъ составляетъ опять цѣлое тѣло.

КЛЕОНЪ.

Конечно, сударыня. И ихъ развѣ опять колотить и разбивать.

Г. Ц**

Напротивъ того въ другихъ тѣлахъ связь сія не такова, и частички не таково крѣпко, но отмѣннымъ и такимъ образомъ между собою связаны, что легко могутъ двигаться и подаваться. Однако совсѣмъ тѣмъ равно, какъ другъ къ другу чѣмъ прилѣплены, и такъ плотно, что ихъ совершенно другъ отъ друга отдѣлить не можно. И для того ежели такое тѣло рукою давить станешь, такъ частички не разсыпаются, но между собою только подаются, и даютъ мѣсто пальцу, и такія тѣла̀ называются *мягкія*.

ФЕОНА.

А! матушка! отъ того-то они мягки?

Г. Ц**

Отъ того-то моя радость! а ежели хотите то видѣть изъ примѣра, то я вамъ скоро покажу.

Изъ

Изъ таковыхъ-то связанныхъ частичекъ состоятъ по большой части тра́вы, и тысячи иныхъ мягкихъ вещей, да короче, вотъ самое тѣло наше такое-то.

КЛЕОНЪ. давитъ себѣ икру на ногѣ.

Да, сударыня! это вы изволите правду говорить; того-то мнѣ никогда не приходило въ голову.

ФЕОНА.

По этому, сударыня, и кофточка моя, и прочее платье изъ такихъ-то тѣлъ состоитъ.

г. Ц**

Изъ такихъ, моя радость! а отъ того оно и мягко. Но теперь примѣчайте, любезныя дѣти, третье генеральное различіе между сею связью частичекъ. Въ мягкихъ тѣлахъ они хотя слабо между собою связаны, однако другъ отъ друга не скоро отдѣлиться могутъ: напротивъ того въ иныхъ тѣлахъ они не только чрезвычайно слабо между собою связаны, но и скоро и весьма легко другъ

отъ друга отстать и отдѣлены быть могутъ. Въ сихъ они равно какъ другъ съ другомъ слѣплены и солнульись: но при малѣйшемъ движенiи могутъ отставать и отдѣляться. И таковыя то тѣла̀ называются всѣ *жидкими* или *текущими*.

КЛЕОНЪ.

А! матушка: по этому такая-то вода-та сударыня, и потому то она жидка.

Г. Ц**

Потому-то, мой другъ! а не только вода, но и всѣ прочiя жидкiя вещи, на примѣръ, масло деревянное, орѣховое, маковое, миндальное, коноплянное, молоко, и прочее. И ежели хотите, такъ я вамъ и покажу какъ частички сiи сливаются, и опять разрушаются. Вотъ пойдемъ къ сажелкѣ.

Приходитъ къ сажелкѣ, обмакиваетъ палецъ въ воду, накапываетъ на ладонь одну капельку, и говоритъ:

Вотъ

Вотъ смотрите дѣти! это одна капелька. Она состоитъ изъ множества частичекъ. Вотъ я возьму другую капельку: [*обмакаетъ опять палецъ, и наносить другую каплю:*] и опущу на первую. Вотъ не успѣла она дотронутся до первой, какъ стекаются они вмѣстѣ, и всѣ частички перемѣшавшись между собою слипаются, и составили ужè тотчасъ одно тѣло. Но каково скоро и легко они сольнулись, таково скоро и способно они опять другъ отъ друга отдѣлены быть могутъ. Вотъ посмотрите. [*раздаплипаетъ пальцомъ каплю:*] гдѣ теперь капелька?

КЛЕОНЪ.

Ихъ, матушка, она пропала! а я было сталъ только на нее смотрѣть, и мнѣ пришло было многое въ голову, о чемъ я васъ спросить хотѣлъ. Но куда же, сударыня, частички составляющія прежде тѣло капельки дѣлись?

Г. Ц**

Они разсыпались теперь по моей ладони, отъ чего видите вы теперь она мокра, и точно такъ, какъ бы, на примѣръ, взяла я кусочикъ ссохшагося песку и его раздавила.

ФЕОНА.

Ахъ! какъ это мудрено, сударыня! признаюсь, что до сего времени я сего не вѣдала.

КЛЕОНЪ.

А меня матушка завели вы въ превеликое любопытство. О! сколько вещей хочется мнѣ знать и васъ о томъ спрашивать!

Г. Ц**

Не то еще будетъ, любезныя дѣти! дай-ка намъ подалѣе разговориться о натуральныхъ вещахъ, вы увидите чудеса чудесъ.

ФЕОНА.

И это, сударыня, мудрено, и въ удивленiе привесть можетъ?

Г. Ц**

Я вамъ сказываю, любезныя дѣти, что вы не столько еще

у-

удивитесь. Но теперь станемЪ продолжать свою рѣчь. И такЪ помните вы, что всѣ тѣла на свѣтѣ раздѣляются на *твердыя*, *мягкія*, и *жидкія*, и сему различію не что иное, какЪ разная связь ихЪ частичекЪ причиною.

КЛЕОНЪ.

Но пожалуйте, матушка, намЪ скажите: чѣмЪ же такимЪ сіи частички между собою толь многоразличнымЪ и удивительнымЪ образомЪ связаны. Мнѣ, сударыня, нетерпѣливо сіе знать хочется.

Г. Ц**

О! мои любезныя дѣти! это великое дѣло, и составляетЪ наивеличайшее и такое таинство натуры, изЪ котораго всего болѣе премудрость Зиждителева видима.

КЛЕОНЪ.

И никто, сударыня, того не знаетЪ?

Г. Ц**

Совершенно и точно, того можно сказать, что ни одинЪ человѣкЪ на свѣ-

свѣтѣ не знаетъ; да и врядли когда нибудь человѣческой разумъ все касающееся до того пункта постигнуть можетъ. Однако нельзя же того сказать, чтобъ человѣческой разумъ многаго ужѐ изъ того не узналъ. Много ужѐ мы отчасти чрезъ опыты, отчасти по догадкамъ знаемъ. Но жаль, что вы еще малы, и мнѣ въ самую подробность о томъ входить съ вами не можно. Когда выростете болѣе, такъ я вамъ раскажу все, что я до сего касающагося знаю.

КЛЕОНЪ.

Ахъ какое горе! Для чего я не великъ! но по крайней мѣрѣ не можно ли вамъ что нибудь намъ о томъ сказать?

Г. Ц**

Что можно вамъ понять, то я и безъ того сказала бы. И такъ будьте довольны въ семъ случаѣ тѣмъ, когда я вамъ скажу, что сія связь между частичками происходитъ отчасти отъ самихъ ихъ,

или

или отЪ разныхЪ ихЪ фигурЪ и свойствЪ, отчасти же отЪ посторонныхЪ причинЪ.

КЛЕОНЪ.

КакЪ, это матушка! я не понимаю.

Г. Ц**

ВотЪ, ты самЪ видишь, сколь понятіе твое еще коротко; однако, сіе мнѣ тебѣ растолковать можно. Я говорю, во первыхЪ отЪ самихЪ ихЪ: ибо надобно тебѣ, мой другЪ, знать, что первыя частички, изЪ которыхЪ всѣ тѣла̀ составлены, и которыя, помнишь ты, называла я стихіями, или лучше сказать, атомами между собою, созданы премудрымЪ нашимЪ ТворцемЪ неодинаковыми, но весьма многоразличными.

КЛЕОНЪ.

КакимижЪ, сударыня?

Г. Ц**

Точно какими, того мы подлинно знать не можемЪ; для того, что они чрезвычайно малы, и намЪ ихЪ усмотрѣть никоимЪ образомЪ не можно. Однако по мно-

многимъ примѣчаніямъ съ достовѣрностію можемъ заключить, что они различны и неодинаковаго подобія; какъ на примѣръ: иныя круглыя, иныя гладкія, иныя шароховатыя, иныя равно какъ узелками; иныя твердыя, иныя мягкія, третьи упругія или такія, что могутъ сжиматься, и опять раздаваться: Наконецъ иныя темныя и непрозрачныя, другія прозрачныя и нашимъ глазамъ невидимыя. А отъ сего различія и проистекаетъ то, что естьли много ихъ вмѣстѣ совокуплены будутъ: то иныя сами собою могутъ ужъ другъ съ другомъ слипаться, и нѣкоторымъ образомъ больше, или меньше связываться; а другія, какъ на примѣръ, совсѣмъ круглыя, того не могутъ. Понимаете ли вы это, любезныя дѣти? Ежели не понимаете, то докажу вамъ какимъ нибудь примѣромъ?

КЛЕОНЪ.

Понимаемъ, сударыня: однако не худо, естьлибъ вы намъ изволили доказать примѣромъ.

Г. Ц**

Хорошо, мой другЪ! ВозмемЪ себѢ вЪ примѢрЪ какія нибудь побольше вещи; [думаетЪ:] да вотЪ, на примѢрЪ, рѢпныя и морковныя сѢмена. НадѢюсь вы видали ихЪ у нашего садовника?

КЛЕОНЪ.

КакЪ, сударыня, не видать! Первыя такія еще кругленькія. А послѢднія все еще сЪ зазубринами.

Г. Ц**

Изрядно! . . . ТакЪ представимЪ же себѢ, чтобЪ это были первыя частички двухЪ разныхЪ родовЪ, и станемЪ изЪ нихЪ дѢлать тѢла. Возми напередЪ рѢпныя сѢмена, и отвѢдай, можно ли тебѢ сЪютить ихЪ такЪ вмѢстѢ, чтобЪ изЪ нихЪ составился комочикЪ.

КЛЕОНЪ.

Кто, сударыня, ихЪ сЪютитЪ! они все будутЪ разсыпаться.

Г. Ц**

А отЪ чего? . . Вить отЪ того, что они всѢ круглыя и глад-

гладкія.... Но возьмижъ ты морковныя сѣмена, и отвѣдай тоже.

КЛЕОНЪ.

Сіи мнѣ кажется сѣютить, и комочикъ сдѣлать изъ нихъ можно. Они и безъ того все кучками лежатъ, и пристаютъ другъ къ другу.

Г. Ц**

Конечно можно: для того, что они равно какъ съ крючками и зазубринами, которыми они другъ за друга прицѣпляются сами, и одни другихъ держатъ. А такимъ-то образомъ и первыя частички нѣкоторыхъ тѣлъ могутъ ужè сами собою нѣкоторымъ образомъ связываться и составлять тѣлà.

ФЕОНА.

Такъ! матушка, истинно такъ: теперь и я ужè вижу, и совершенно понимаю, какъ это бываетъ. Ахъ! какой это прекрасной примѣръ! Это все равно, какъ набрать горсти двѣ репейника или собачекъ, что пристаютъ къ пла-

платью: бить и они также другъ съ другомъ сольнутся?

г. Ц**

Конечно сольнутся: и этотъ примѣръ еще лучше перваго, и яснѣе вамъ доказать можетъ, какъ частички сами собою связываться могутъ.

КЛЕОНЪ.

И въ самомъ дѣлѣ этотъ еще лучше: я однажды превеликой комъ изъ нихъ налѣпилъ. Однако это толькожъ такими частичками быть можетъ, которыя, на примѣръ, подобны морковнымъ сѣменамъ и репейнику съ зазубринами. А изъ круглыхъ-то какже, сударыня, тѣла̀ дѣлаются. Развѣ изъ нихъ тѣла̀ не могутъ быть?

г. Ц**

Нѣтъ, могутъ: но ужѐ не такимъ, а разными другими образами. На примѣръ во первыхъ положимъ, чтобъ сіи кругленькія частички были сами собою клейки, и моглибъ другъ къ другу прилипать: то разсуди,

не

не моглиль бы они также сольнувшись составить комочикъ или тѣло?

КЛЕОНЪ.

Да, сударыня, это правда: Мнѣ вспомнилось теперь объ одномъ случаѣ, которой можетъ тому примѣромъ быть. Нынѣшнею весною случилось мнѣ однажды быть въ саду подлѣ нашего садовника, и смотрѣть, какъ онъ прививки прививаетъ. Тутъ лежала подлѣ его прививочная смола. Я ее схватилъ, и признаюсь, нáчалъ дурить. Я капалъ изъ ней маленькія шарики, и клалъ другъ на друга въ кучку, наконецъ хотѣлъ было ихъ взять: погляжу, они все сольнулись вмѣстѣ. И какая это прекрасная фигурка сдѣлалась! внутри все дырочки и скважины, ибо шарики одними только боками другъ къ другу и то понемножечку прильнули. Я долго на нихъ смотрѣлъ и дивился, какъ они держатся, покуда наконецъ садовникъ спросилъ смолу, и ихъ отнялъ у меня. Г.

г. Ц**

Вотъ точно примѣръ, мой другъ! и хорошо, что ты это вспомнилъ. А изъ сего можешь ты заключить, что подобнымъ сему образомъ и первыя круглыя частички могутъ быть липкими, и другъ къ другу прилипать: ибо Всемогущему Богу ничто не мѣшало создать ихъ такими, и снабдить ихъ симъ ужѐ свойствомъ.

КЛЕОНЪ.

Конечно такъ, сударыня! но естьлибъ они были не такія, и не моглибъ другъ къ другу прилипать: то какже тутъ имъ другъ съ другомъ соединяться?

г. Ц**

Можно и тутъ, но только ужѐ надобно посторонним какимъ нибудь и другимъ вещамъ ихъ связывать, или соединенію ихъ поспѣшествовать; и сіе-то вамъ во вторыхъ примѣчать надобно.

КЛЕОНЪ.

Какъ это такъ, сударыня?

Г. Ц**

А вотъ какъ, мой свѣтъ! Это можетъ разными образами происходить. Возмемъ, на примѣръ, давишныя рѣпныя сѣмена, или на примѣръ гороха, и положимъ, чтобъ его какія нибудь другія тѣлà сжимали вмѣстѣ, на примѣръ, ухватимъ его въ горсть и сожмемъ крѣпко, или насыплемъ рѣпныхъ сѣменъ въ сію табакирку, или въ хрустальной стаканъ; вить не будутъ ли они тамъ лежать въ кучкѣ, и составлять изъ себя тѣло?

ФЕОНА.

Конечно, сударыня, будутъ. Стаканъ ихъ не пуститъ разсыпаться.

Г. Ц**

Ну! представьтежъ себѣ, чтобъ стаканъ представлялъ другія тѣлà, которыя бы такимъ же образомъ снаружи ихъ сжимали: такъ не будутъ ли они также держаться вмѣстѣ, или короче сказать. Возмемъ шапку орѣховъ, и по-

положимъ въ закромъ овса въ самую середину. Не будутъ ли орѣхи тамъ лежать въ кучкѣ будучи овсомъ со всѣхъ сторонъ сжимаемы?

ФЕОНА.

Конечно, сударыня, будутъ; и теперь видимъ, что симъ образомъ безсумнѣнно могутъ изъ круглыхъ частичекъ дѣлаться тѣла̀.

Г. Ц**

А какимъ образомъ изъ круглыхъ, такимъ же образомъ могутъ они составляться и изъ другихъ частичекъ, которыя бы не круглую, но на примѣръ продолговатую, четвероугольную, плоскую или иную какую имѣли фигуру, съ тѣмъ только весьма важнымъ и надобнымъ примѣчаніемъ, что чѣмъ бока̀ ихъ другъ съ другомъ въ множайшихъ пунктахъ будутъ прикасаться, тѣмъ они плотнѣе и тверже лежать могутъ.

КЛЕОНЪ.

Какъ это, матушка? Я сударыня, не гораздо это понимаю?

Пожалуйте изъясните мнѣ сіе нѣсколько болѣе?

г. Ц**

А вотъ какимъ образомъ, мой другъ! Ежели круглое какое тѣло сложить съ другимъ круглымъ, на примѣръ орѣхъ съ орѣхомъ, или горошинку съ другою: то не одною ли они почти точкою, или немногимъ, и такъ сказать, чуть только другъ къ другу прислоняются; такъ какъ ты самъ давича о смоляныхъ шарикахъ говорилъ; слѣдовательно, какъ ихъ плотно ни укладывать, но всегда одними только бочка́ми они другъ къ другу прикасаться будутъ; а отъ того и не могутъ они лежать плотно и твердо: но тотчасъ развалятся, естьли ихъ станешь въ крутую кучку класть. Напротивъ того естьли тѣла̀ некруглыя, а бока̀ имѣютъ плоскія: то натурально они плотнѣе другъ къ другу лягутъ: на примѣръ; представь

ставь ты себѣ нѣсколько маленькихъ кирпичиковъ.

КЛЕОНЪ.

О сударыня! теперь это я разсудилъ. Конечно плотно, и можно ихъ такъ укласть, что никакой скважинки между ими не будетъ. Мнѣ вспомнилось теперь, какъ я однажды смотрѣлъ на нашу плиту, на которой краски трутъ; удивился еще, какъ это такъ плотно ложится на ней курантикъ.

Г. Ц**

Да! вотъ это изрядной примѣръ, изъ чего ты можешь самъ усмотрѣть, что курантикъ къ плитѣ всѣмъ своимъ бокомъ прикасается. Теперь примѣчайте, любезныя дѣти, чѣмъ бокà у котораго тѣла глаже, тѣмъ и плотнѣе они другъ съ другомъ ложиться, и тѣмъ въ множайшимъ пунктахъ другъ до друга дотрогиваться могутъ. Помните это, любезныя дѣти! до сего примѣра впредь

будетъ намъ часто доходить дѣло.

КЛЕОНЪ.

Очень хорошо, сударыня; я конечно не позабуду.

Г. Ц**

Вотъ теперь слышали вы, какъ изъ круглыхъ и другихъ тѣлъ могутъ дѣлаться тѣла̀. Но сїе еще не все, любезныя дѣти! Они могутъ и другимъ образомъ дѣлаться; на примѣръ: накладемъ изъ давишныхъ орѣховъ кучку. Вить какъ ихъ ни укладывать плотно, но между ими все будутъ скважины и щели?

ФЕОНА.

Конечно, сударыня, будутъ.

Г. Ц**

Но накатаемъ же мы теперь изъ давишной прививочной смолы маленкихъ и такихъ катышковъ, которые бы могли пройтить въ скважины между орѣховъ. Насыплемъ ими всѣ сїи скажины, и пожмемъ немного орѣхи. . . Скажите, что

что воспослѣдуетъ? Не сольнутся ли они всѣ въ кучку, и не сдѣлается ли изъ нихъ комокъ или тѣло?

КЛЕОНЪ.

Какъ, сударыня, не сдѣлаться! они сольнутся такъ, что, ихъ хотя бросай, такъ они не развалятся.

Г. Ц**

А такимъ-то образомъ могутъ и изъ первыхъ круглыхъ частичекъ составиться тѣла, естьли они будутъ перемѣшаны съ другими липкими. А то же, или похожѣе на то, можетъ быть, естьли они перемѣшаны будутъ и съ такими, кои бы, на примѣръ, были съ зазубринами. На примѣръ, положимъ съ давичными морковными сѣменами, чтобъ перемѣшаны были рѣпныя или другія какія. Такъ первыя, связываясь другъ съ другомъ, будутъ между собою держать и круглыя.

КЛЕОНЪ.

О! сударыня! это я видѣлъ въ самомъ дѣлѣ. У садовника на-

шего перемѣшались какъ то морковныя сѣмена съ горчичными, и онъ, невѣдомо, сколько труда имѣлъ для отдѣленія ихъ, и принужденъ былъ по зернышку выбирать.

Г. Ц**

Симъ то, или подобнымъ сему образомъ связаны, и связываются всѣ тѣла на свѣтѣ. Одни тѣла связываютъ другихъ; а тѣ совокупно третьихъ. Иныя связаны собственно сами собою; другія снаружи посторонними тѣлами держатся въ своемъ соединеніи; третьихъ связываютъ во внутренности постороннія и другія тѣла, и такъ далѣе. Однимъ словомъ, ни въ чемъ такъ премудрость Зиждителя не очевидна, какъ въ семъ случаѣ. Всѣ вещи на свѣтѣ, другъ друга держатъ, сжимаютъ, связываютъ движутъ, сохраняютъ въ цѣлости, или разрушаются. И все точное внутреннее устроеніе одному только Богу, какъ Устроителю, извѣстно.

но. А человѣческой разумъ хотя и много ужѐ знаетъ, но во все проникнуть далеко не въ состоянiи. Какъ на примѣръ, есть и въ разсужденiи давишней связи многiя тѣла̀, коихъ во внутреннюю связь мы никакъ проникнуть, и до тѣхъ добраться неможемъ, которыми сiи тѣла̀ связаны; и потому другова не остается заключать, что есть еще нѣкоторая особая и такая между первоначальными частицами связь, которая единому Богу извѣстна.

КЛЕОНЪ.

О сударыня! это подлинно удивително, и вы правду говорили, что изъ натуральныхъ вещей намъ всего яснѣе премудрость Божескую усмотрѣть можно.

Г. Ц**

Вы еще самое малое начало, любезныя дѣти, видѣли; но тогда конечно вы не то еще скажете, когда нѣсколько подробное о ве-

ликой многоразличности тѣлъ, находящихся въ свѣтѣ, и о чудномъ ихъ между собою сопряженіи услышите. Но теперь надобно бы мнѣ вамъ еще нѣсколько словъ о той же связи сказать. Я вамъ подала только объ ней нѣкоторое общее понятіе, и изъяснила примѣрами, дабы вы по крайней мѣрѣ знали, какъ сія связь бываетъ. Но какія бы собственно посторонныя тѣла наиболѣе на сію связь премудрымъ Создателемъ употреблены были и употребляются, того еще вы не слыхали.

КЛЕОНЪ.

О сударыня! это я давича хотѣлъ у васъ ужѐ спрашивать, но не посмѣлъ вамъ помѣшать.

Г Ц**

Но добро, дѣти! объ этомъ поговоримъ ужѐ завтра, а севодни видите ужѐ поздно. Между тѣмъ не позабудьте только всего того,

что вы отъ меня сего дня слыша-
ли, и на чемъ мы остановились.

КЛЕОНЪ.

Что касается до меня: то я вѣрно не позабуду ни одного почти вашего сло́ва. Мнѣ очень какъ-то все сїе полюбилось.

ФЕОНА.

А и мнѣ, матушка, матерїя сїя была прїятна, и ни мало нескучна.

Г. Ц**

Радуюсь, мой свѣтъ! что она вамъ понравилась, тѣмъ охотнѣе и я буду впредь продолжать, и тѣмъ полезнѣе для самихъ васъ она будетъ.

РАЗГОВОРЪ XIX.

*МЕЖДУ ГОСПОЖЕЮ Ц** и ЕЯ* дѣтьми.

Г. Ц** Пришедъ въ обыкновенное время въ садъ съ дѣтьми.

Чтожъ, любезныя дѣти! не позабыли ли вы вчерашняго? И помните ли на чемъ мы остановились?

КЛЕОНЪ.

Какъ, сударыня, позабыть! Я нарочно старался повторить въ памяти моей все то, что вы сказывать изволили; и ежели угодно, то раскажу вамъ вкратцѣ въ чемъ нашъ вчерашней разговоръ содержался.

Г. Ц**

Очень хорошо, мой другъ! такъ всегда и надобно дѣлать.

Изо

Ибо чрезъ то лучше затвердится въ памяти, и не такъ скоро позабудется. Ну! послушаемъ же, о чемъ такомъ мы говорили.

КЛЕОНЪ.

Вы, сударыня, изволили говорить съ нами о тѣлахъ. Изъясняли намъ, что такое тѣла̀, какое въ связи внутреннихъ ихъ частей различіе, отъ чего иныя тверды, другія мягки, а третьи жидки. А послѣ изъясняли намъ, какъ рачличны частички ихъ составляющія, и какимъ разнымъ образомъ они другими частичками, и тѣлами могутъ быть связываемы.

Г. Ц**

Такъ, мое сердце! а остановились мы на чемъ?

ФЕОНА.

Это дозвольте ужѐ мнѣ сказать. И я не меньше братцова

все помнила. Остановились мы, сударыня, на томъ, что вы хотѣли намъ сказывать, какія бы собственно тѣ посторонния вещи и тѣла̀ были, которыми наиболѣе тѣла̀ связаны и связываются, ибо сего мы еще не слыхали.

г. Ц**

Такъ моя радость! начнемъ же теперь говорить.

КЛЕОНЪ.

Извольте, сударыня. А мы будемъ охотно слушать [*садятся подлѣ матери въ полубесѣдкѣ листвяной.*]

г. Ц**

И такъ вѣдайте, мои любезныя дѣти, что на всю связь тѣлъ изъ постороннихъ тѣлъ употреблены и употребляются премудрымъ Создателемъ наиболѣе тѣ стіхіи, которыя у насъ подъ именемъ огня, воздуха, воды̀ и земли̇ извѣстны.

КЛЕ-

КЛЕОНЪ. удивившись.

Какъ это, сударыня, огонь и воздухъ тутже?

Г. Ц**

Да, мой свѣтъ! что тебѣ такѣ удивительно?

КЛЕОНЪ.

Какъ, сударыня, не дивиться! Вы изволите говорить изъ посторонникъ тѣлъ, такъ не ужѐ ли и огонь и воздухъ тѣла̀?

Г. Ц**

Конечно тѣла̀; и ты узнаешь самъ послѣ и повѣришь, когда мы объ нихъ подробно говорить станемъ.

КЛЕОНЪ.

О! сударыня, въ этомъ-то бы я ужѐ никому не повѣрилъ, естьлибъ не вы мнѣ то сказывать изволили.

ФЕОНА.

А мнѣ, сударыня, всего чуднѣе, чтобъ сіи вещи могли что

нибудь связывать. Казалося бы, какѣ огню, воздуху и водѣ что нибудь связать? Первой бы скорѣе сжечь могѣ, а вода бы только намочить могла.

Г. Ц**

Но какѣ вамѣ ни удивительно: но это правда. Сіи вещи не только большую часть тѣлѣ связываютѣ и содержатѣ, но нѣкоторыя изѣ всѣхѣ сихѣ стихій наиболѣе и состоятѣ. А не менѣе того надобно знать, что самыя сіижѣ стихіи и кѣ разрушенію находящейся вѣ тѣлахѣ связи употребляются и способствуютѣ.

КЛЕОНЪ.

Это еще и того чуднѣе, матушка! Куда бы я хотѣлѣ, сударыня, чтобѣ вы намѣ это какимѣ нибудь примѣромѣ изъяснить изволили!

Г. Ц**

Для чего не изъяснить! . . Я вамѣ изъясню и то, а послѣ и другое;

гое; и для изъясненія перваго возьму такой примѣръ, которой ты довольно знаешь. Ты вить ходишь смотрѣть, какъ у насъ кирпичи дѣлаютъ, и видалъ все, что ни дѣлаютъ при томъ?

КЛЕОНЪ.

Конечно, сударыня, видалъ, и могу сказать, что по нуждѣ могъ бы самъ кирпичь совсѣмъ сдѣлать.

г. Ц**

Ну! хорошо мой другъ! этотъ кирпичь тебѣ все и докажетъ. Разсмотримъ все производство сей работы. Скажижъ ты мнѣ, какъ бы ты сталъ кирпичь дѣлать и изъ чего?

КЛЕОНЪ.

Мнѣ надобно напередъ глина и песокъ.

г. Ц**

Ну! это такія вещи, изъ коихъ кирпичь состоять будетъ, или въ нѣкоторомъ рузумѣніи его части. Поло-

положимъ теперь, чтобъ этотъ песокъ самой былъ сухой, а и глина бы не мокрая и сухая и толченая. Что бы ты сталъ дѣлать, и какимъ образомъ сталъ бы ихъ съючивать вмѣстѣ, и дѣлать кирпичь.

КЛЕОНЪ.

Я бы, сударыня, положилъ глину и песокъ въ творило, велѣлъ бы влить воды, и потомъ мять.

Г. Ц**

Да на чтожъ бы ты велелъ влить воды?

КЛЕОНЪ.

Да какъ же, сударыня, начто? Безъ нее никакъ не можно. Сухой песокъ и глина не съютится; надобно глину размочить, а безъ того какъ ихъ сомнешь. Они все разсыпаться станутъ.

Г. Ц**

Слава Богу! вотъ одна стихія уже есть, безъ которой обойтиться

ся

ся не можно. Изъ сего не видишь ли Клеонъ! что и одна вода можетъ ужѐ между пескомъ и глиною сдѣлать нѣкотораго рода связь. Песокъ и глина смѣшавшись съ водяными частичками ужѐ не станетъ разсыпаться, и изъ нихъ сдѣлается тѣло. Но тѣло все еще не твердое, а мягкое; изъ чего видно, что связь сія не очень крѣпкая, и частички еще все между собою подаются такъ, какъ я вчера вамъ сказывала.

КЛЕОНЪ.

Да! сударыня: это такъ; и вы правду изволите говорить, что частички подаются. Я это помню, что какъ станутъ дѣлать кирпичь, то глину можно, какъ хочешь, сгибать и убивать. Она все подается.

Г. Ц**

Ну! посмотримъ же далѣе; чтобъ ты сталъ съ кирпичомъ дѣлать?

КЛЕОНЪ.

Я бы, сударыня, сдѣлавши кирпичь, положилъ его въ покрытой сарай.

Г. Ц**

Да на чтожъ бы ты это сдѣлалъ?

КЛЕОНЪ.

Для того, сударыня, чтобъ онъ обчяхъ и высохъ на вѣтрѣ.

Г. Ц**

Славa Богу! вотъ ужѐ другая стихія, то есть, воздухъ, безъ котораго обойтиться не можно. Ты самъ теперь скажи, отъ чего мягкой кирпичь сдѣлается чрезъ нѣсколько времени, полежавъ въ сараѣ, твердымъ, не отъ воздуха ли?

КЛЕОНЪ.

Да! сударыня, отъ воздуха.

Г. Ц**

Ты говоришь отъ воздуха, но не знаешь. Но я тебѣ, мой свѣтъ! скажу:

скажу: кирпичь твой отъ того болѣе мякокъ, что водяныхъ частицъ положено было въ глину съ лишкомъ много, и болѣе, нежели для союза глиняныхъ частицъ и песка между собою было надобно. Но какъ ты положишь на воздухъ: то наружной воздухъ по свойству своему всѣ излишнія водяныя частички изъ кирпича вытянетъ въ себя, и на мѣсто того самъ входитъ, и дѣлаетъ связь между глиною и пескомъ гораздо тверже. Всѣ частички между собою свяжутся крѣпче, и не будутъ ужѐ подаваться; а отъ того пропадетъ и мягкость, но ужѐ кирпичь сдѣлается ломокъ, хотя не гораздо еще крѣпокъ. Но чтожъ бы ты послѣ того съ кирпичомъ своимъ сталъ дѣлать?

КЛЕОНЪ.

Я бы, сударыня, положилъ его въ обжигательную печь, и порядочно бы обжегъ: и тогда бы онъ у меня былъ ужѐ готовъ.

Г-

Г. Ц**

Слава Богу! настоящую твердость твоему кирпичу долженъ дать огонь. Ну! чтожъ иное это значитъ, какъ не то, что огненныя частички при обжижкѣ входятъ въ промежутки глиняныхъ и песочныхъ частичекъ, и связь между оными дѣлаютъ наитвердѣйшею, и такою, что кирпичь сдѣлается твердостію своею подобенъ камню. И такъ не всѣ ли четыре стихіи въ кирпичѣ твоемъ имѣютъ участіе?

КЛЕОНЪ.

Такъ, сударыня, и теперь ужѐ я не могу сомнѣваться, видя такой очевидной примѣръ.

ФЕОНА.

А я, матушка, невѣдомо, съ какимъ любопытствомъ вашъ разговоръ съ братцомъ слушала. И куда какъ мнѣ этотъ примѣръ по-

любился. Ужъ не однажды я думала, и сама себѣ говорила. Вотъ сколько разъ и сама я видала, какъ кирпичи дѣлаютъ; а того, что теперь я слышу, мнѣ и на умъ не приходило. Я смотрѣла безъ всякаго примѣчанія; а теперь, естьли случится, буду ужѐ съ лучшимъ любопытствомъ на все смотрѣть.

Г Ц**

Такимъ образомъ, любезныя дѣти, сей примѣръ довольно вамъ доказалъ, что огню, воздуху и водѣ, тѣла̀ связывать можно. И такъ не сумнѣвайтесь вы въ томъ, и вѣдайте, что многія тѣла̀, и дѣйствительно, либо всѣми сими стихіями, либо нѣкоторыми изъ нихъ, одною которою нибудь изъ нихъ, связаны, связываются, и въ своей фигурѣ и твердости содержатся; къ чему однако въ разсужденіи другихъ тѣлъ, многія и другія вещи помогаютъ, какъ вы о томъ послѣ услышите. А теперь разрѣшу и вто-

второе ваше сомнѣніе, и докажу, что самыми симижъ стихіями въ нѣкоторыхъ тѣлахъ внутренняя между частичками оныхъ связь и разрушается или разрушена быть можетъ.

ФЕОНА.

Очень хорошо, сударыня!

КЛЕОНЪ.

А я съ крайнимъ любопытствомъ буду слушать.

Г. Ц**

Для яснѣйшаго доказательства, что стихіями связь и въ самыхъ крѣпчайшихъ тѣлахъ можетъ разрушена быть, предложу вамъ какой нибудь знакомой же вамъ примѣръ. Посмотрите вотъ на этотъ камень, что здѣсь лежитъ, Кажется, на что, его ужѐ крѣпче; не только обухомъ, но и долбнею его не расколотишь. Но положить его только въ огонь, и хорошенько, пожечь, такъ онъ самъ у насъ раз-

разсыплется. Не видали ли вы, какъ намнясь у насъ известь жгли.

КЛЕОНЪ.

Какъ, сударыня, не видать; я часто туда хаживалъ.

Г. Ц**

Ну! такъ вотъ тебѣ точной примѣръ. Это были точно, такія же каменья, какъ этотъ, которыми тогда всю печь наклали; съ ними болѣе ничего не дѣлали, какъ нѣсколько дней сряду, и до тѣхъ поръ жгли, покуда они всѣ раскалились, и, какъ огонь, красны сдѣлались, потóмъ дали имъ остыть.

КЛЕОНЪ.

Но чтожъ, матушка? Я видѣлъ, какъ ихъ и вынимали; они всѣ были цѣлы, и такимижъ еще каменьями?

Г. Ц**

Да развѣ ты не видалъ, что послѣ съ ними дѣлали, и не лилъ никто при тебѣ на нихъ воды?

КЛЕ-

КЛЕОНЪ.

А!.. матушка, видѣлъ, и не только видѣлъ, я и самъ это дѣлалъ. Не успѣешь влить воды, какъ онъ зашипитъ, и пойдетъ дымъ, и послѣ тотчасъ весь онъ развалится, и сдѣлается изъ него, какъ мука. Я, сударыня, не могъ еще надивиться всему этому, и не понималъ, какимъ это образомъ и отъ чего такъ дѣлается.

ФЕОНА.

Какъ, братецъ! камень-то въ муку развалится?

КЛЕОНЪ.

Да, сестрица! ты развѣ этово не видывала. Посмотрите: какъ это хорошо. Какое начнется шипѣніе и журчанье, а особливо ежели этотъ камень въ воду положишь. Но молчи, у меня есть спрятанъ камышекъ, я ужо тебѣ покажу.

Г. Ц**

Когда ты это видѣлъ, такъ на чтожъ тебѣ лучшаго доказательства? И отъ чего иного можно происходить сему, какъ не отъ того, что огненныя частицы при пережиганiи вошли въ скважины каменныхъ частичекъ, и находящуюся между оными связь разрушили, но не совсѣмъ совершенно; а чего они не докончили: то сдѣлала вода, и всѣ частички уже совсѣмъ другъ отъ друга отдѣлила такъ, что они принуждены были развалиться.

КЛЕО́НЪ.

Да, сударыня! я вижу, что это такъ, хотя прежде мнѣ того и въ голову не приходило. Этотъ примѣръ подлинно хорошъ. Но со всѣмъ тѣмъ пожалуйте мнѣ, матушка, скажите, правда ли то, что мнѣ тогда нашъ печникъ сказывалъ? Онъ говорилъ, что не

всякой камень симъ образомъ въ известь пережечь можно; но что иные, какъ ни жги, такъ они останутся тверды?

Г. Ц**

Конечно не всякой; и онъ тебѣ правду говорилъ, да и я не обо всѣхъ вамъ сказывала. Иные въ самомъ дѣлѣ къ тому не способны.

КЛЕОНЪ.

Отъ чего же это такъ?

Г. Ц**

Отъ того, мой свѣтъ, что не всѣ каменья изъ одинакихъ частицъ составлены, да и не во всѣхъ одинакая связь между оными частичками находится; а потому иные симъ образомъ и разрушены быть не могутъ.

КЛЕОНЪ.

Вотъ, сударыня, отъ чего! а я того не вѣдалъ.

Г. Ц**

А такимъ образомъ, любезныя дѣти, и прочія тѣла̀ стихіями либо всѣми совокупно, либо нѣкоторыми изъ нихъ, либо одною которою нибудь разрушаются. А есть и такія, которыя и тою и другою особно разрушены быть могутъ.

ФЕОНА.

Ежели не въ трудъ, такъ пожалуйте, матушка, скажите намъ нѣсколько примѣровъ тому.

Г. Ц**

Очень хорошо, моя радость. Такихъ вещей, въ которыхъ связь одинъ огонь разрушать можетъ, надѣюсь вы сами множество знаете. Всѣ вещи, кои, попросту говоря, сгараютъ, суть тѣла̀ такого рода, и многія другія.

КЛЕОНЪ.

Какъ, сударыня! Въ деревѣ огонь не только связь разрушаетъ, но и всего его сожигаетъ!

ФЕОНА.

И! братецъ, не ужъ ли ты позабылъ, что матушка намъ о дровахъ въ печи намнясь еще сказывала?

КЛЕОНЪ.

Да! матушка! я виноватъ. Теперь я вспомнилъ, что вы изволили сказывать, что они только намъ кажутся, что сгараютъ, а въ самомъ дѣлѣ разрушается только связь частичекъ, изъ которыхъ древо состоитъ.

Г. Ц**

Конечно такъ; и о томъ вы узнаете обстоятельнѣе, когда мы объ огнѣ говорить станемъ. Теперь же надобно тебѣ знать, что то же и о другихъ сгараемыхъ вещахъ разумѣется, что я вамъ тогда о дровахъ сказывала. Всѣ сіи вещи отъ сгаранія не уничтожаются, но разрушается только въ нихъ связь между частичками, и частички остаются цѣлы, и тутъ

же

же въ свѣтѣ, хотя ихъ мы ужè не видимъ. Однимъ словомъ, вамъ надобно это твердо помнить, что первыхъ сихъ частичекъ, изъ которыхъ тѣла̀ состоятъ, сколько создано было Богомъ при началѣ созданія міра, столько и нынѣ есть, и ни одна изъ нихъ не пропала, хотя намъ и кажется, что многія не только частички, но и цѣлыя тѣла̀ пропадаютъ и уничтожаются.

КЛЕОНЪ.

Вы намъ это, сударыня, и прежде изволили сказывать. Но признаюсь, что этотъ пунктъ всякого въ сомнѣніе привесть можетъ; однако я конечно вамъ повѣрю, и надѣюсь, что вы намъ со временемъ все сіе докажете?

Г. Ц**

Конечно, сколько можно докажу: но теперь, мой другъ, станемъ продолжать давишную рѣчь.

КЛЕОНЪ.

Очень хорошо, сударыня.

Г. Ц**

Что мы теперь объ огнѣ говорили, то можно сказать и о воздухѣ. Онъ также разрушаетъ связь между частичками въ тѣлахъ, но съ тою только отмѣною, что, какъ огонь разрушаетъ скоро, такъ напротивъ того воздухъ медленно и не скоро.

КЛЕОНЪ.

Развѣ такъ-то сударыня! а то было вы меня крайне удивили, и я готовился васъ уже спрашивать.

ФЕОНА.

Воля ваша, матушка: а мнѣ какъ то и теперь не очень понятно. Мнѣ кажется я ни одного не знаю такого тѣла, которое бы разрушилось отъ единаго воздуха?

Г.

Г. Ц**

А я тебѣ скажу, что ты напротивъ того знаешь много такихъ вещей, и всякой день ихъ видишь.

КЛЕОНЪ.

Какъ это всякой день вижу? И! матушка сударыня! можетъ ли это статься?

Г. Ц**

Конечно видишь: ибо всѣ тѣ вещи, которыя гніютъ или согнивать могутъ, суть тѣ тѣла̀ въ которыхъ воздухъ внутреннюю связь разрушаетъ,

ФЕОНА.

Что вы это, матушка, изволите говорить? Не ужъ ли они гніютъ въ правду отъ воздуха?.. Такихъ вещей я подлинно много знаю, и всякой день вижу, но думала всегда: что они сами собою гніютъ; а чтобъ воздухъ тому причиною

былъ, того мнѣ никогда и на умъ не приходило.

КЛЕОНЪ.

Да и мнѣ, матушка! я никогда себѣ того не представлялъ, и могу сказать, что мнѣ это очень удивительно.

Г. Ц**

Совсѣмъ тѣмъ это справедливо; и воздухъ отъ части одинъ, отъ части при вспоможеніи воды а иногда и лучей солнечныхъ, теплоты и земли, премножество тѣлъ ежедневно разрушаетъ, и приводитъ въ согнитіе; почему по справедливости можетъ назваться наивеличайшимъ губителемъ вещей натуральныхъ.

КЛЕОНЪ.

Пожалуйте, матушка, скажите мнѣ хотя одинъ примѣръ?

Г. Ц**

Я тебѣ готова сказать хоть цѣлой десятокъ, а всего лучше возьми ты въ примѣръ свѣжее

мясо.

мясо. Не успѣетъ оно лѣтомъ сутки, или двои на воздухѣ полежать, какъ начнетъ портиться, и скоро совсѣмъ согніетъ; и тому ничто иное, какъ воздухъ и теплота, причиною. Онъ разрушаетъ связь частицъ составляющихъ мясо, и наконецъ совсѣмъ разрушитъ и сгноитъ. Или не знаешь ли ты о деревѣ? Не гніетъ ли оно лежа на воздухѣ, и не согніетъ ли наконецъ совсѣмъ, хотя и не скоро? Въ первомъ случаѣ гноитъ болѣе воздухъ, а дерево гноитъ онъ вмѣстѣ съ водою и лучами солнечными; да мало ли чего и кромѣ сего согниваетъ?

КЛЕОНЪ.

Да, матушка! гніетъ много, и вы меня изъясненіемъ своимъ конечно въ томъ увѣрили. Но хотѣлось бы мнѣ знать, сударыня, куда въ согнившихъ тѣлахъ частички дѣваются? При сгараніи уходятъ иныя, какъ вы намъ сказы-

зывали, съ дымомъ на воздухъ, другія производятъ золу, третьи уголья. Но при согнитіи куда они дѣваются, того я не знаю. Ибо сказать, чтобъ они пропадали, того я ужѐ не отваживаюсь: вы намъ только теперь сказывать изволили, что они не пропадаютъ.

Г Ц**

Конечно не пропадаютъ: но остаются тутъ же въ свѣтѣ. И иныя упадаютъ на низъ, и тутъ разваливаясь смѣшиваются съ землею; а другія и большая часть выходятъ въ воздухъ. Самое давичное мясо можетъ вамъ сіе доказать. Тебѣ не однажды, надѣюсь, слыхать случалось дурной духъ и вонь отъ согнившаго мя́са или иного чего.

КЛЕОНЪ.

О! сударыня! это я часто слыхалъ, и хотѣлъ еще давича васъ о томъ спрашивать, не зная, что бы это такое, и отъ чего дѣлалось.

Г.

Г. Ц**

Это не что иное, какъ помянутыя частички мяса, или иного какого тѣла, выходящія въ воздухъ.

ФЕОНА.

А! сударыня! отъ того-то ажно бываетъ вонь и дурной запахъ отъ иныхъ вещей. Я воистинну сего не знала.

Г Ц**

Отъ того, а не отъ инога чего. Теперь осталось мнѣ сказать вамъ, что такимъ же образомъ и вода можетъ въ иныхъ тѣлахъ внутреннюю связь разрушать, и разрушаетъ.

КЛЕОНЪ.

Этого намъ хотя и не изволь-те ужѐ сказывать, сему мы ужѐ и такъ повѣримъ. Къ томужъ я

еще давича находилъ самъ примѣры мнѣ то доказывающіе.

ФЕОНА.

А какія, братецъ?

КЛЕОНЪ.

И! сестрица, не ужѐ ли ты не можешь сама догадаться. Да вотъ, сударыня, возьми кусочикъ сахару; вить это, сударыня, тѣло, да и тѣло еще твердое. Ну! капни на него хоть одну капельку воды, и посмотри, что будетъ? Не растаетъ ли онъ весь, и не разойдется ли? Или положи его въ чашку налитаго чаю: не пропадетъ ли онъ?

ФЕОНА.

Да! братецъ, ты меня надоумилъ: теперь и я это вижу; да и не одинъ сахаръ, и много такихъ вещей есть, которыя въ водѣ раз-

расходятся; на примѣръ: квасцы, соль, купоросъ и прочее. Повѣришь ли, мнѣ стыдно, что я такъ была глупа, и сего не догадалась.

Г. Ц**

Вотъ дѣти! вы ужѐ теперь и сами могли догадаться. Это очень хорошо, и мнѣ остается только присовокупить къ тому двѣ вещи, достойныя примѣчанія.

КЛЕОНЪ.

А какія, сударыня?

Г. Ц**

Во первыхъ то, что и при семъ случаѣ можете вы видѣть, что разрушается водою одна только связь оныхъ тѣлъ; частичкижъ не пропадаютъ. Вкусъ въ водѣ дѣлающейся отъ сахару, сладкой отъ со́ли соляной, отъ квасцовъ кислой, вамъ наияснѣйшимъ обра-

зомъ доказываютъ, что частички въ водѣ.

ФЕОНА.

Такъ, матушка, истинно такъ: но куда какая диковинка! До случаяжъ все, братецъ. Приходило ли тебѣ когда это въ голову? а мнѣ истинно не приходило.

КЛЕОНЪ.

И я тоже о себѣ сказать могу.

Г. Ц**

Во вторыхъ: изъ того, что помянутой на примѣръ кусокъ сахару, положенной въ воду, въ ней сдѣлается невидимымъ; можете вы заключить, и наияснѣйшимъ образомъ видѣть, что много есть вещей на свѣтѣ, которыя мы глазами нашими видѣть не можемъ, но о которыхъ бытіи должны удостовѣряться другими ужѐ чувствами. Ибо естьлибъ не доказывалъ

валЪ намЪ вкусЪ, то бы можно заключить, что кусокЪ сахару пропалЪ со всѣми своими частичками, потому что мы ихЪ вЪ водѣ не видимЪ.

ФЕОНА.

Сударыня! это того еще достойнѣе примѣчанія.

КЛЕОНЪ.

Да, сударыня! это конечно правда, и теперь вижу я, что это и не обЪ однихЪ сахарныхЪ, или соляныхЪ частичкахЪ сказать можно. Мнѣ кажется, что тоже самое доказываетЪ намЪ и давичная вонь. Мы ее также не видимЪ, но чрезЪ обоняніе наше дѣйствительно знаемЪ, что она есть.

Г. Ц**

Поцелуй меня, мой свѣтЪ. Я очень довольна симЪ твоимЪ заклю-

люченіемъ. Привыкай симъ образомъ и впредь заключать. Но теперь намъ, любезныя дѣти, пора ужѐ и переставать говорить. Видите ли, что ужѐ почти смеркается, и намъ время итти ужинать. И такъ окончу я, подтвердивъ вамъ, чтобъ вы все сказанное мною помнили, и не почиталибъ сіе такими маловажными вещами, каковыми они кажутся. Вы увидите, что сіи изъясненія о тѣлахъ и о дѣйствіяхъ въ нихъ стихій впереди вамъ очень сгодятся, и что я не безъ причины напередъ вамъ ихъ такъ подробно изъясняла. Не кирпичи и не известь намъ была нужна: сіи вещи дѣлаются искусствомъ рукъ и ума человѣческаго, и всѣмъ извѣстны; и я вамъ объ нихъ наиболѣе для того говорила, чтобъ показать, что симъ и подобнымъ сему образомъ надобно и о другихъ и тѣхъ вещахъ разсуждать и заключать, которыя натура производитъ. И о! когда бы знали, какія дѣла произво-

водитЪ она, какЪ вЪ нѣдрахЪ земныхЪ, такЪ и всюду и всюду; и какЪ подобнымЪ сему образомЪ безсмѣтныя тысячи тѣлЪ ежедневно составляетЪ и разрушаетЪ; и коль важныя дѣйствія отправляютЪ помянутыя стихіи! ВЪ какое бы удивленіе вы пришли, и какЪ бы много стали чудиться дѣламЪ Создателя устроившаго вся и вся, не только сЪ непостижимою премудростію, но никакой вещи безЪ особливаго намѣренія и безЪ того, чтобЪ она не приносила никакой пользы. Дай-ко намЪ не много далѣе поразговориться, и сЪ натурою болѣе познакомиться, а то увѣрена я, что вы не однажды станете восклицать. О! коль великЪ и премудрЪ нашЪ Создатель, и коль непостижимы для насЪ дѣла̀ рукЪ его!

ФЕОНА.

Повѣримъ! сударыня, когда и сіе насЪ не мало ужѐ удивляетЪ.

Дай

Дай Богъ, чтобъ скорѣе могли мы все нужное узнать и услышать.

КЛЕОНЪ.

А! меня, матушка, вы въ такое любопытство привели, что я и ночью буду о томъ думать, и не только не усталъ слушая, но цѣлыя сутки готовъ бы слушать.

Г. Ц**

Наслушаешься еще довольно, мое сердце; была бы только охота. За нами никто не гонитъ, и я готова вамъ сказывать. Завтра ежели не помѣшаютъ гости, которые ко мнѣ можетъ быть поутру изъ города будутъ: такъ станемъ продолжать разговоръ свой далѣе. И я раскажу вамъ такія вещи, которыя будутъ еще любопытнѣе прежнихъ, и вамъ вѣрно не наскучатъ.

КЛЕОНЪ.

Однако смѣю ли я васъ, сударыня, спросить, о чемъ бы собствен-

ственно вы намъ завтра сказывать изволили.

Г. Ц**

Это услышишь ты самъ завтра; а теперь я только то тебѣ скажу, что намъ много еще о натурѣ и о свѣтѣ говорить осталось, и что мнѣ васъ постепенно въ познаніе его вводить надобно. Это равно, какъ нѣкое огромное и великолѣпное зданіе, или храмъ наполненной чудесами чудесъ и безчисленными диковинками. Я же всѣми прежними разговорами моими растворила вамъ, такъ сказать, только дверь въ сіе зданіе, и ввела васъ на одну только ступень входа; а теперь надобно намъ далѣе иттить и осматривать, что внутри онаго находится.

ФЕОНА.

Сударыня! вы прельщаете меня и однимъ описаніемъ сего храма, или, лучше сказать, сей науки

уки о натурѣ? Куда бы хотѣлось мнѣ скорѣе вѣ него войтить и пользоваться зрѣніемѣ на внутреннія украшенія его. О! какѣ я сію науку полюбила.

КЛЕОНЪ.

А я о себѣ ничего ужѐ не говорю, а только молю Бога, чтобѣ намѣ никакихѣ дальнихѣ помѣшательствѣ и остановокѣ вѣ продолженіи нашихѣ разговоровѣ не было.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

